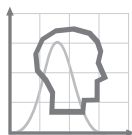

Российская академия наук
Институт психологии

В. В. Знаков

ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ
ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

Москва
Издательство
«Институт психологии РАН»

ММА
МОСКОВСКАЯ
МЕЖДУНАРОДНАЯ
АКАДЕМИЯ

УДК 159.9
ББК 88
3 71

*Все права защищены. Любое использование
материалов данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Рецензенты:

*А. В. Юревич, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН*

Д. А. Леонтьев, доктор психологических наук, профессор

3 71 **В. В. Знаков**

Возможностное мышление: Психология понимания прошлого и будущего. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2025. — 295 с.

ISBN 978-5-9270-0492-8

DOI: 10.38098/mng_25_0492

В монографии представлена новая область психологической науки – возможностное мышление, направленное на понимание прошлого и будущего. В науке существует большой массив знаний о том, как человек понимает настоящее, т.е. актуальные явления, события, ситуации. В соответствии с методологической ситуацией в социокультурном познании в монографии исследовательский акцент смещается на анализ характеристик понимания прошлого и будущего. В качестве психологического механизма понимания рассматривается возможностное мышление. Оно основано на прогнозах, направленных либо в прошлое, либо в будущее, и подразделяется на два вида. Одна разновидность возможностного мышления – контрфактическое мышление – ретроспективна и направлена на осмысление прошлого, другая – проспективное прогностическое мышление – ориентирована на понимание будущего. Возможностное мышление актуализуется у человека не всегда, а только в таких ситуациях, которые требуют от познающего субъекта анализа наряду с действительным и возможным: не только того, что есть, но и того, что может быть, а может и не быть. Подчеркивается, что такое мышление не универсально, оно возникает и формируется только в ситуациях, требующих от познающего субъекта понимания прошлого или будущего.

© В. В. Знаков, 2025

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2025

ISBN 978-5-9270-0492-8

Памяти Олега Константиновича Тихомирова –
Ученого и Учителя

Содержание

Введение	6
---------------------------	---

Глава 1

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРА, В КОТОРОМ АКТУАЛИЗУЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

1.1. Неопределенность мира человека	15
1.2. Принцип необходимого разнообразия в природе и обществе	32
1.3. Причинность и случайность в мире человека.	37
1.3.1. Причинность в трех реальностях человеческого бытия	40
1.3.2. Случайность в мире человека	54
1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике	47
1.4.1. Скрытое как предмет социогуманитарного познания	59
1.4.2. «Скрытое» и «имплицитное» в рассуждениях Д. И. Анцыферовой о психике	64

Глава 2

ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

2.1. Возможное и возможностное	69
2.1.1. Понятие «возможное» в современной науке	72
2.1.2. Психологические исследования возможного	75
2.1.3. Возможное как фактическое и как воображаемое	77
2.2. Возможностное мышление.	82
2.3. Серендипность возможностного мышления	89
2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего	99
2.5. Понимание прошлого как общегуманитарная проблема	107
2.6. Контрфактическое мышление.	115
2.6.1. Общенаучный контекст изучения контрфактов и контрфактуалов	115
2.6.2. Функции контрфактического возможностного мышления	125

2.7. Прогнозирование и понимание будущего	134
2.8. Проспективное возможностное мышление	145

Глава 3

ТРУДНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ

3.1. Невозможное	150
3.1.1. <i>Общенаучный контекст изучения невозможного</i>	152
3.1.2. <i>Психологические исследования невозможного</i>	161
3.2. Невыразимое	169
3.2.1. <i>Неожиданность и невероятность экзистенциальных событий</i>	171
3.2.2. <i>Невыразимость экзистенциального травматического опыта</i>	176
3.2.3. <i>Невыразимый опыт как компонент психологии возможностного мышления</i>	180
3.2.4. <i>Молчание и осмысление как способы понимания невыразимого</i>	182
3.3. Таинственное	188
3.3.1. <i>Познавательные тайны</i>	190
3.3.2. <i>Экзистенциальные тайны</i>	197
3.4. Непостижимое	211
3.4.1. <i>Постижение — один из видов понимания мира</i>	211
3.4.2. <i>Непостижимое как компонент возможностного мышления</i>	224
3.5. Немыслимое	234
3.5.1. <i>Понятие «немыслимое» в социогуманитарном познании</i>	234
3.5.2. <i>Психология понимания немыслимого</i>	242
3.5.3. <i>Зло: немыслимое или поддающееся рациональному осмыслению?</i>	250
3.5.4. <i>«Окна Овертона» и теракты: от немыслимого к допустимому</i>	251
Заключение	258
Литература	262

Введение

В XXI веке наука достигла колоссальных успехов в объяснении устройства мира. Сегодня мы хорошо понимаем природу и механизмы окружающей нас действительности. Мы воспринимаем подавляющее большинство вещей и явлений (погоду, самолеты, школу) как привычные и понятные. Вместе с тем уже достаточно хорошо изученная неопределенность мира человека, его неполная детерминированность побуждает ученых обращать внимание не только на привычное действительное, но и на необычное возможное — невыразимое, непостижимое, таинственное и т.п. С возникновением в последнее десятилетие психологии возможного для исследователей стало очевидно, что изучение таких феноменов требует особой, специфической мыслительной деятельности. Такая деятельность является психологическим основанием актуализации и процессуального развертывания у человека возможностного мышления. Описанию и психологическому анализу возможностного мышления посвящена эта монография. Непривычность, новизна, но вместе с тем необходимость и психологическая обоснованность термина «возможностное мышление», надеюсь, станет понятной читателю, прочитавшему книгу.

В современном социогуманитарном познании ясно виден сдвиг с анализа реального положения дел в мире на потенциально возможное: «Учитывая масштабы и сложность проблем, с которыми сейчас сталкивается человечество, более убедительным вариантом является смещение предмета социальных наук с “того, что есть” на “что могло бы быть” (Gergen, 2015). Более того, по словам Салливана (2017), “любая форма психологии или теоретической психологии, которая не может ориентироваться на будущее и систематически взаимодействовать с ним, является неадекватной и потенциально даже обреченной на провал и небрежной” (Sullivan, 2017, p. 265). Вместо того чтобы сосредоточиваться на существующем состоянии — теперь уже в прошлом, — задача состоит в том, чтобы активно участвовать в формировании более многообещающего будущего» (Gergen, 2023, p. 82–83). Такое же мнение высказывают Р. Ф. Баумайстер и Дж. Л. Алквист: «Многие исследования восприятия и познания изучают, насколько хорошо люди могут различать то, что существует (реальность).

Эту работу можно было бы дополнить, сосредоточив внимание на том, что там может быть (возможности). Осознание возможностей может быть очень адаптивным, а неспособность обнаружить возможности или угрозы может дорого обойтись» (Baumeister, Alquist, 2023, p. 17).

Этой тенденции в развитии психологических исследований соответствует положение дел в современной психологии понимания. В настоящее время уже есть большой массив знаний о том, как человек понимает настоящее, т.е. актуальные явления, события, ситуации (обзоры исследований см.: Знаков, 2005; 2016). Теперь, с позиции психологии возможного, необходимо сместить исследовательский акцент на анализ характеристик понимания прошлого и будущего. Понимание не только будущего, но и, как это ни парадоксально на первый взгляд, прошлого невозможно без обращения к категории «возможное». Развернутое обоснование этого тезиса приведено во второй главе книги. «Инструментом», психологическим механизмом понимания прошлого и будущего является «возможностное мышление».

Проблема мышления интересовала психологов всегда, но в разное время в зависимости от изменения методологических и социальных контекстов изучения на передний план научного анализа выдвигались различные аспекты ее содержания. Так, в период перестройки О. К. Тихомиров размышлял о том, что такое «новое мышление», и пришел к выводу, что о нем следует говорить тогда, когда в самой структуре мыслительной деятельности появляется что-то новое. С этой точки зрения, любое творческое мышление является новым, поскольку в его результате возникают психические новообразования. О. К. Тихомиров полагал, что психологический анализ нового мышления позволит психологам по-новому взглянуть на проблему мотивации мыслительной деятельности. «Кроме мотивационно-ценностного аспекта публикации по проблемам нового мышления заставляют конкретизировать тот уровень, который связан с характеристикой мышления как процесса, направленного на решение задач. Здесь выделяются как бы новые виды нового мышления. Один — найти новый подход к решению старой задачи. Второй — найти задачу, которая раньше не ставилась. Это тоже можно найти в публикациях. Наконец, выработка нового метода решения тех или иных задач» (Тихомиров, 1992, с. 62). Следовательно, обращение к проблеме нового мышления позволяет включить исследования мыслительной деятельности в более широкий научный и социально-политический контекст.

В наши дни возникла и активно развивается психология возможного, опираясь на которую можно сделать следующий шаг в направлении исследования психологических характеристик мышления. Термин «возможностное мышление» является новым для российской психологии, поэтому для раскрытия его психологического содержания необходимо ответить как минимум на три вопроса: как соотносится этот феномен с другими видами мышления, не тождественна ли такая мыслительная деятельность вероятностному мышлению, какие смыслы прошлых и будущих событий должны быть порождены понимающим мир субъектом при применении возможностного мышления?

Первый вопрос: является ли возможностное мышление универсальным, включающим в себя другие виды мыслительной деятельности? Ответ на него категорически отрицательный: нет, возможностное мышление это просто один из видов мышления, актуальность психологического анализа которого стала очевидной сейчас, с возникновением психологии возможного.

Как известно, классифицировать можно по разным основаниям.

Одна существующая классификация видов мышления — по результатам: теоретическое и практическое. Теоретическое мышление завершается получением нового обобщенного знания о фрагментах мира, а практическое — преобразованием конкретных ситуаций; немало показательных примеров можно найти в работе Б. М. Теплова «Ум полководца» (Теплов, 1961).

Другая классификация — по мыслительным операциям и действиям: наглядно-действенное, наглядно-образное, словесно-логическое. Так, под математическим мышлением понимается совокупность взаимосвязанных логических операций; оперирование как свернутыми, так и развернутыми структурами; знаковыми системами математического языка, а также способность к пространственным представлениям, запоминанию и воображению (Гринева, 2009). Н. Е. Веракса изучает диалектическое мышление как оперирование противоположностями. Разрабатывая структурно-диалектический метод анализа мышления, он выделяет в нем различные действия: диалектического превращения, объединения, опосредствования, сериации, смены альтернативы (Веракса, 2021). «Диалектическое мышление представляется как система особых мыслительных действий, предназначенных для решения задач конкретного типа — содержащих работу с отношениями противоположности как внутри содержания, так и структурных»

(Веракса и др., 2024, с. 979). М. А. Холодная исследует понятийное мышление как концептуальные структуры «внутри» ментального опыта, которые составляют основу акта понятийного отражения. Концептуальные структуры как психические носители свойств понятийного мышления вносят существенный вклад в интеллектуальную продуктивность человека (Холодная, 2012).

Наконец, третья (но не последняя) классификация — по предметным областям, где они разворачиваются. Может быть физическое, техническое, политическое мышление — какое угодно (Тихомиров, 1984). Предметная область музыкального мышления включает музыкально-звуковые образы, требующие от музыканта развития музыкального слуха, чувства музыкального ритма, музыкальной памяти. М. М. Кашапов изучает педагогическое мышление. Предметом педагогического мышления является мышление учителя, а его единицей проблемности: «Различный уровень проблемности обусловлен, во-первых, объективной сложностью ситуации; во-вторых, профессионализмом специалиста; в-третьих, направленностью его мышления» (Кашапов, 2023, с. 151).

Возможностное мышление тоже может быть классифицировано как отнесенное к вполне конкретным предметным областям — прошлому или будущему. Возможностное мышление актуализуется у человека только в тех, не слишком частых, случаях, когда он вынужден задуматься о прошлых или будущих ситуациях, предметом такого размышления является либо прошлое, либо будущее. Современные ученые понимают, что в основе человеческого рассуждения не может лежать только логика, и потому рассматривают как основания мышления модели возможностей вместо логики. Рассуждая, вместо соблюдения непротиворечивой логической последовательности люди нередко делают выводы, которые необходимы, возможны или невозможны. В рассуждениях мы полагаемся не на правила логики, а на модели возможностей (Johnson-Laird, Byrne, Khemlani, 2024).

Потребность в возможностном мышлении у человека возникает тогда, когда обстоятельства требуют от него сочетания возможностей, предоставляемых задачами, и устремленностью в прошлое или будущее, открытия вариантов развития событий, которых пока еще нет (прогнозы погоды, динамика цен на фондовых рынках, стрельба по движущимся мишеням) или уже нет. Например, серендипность как компонент возможностного мышления включает не только

возможность неожиданного разворота изучаемой ситуации, но и готовность, подготовленность к неожиданному. Возможностное мышление актуализируется тогда, когда без направленности на варианты изменения познавательной или коммуникативной ситуации нельзя понять ее наличное состояние, а также потенциал возможного развития. И тогда даже внешние обстоятельства подталкивают познающего субъекта к переходу от анализа действительного к изучению возможного прошлого или будущего. Примером может служить лозунг одного из научных семинаров по форсайту: «Нельзя спрашивать, как это происходит, надо спрашивать, как это может происходить». Следовательно, в психологических классификациях возможностное мышление является промежуточным, отражающим и объективные характеристики решаемой задачи, и субъективную направленность мыслителя на анализ возможного будущего развития задачной ситуации.

Возможностное мышление основано на прогнозах, направленных либо в прошлое, либо в будущее, и соответственно подразделяется на два вида. Одна разновидность возможностного мышления — контрфактическое мышление — ретроспективна и направлена на осмысление прошлого, другая — проспективное прогностическое мышление — ориентирована на понимание будущего. Возможностное мышление не универсально, оно актуализируется у человека не всегда, а только в таких ситуациях, которые требуют от познающего субъекта анализа наряду с действительным и возможным — иными словами, не только того, что есть, но и того, что может быть, а может и не быть. Это значит, что возможностное мышление является предметно-операциональным, обусловленным и средой, в которой оказался человек, и его операциональными прогнозами, направленными в прошлое или будущее. Понимание прошлого основано на ретроспективном контрфактическом мышлении, переосмыслении произошедшего по принципу «Что было бы, если?..». Контрфактические аргументы открывают перед людьми возможности, которые без них были бы проигнорированы. Понимание будущего осуществляется посредством проспективного прогностического возможностного мышления, направленного на ответ на вопрос: «Что будет, если?..». Возможностное мышление актуализируется тогда, когда без направленности на варианты изменения познавательной или коммуникативной ситуации нельзя понять ее наличное состояние, а также потенциал возможного. В этих случаях

внешние обстоятельства подталкивают познающего субъекта к переходу от анализа действительного к изучению возможного.

Второй вопрос: есть ли отличия возможностного мышления от вероятностного мышления? Различия между ними есть, и, условно говоря, они проходят по границе субъективного и объективного. Возможностное мышление отражает активные психические действия познающего субъекта, без которых невозможно понимание того, что возможно, а что нет. Вероятностное мышление ориентировано на учет объективных вероятностей тех или иных событий. Для человека вероятность это то, чего он не знает, но что, по крайней мере в теории, познаваемо. «Вероятное, как и возможное, может быть, а может не быть, но осуществление той или иной вероятности не зависит от субъекта, его желаний и действий, его самоопределения по отношению к этой вероятности. Вероятность реализуется через стечение обстоятельств, в которое мы можем внести очень слабый вклад. В отличие от вероятности и потенциальности возможность есть потенциально допустимая перспектива развития действительности, которая может стать действительностью не иначе как через выбор субъекта и приложение усилия. Таким образом, возможность существует только для самоопределяющегося активного субъекта; для пассивно реагирующего существа возможностей не существует, есть только потенции и вероятности. Возможность (или ее отсутствие) не в ситуациях, она в головах» (Леонтьев, 2020, с. 391). Наличие или отсутствие возможностей, а также информации о них — это то, с чем сталкивается познающий субъект, пытаясь понять не только очевидные знания о мире, но и неявные, которые нужно предвосхищать и прогнозировать. Неудивительно, что объективным основанием вероятностного мышления является теория вероятностей, а возможностного мышления — психология возможного.

На материале создания систем роботов на различия между возможностями и вероятностями указывает также А. Слоумен: «Возможности более фундаментальны, чем вероятности: вероятности могут существовать только в отношении наборов возможностей, но наборы возможностей, например, возможные действия, которые может выполнить животное в некоторой ситуации, или возможные способы, которыми три монеты могут быть расположены на столе, не имеют ничего общего с вероятностями. Возможности можно заметить, рассуждать о них и в некоторых случаях сделать реальными

без какого-либо рассмотрения вероятностей. Если вы знаете, что такое монеты и видите четыре монеты на столе, есть много возможностей для изменения конфигурации на столе, включая добавление дополнительных монет, удаление монет, переворачивание монет, вращение монет без переворачивания их и перемещение в новые места» (Sloman, 2015).

В психологии «работают» не все виды вероятностей, некоторые психологические явления, например, пороги в психофизике, сами нестабильны, разброс результатов при измерении порогов оказывается характеристикой не метода, а самого объекта измерения. Вследствие этого такие явления бесполезно измерять привычными «линейными» инструментами, нужно использовать аппарат теории вероятностей (Гуревич, Фейгенберг, 1977). В этих условиях ученые должны рассматривать множество возможных альтернатив развития событий в исследуемых областях познания, и неудивительно, что психология возможного как объяснительный принцип приобретает решающее значение.

Третий вопрос: какие смыслы прошлых и будущих событий должны быть порождены понимающим мир субъектом при актуализации возможностного мышления? Ответ — необычные, отличающиеся от банальных, сразу же приходящих на ум смыслов прошлых или будущих ситуаций (смысловая инверсия этого утверждения, взгляд на него с противоположной точки зрения: «Если на рынке что-то очевидно, то это маловероятно»). Особенно наглядно необычность смыслов проявляется при понимании прошлого, потому что настоящее, т.е. совершившееся прошлое, создает у понимающего субъекта иллюзию единственности того, что произошло (А. С. Пушкин был убит в 1837 г., Наполеон проиграл битву при Ватерлоо) и невозможности иного хода событий. Затруднения с пониманием маловероятных, но все-таки возможных событий способствуют порождению не привычных, а необычных смыслов. Как это стало особенно очевидно при создании машинных систем искусственного интеллекта, «понимающих» естественные языки, такие смыслы возникают в результате чтения между строк, выявления неявного содержания — установления связей между понятиями и понимания идей, которые не обсуждаются открытым текстом. Необычность, творческий характер смыслообразования обусловлены спецификой психологических феноменов, оказывающихся в фокусе внимания субъекта, использующего возможностное мышление. Невозможное, невыразимое, таинственное, непостижимое

и немислимое объединяет то, что их понимание требует от познающего субъекта выявления или порождения необычного смысла посредством применения возможностного мышления. Особенно часто это происходит при необходимости «воспринять» и понять «невидимую угрозу» (радиационную, эпидемиологическую и др.). Наиболее характерной психологической особенностью понимания невидимой угрозы является отсутствие в экзистенциальном опыте человека, его памяти чувственных признаков радиационной, эпидемиологической и других видов опасности. Непонимание — следствие расхождения экзистенциального опыта субъекта и применяемых им для понимания рациональных схем рассуждений, шаблонов, фреймов. Вследствие этого в процессе понимания субъект сталкивается с невыразимым и немислимым.

Необычность смысла обусловлена субъективными представлениями о мире, согласно которым невозможных, немислимых и т.п. ситуаций просто не может быть. И тем не менее они есть и побуждают человека к их пониманию. Смислообразование происходит в процессе анализа альтернатив, возможных вариантов развития понимаемых ситуаций. Понимая такие ситуации, человек должен проделать путь от осознания их бессмысленности к признанию того, что «такое тоже может быть». «Так, ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС, по мере накопления информации о патогенности стрессора, сталкивались со своими представлениями о собственной личной уязвимости, с переживаниями чувства несправедливости мира, в соответствии с которыми их опыт участия в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, а также та угроза жизни, которой они себя подвергали, представлялся немислимым, невозможным, невероятным» (Быховец, 2023, с. 1140).

Понимание прошлого и будущего всегда требует от познающего субъекта необычного смысла, отличающегося от привычного, когда-то порожденного или выявленного в соответствии с культурными представлениями («Д. И. Менделеев — выдающийся русский ученый, а мог бы он стать не химиком, а ветеринаром?»; «Был ли бы я за или против брексита, выхода Великобритании из Европейского союза, если бы был не русским, а англичанином?»; «Все автомобили имеют рулевое колесо и педали, а можно ли обойтись без них в роботакси, как предлагает И. Маск?»). Это означает недоступность прошлого и будущего, их онтологическое отличие от настоящего.

Подробно проанализированные в третьей главе книги психологические феномены (от невозможного к немислимому), побуждающие человека породить именно необычный смысл, в большинстве своем присущи экзистенциальной реальности: они озадачивают, сначала кажутся бессмысленными и потому приобретают для познающего субъекта особенную экзистенциальную ценность. Кажущаяся бессмысленность невыразимого, немислимого и т.п. оказывается барьером, фильтром на пути понимания, соотнесения представлений понимающего субъекта о должном с неприемлемым, недопустимым. Не имея возможности сопоставлять такие феномены с фактами, субъект анализирует их в пространстве возможного. Понимание упомянутых феноменов основано на преадаптации: поскольку нельзя опереться на прошлый опыт, то человек в процессе их осмысления должен решать задачи на творческое смыслообразование. Привычный, обычный смысл ситуаций основан знаниях из прошлого опыта. Преадаптация направлена на построение стратегий, основанных на пока еще не осуществленных, а только возможных формах взаимодействия со средой. А поскольку возможных вариантов, например, при анализе прошлых исторических событий или будущих ходов в шахматных задачах всегда почти бесконечное количество, то понимание как прошлого, так и будущего строится на анализе возможных вариантов развития понимаемых ситуаций.

Первая глава книги посвящена анализу объективных и субъективных оснований порождения возможного в мире человека. Во второй главе анализируется психология понимания прошлого и будущего, а также возможностного мышления, посредством которого происходит понимание. В третьей главе описываются психологические феномены (от невозможного к немислимому), которые оказываются фильтрами, барьерами на пути понимания.

Глава 1

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МИРА, В КОТОРОМ АКТУАЛИЗУЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

1.1. Неопределенность мира человека

В XX – XXI столетиях мир человека и научная картина мира значительно изменились. Неудивительно, что также изменились представления ученых о детерминации происходящих в нем процессов и явлений. Классический детерминизм, представленный в работах Г. В. Лейбница, И. Ньютона, П. С. Лапласа и других великих ученых, по существу, был обращен в прошлое, то есть текущее состояние мира описывалось как обусловленное прошлыми причинами. Согласно Р. Декарту, мир подобен механическому устройству, например, большим и очень точным часам: каждое движение порождается толчком, вызванным предыдущим поворотом шестеренок. Вследствие изменений научных представлений о детерминизме сегодня мир рассматривается исследователями уже не как каузальная машина. В наше время мир изучается как процесс реализации возможностей и разворачивания новых возможностей: «Прежняя картина мира представляла нам механизм, действующий посредством толчков или посредством более абстрактных причин, причем все они принадлежат прошлому, которое пинает нас и гонит пинками в будущее, прошлому, которое ушло и не вернется. Эта картина больше не адекватна нашему индетерминистскому миру предрасположенностей. Каузация — всего лишь особый случай предрасположенности — это предрасположенность, равная 1, требование или сила, определяющая реализацию. Не пинки сзади, из прошлого, подталкивают нас, а притяжение, соблазн будущего и его конкурирующих возможностей притягивают, приманивают нас. Именно это поддерживает жизнь, да и весь мир, в непрерывном развертывании» (Поппер, 2000, с. 189).

Детерминизм, несмотря на очевидную неоднозначность этого понятия, играет существенную роль в человеческом бытии, потому

что «люди разделяют мысленно управляемое поведение на два отдельных типа: считая один тип совместимым с детерминизмом, а другой — фундаментально несовместимым с детерминизмом» (Beag, Knobe, 2016, p. 2025). В детерминистской вселенной люди думают, что определенные виды действий вообще невозможны. В таком мире люди не могут нести моральную ответственность за свои поступки, например, мошенничество. Играет роль и степень предсказуемости событий, потому что «некоторые виды поведения, которые считались достаточно предсказуемыми, например, сопротивление желанию съесть стейк, были признаны несовместимыми с детерминизмом, а другие виды поведения, которые были оценены как непредсказуемые, как влюбленность, были признаны совместимыми с детерминизмом» (ibid., p. 2044).

В психологии решение проблемы детерминизма происходило в целом так же, как в философии и других науках: психологи пытались описать и проанализировать общие закономерности детерминации, которые применимы для выявления причин и следствий поведения человека в любых ситуациях и при любых обстоятельствах. Способ рассуждений при этом очень похож на размышления физиков о законах тяготения или движения планет. Иначе говоря, в основании таких рассуждений было представление о том, что мир един, а задача ученых — найти, определить общие для природной и социальной среды законы его детерминации. На этом классическая наука неизменно стояла вплоть до начала прошлого века. Однако в XX – XXI веках научные представления о фундаментальных закономерностях развития процессов в природе и обществе значительно изменились. И главное изменение состоит в отказе от попыток ученых вывести единые общие законы, согласно которым, как в классической ньютоновской физике, основанием любого следствия являются вполне определенные причины: если известны начальные условия материального тела, то можно вычислить его положение в будущем.

В классической науке научная рациональность рассуждений ученых была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня научное мировоззрение изменилось. «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания. Ныне мы сознаем,

1.1. Неопределенность мира человека

что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам детерминированными и обратимыми. Таковы, например, движения маятника без трения или Земли вокруг Солнца. Но существуют также и необратимые процессы, которые как бы несут в себе стрелу времени. Например, если слить две такие жидкости, как спирт и вода, то из опыта известно, что со временем они перемешаются. Обратный процесс — спонтанное разделение смеси на чистую воду и чистый спирт — никогда не наблюдается. Следовательно, перемешивание спирта и воды — необратимый процесс. Вся химия, по существу, представляет собой нескончаемый перечень таких необратимых процессов» (Пригожин, Стенгерс, 2014, с. 11).

В классической науке кажущаяся простота мира и соответственно проблем детерминации формировалась в результате изучения простых систем с периодическим поведением. Научные представления о простоте природного и социального миров показали свою несостоятельность, когда стало ясно, что мир человека в основном состоит из неустойчивых динамических систем, которые чаще поддаются научно-корректному описанию в терминах случайности, чем необходимости. В неклассической науке «важную роль при описании динамики системы начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного. Причинность не может быть сведена только к ее лапласовской формулировке — возникает понятие “вероятностной причинности”, которое расширяет смысл традиционного понимания данной категории. Новым содержанием наполняется категория объекта: он рассматривается уже не как себе-тождественная вещь (тело), а как процесс, воспроизводящий некоторые устойчивые состояния, и изменчивый в ряде других характеристик» (Степин, 2000, с. 625).

В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена ограниченным кругом ситуаций. В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. Вследствие этого, например, в социологии дело доходит до полного отрицания детерминизма и утверждения ненужности этого понятия: «Организаторы XVII Всемирного социологического Конгресса (Швеция, Гетеборг 2010 г., «Социология в движении» — “Sociology on the move”) начинали обоснование главной темы этого форума с фразы “Determinism

is dead in the social sciences” (Wieviorka 2010). Судя по всему, “смерть детерминизма” предлагалось рассматривать как одно из самых существенных “движений”, демонстрирующих эволюцию категории — от классического признания фундаментальной ее роли как методологической основы исследования социальных процессов и построения научных объяснений до потери доверия к ней в современных условиях» (Орланов, 2019, с. 265).

В современной психологии также есть радикальная точка зрения о неприемлемости детерминизма для интерпретации результатов психологических исследований. Например, Р. Ф. Баумайстер и С. Ло утверждают, что психологическая наука не имеет никаких детерминистических законов, и потому детерминизм абсолютно не подходит в качестве необходимой основы для научного исследования в психологии — он недоказуем, противоречит повседневному опыту и вероятностной природе психологических данных: «Вместо этого мы считаем, что психологи должны пренебрегать детерминизмом. В настоящее время мы не знаем ни одной психологической причины, которая бы действовала со 100% неизбежностью, требуемой детерминизмом, даже если мы позволим детерминисту указать (детерминистские) граничные условия. Мы также не знаем ни одного крупного исследовательского проекта, который достиг бы 100% точного предсказания каждой точки данных. Детерминисты придерживаются веры в то, что психология может приблизиться к таким идеалам. Мы считаем, что эта вера совершенно необоснованна» (Baumeister, Lau, 2024, p. 297). Авторы делают вывод, что сущностная природа психологической реальности вероятностна, а не детерминирована: «Альтернативой детерминизму является то, что будущее действительно содержит множественные возможности, “матрицу множественных возможностей” (например, Baumeister et al., 2018), а не единственную последовательность событий, которая уже определена» (ibid., p. 286). Именно такая позиция соответствует сущности возможностного мышления, реализующегося в неопределенной возможностной среде.

Категоричную точку зрения об отказе от детерминизма вряд ли можно признать правильной: целесообразнее вести речь не о «смерти детерминизма», а о развитии содержания этого понятия. В социологии одна из таких альтернативных позиций называется «рефлексивным детерминизмом»: «Суть такого подхода правомерно выразить тезисом о субъектно – объектной, в этом смысле двойственной,

1.1. Неопределенность мира человека

обусловленности социальных явлений и процессов» (Орланов, 2019, с. 268). Отмечается, что необходимо учитывать не только лапласовскую причинно-следственную связь событий («из А следует Б»), но и то, что, «если события связаны принципиально неоднозначно (случайным образом), это еще не означает отсутствия общих условий, в рамках которых проявляется тот или иной случайный фактор. Иным общим условиям может соответствовать и иной диапазон случайных факторов» (там же, с. 267). В современной науке начинает складываться новая интерпретация детерминизма, связывающая его с управлением: «Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма — детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» (Князева, Курдюмов, 2005). Такая точка зрения логично вытекает из современной синергетики, согласно которой в сложных системах, к примеру социальных, всегда можно выявить целое поле возможностей, а развитие систем зависит от множества различных переменных.

В психологической науке проблема детерминации психического развития всегда была одной из центральных, ее анализ и обсуждение занимают большое место в трудах ученых. Например, Дж. Перл описывает трехуровневую иерархию, которая включает вопросы, на которые можно ответить на каждом уровне, — ассоциативные, интервенционные и контрфактуальные. На первом, ассоциативном, уровне отношения в ситуации можно вывести непосредственно из наблюдаемых данных: наблюдение за покупателем, покупающим зубную пасту, повышает вероятность того, что этот покупатель купит и зубную нить. «Второй уровень, “Вмешательство”, занимает более высокое место, чем “Ассоциация”, поскольку он включает в себя не просто видение того, что есть, но и изменение того, что мы видим. Типичным вопросом на этом уровне будет: “Что произойдет, если мы удвоим цену?” На такой вопрос нельзя ответить только на основе данных о продажах, поскольку он предполагает изменение выбора клиентов в ответ на новые цены» (Pearl, 2019, p. 56). На третьем уровне понимающий ситуацию субъект использует ретроспективные рассуждения, задавая вопросы типа: «Что, если бы я поступил иначе?» Дж. Перл пишет: «Я помещаю контрфактуалы на вершину

иерархии, потому что они включают в себя интервенционные и ассоциативные вопросы. Если у нас есть модель, которая может ответить на контрфактические вопросы, мы также можем ответить на вопросы о вмешательствах и наблюдениях. Например, интервенционный вопрос: что произойдет, если мы удвоим цену? На этот вопрос можно ответить, задав контрфактический вопрос: что произошло бы, если бы цена выросла в два раза по сравнению с нынешним значением? Аналогично на ассоциативные вопросы можно ответить, если мы ответим на интервенционные вопросы; мы просто игнорируем часть действия и позволяем наблюдениям взять верх. В обратную сторону перевод не работает. На интервенционные вопросы невозможно ответить, основываясь исключительно на наблюдательной информации, только на основе статистических данных. Ни на один контрфактический вопрос, включающий ретроспекцию, нельзя ответить, исходя из чисто интервенционной информации, в отличие от информации, полученной в результате контролируемых экспериментов; мы не можем повторно провести эксперимент на людях, которых лечили препаратом, и посмотреть, как бы они себя вели, если бы им не дали препарат. Таким образом, иерархия является направленной, причем верхний уровень является самым влиятельным» (там же).

Проблеме детерминации большое значение придавали и отечественные ученые.

В концепции С. Л. Рубинштейна главными являются «три аспекта принципа детерминизма, важнейшие для субъектно-деятельностного подхода: внешние причины действуют только через внутренние условия; детерминация любого явления процессуальна; внутренние условия организованы системно» (Харламенкова, 2013, с. 17). А. В. Брушлинский считал, что детерминация любого человеческого действия, в частности мышления, не дана изначально как нечто готовое, она образуется, постепенно формируется, т.е. выступает в виде процесса. Внутренние условия для его дальнейшего развития создаются только в ходе самого мышления (Брушлинский, 2003, с. 238).

К. В. Карпинский выделяет три формы субъектной детерминации психического развития человека. Первая форма детерминации представлена деятельностью как процессом субъект-объектного взаимодействия человека с миром. Вторая форма — саморегуляция как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с собственной деятельностью. Наконец, третья форма — самодетерминация

1.1. Неопределенность мира человека

как процесс субъект-объектного взаимодействия человека с самим собой (Карпинский, 2020). И. Н. Погожина фокусирует внимание не на внутрисубъектных, а на общенаучных основаниях детерминации развития содержания познавательных процессов человека и анализирует преемственность постнеклассических, классических и неклассических моделей детерминации развития психики. В ее работе обосновывается, что психику человека следует понимать как функционирование открытой развивающейся, неравновесной, самоорганизующейся системы (Погожина, 2015).

Обобщая, можно утверждать, что в психологии указанные методологические тенденции получили развитие в представлениях о множественности детерминации поведения человека. Основная причина этого заключается в том, что научные описания природных объектов, в том числе с помощью математических моделей, обычно содержат значительно меньше переменных, чем интерпретации результатов психологических исследований: «Например, в модели идеального газа можно изменять две переменные — объем и температуру — и следить затем, как изменяется третья — давление. Однако для объектов, которыми занимается психология, характерно чрезвычайное разнообразие поведения в разных ситуациях, или, другими словами, большое количество степеней свободы» (Ушаков, 2018, с. 72).

В системно-субъектном подходе Е. А. Сергиенко детерминация психического развития рассматривается как полидетерминированный процесс, включающий множество пересечений биологических, генетических, социальных, исторических и культурных компонентов. Полидетерминация психического развития анализируется на основе сложной модели мультидисциплинарных и межпарадигмальных решений, направленных на поиск генетических, генетико-молекулярных и нейрональных механизмов психического развития (Сергиенко, 2017).

Аналогичные соображения с позиций культурно-деятельностной психологии высказывает Т. В. Корнилова: «Развитие идей культурно-деятельностного подхода и конкретно-психологических системных представлений приводит к пониманию множественности причинности, если речь идет о познании и личности, и отказу от одноуровневых и односложных объяснений (при развитии многоуровневых построений). Одна причина не может быть положена в основу анализа личностных структур: дихотомии “внешнее (действует) через

внутреннее” или “внутреннее — через внешнее” (отличие подходов С. Л. Рубинштейна и А. Н. Леонтьева) не могут сводить психологический анализ к одному виду или модусу причин. Для развития психологических теорий, конкретизирующих те или иные методологические предпосылки в подходах к личности, необходимым звеном становится понимание плюралистичности психологических объяснений» (Корнилова, 2018, с. 372).

Такую же полидетерминацию обнаруживают психологические исследования дискурса, в которых разные виды направленности описываются как иерархические. В частности, в политическом дискурсе направленность на действительность образует нижний уровень интенциональной иерархии высказываний политика. Интенции второго уровня иерархии направлены на апологизацию себя и дискредитацию политического противника. Цель апологизации — привлечь к своей кандидатуре избирателя, дискредитации — настроить его против конкурентов. Третий уровень интенциональной системы состоит в направленности на агитацию «своего» избирателя. Индивидуальное своеобразие политических выступлений проявляется в выраженности основных интенциональных направленностей, а также в наборе конкретных интенций, которыми они представлены (Дискурс в современном мире..., 2011, с. 24–25).

Итак, полидетерминация отражает как саму действительность, так и языковые средства ее описания: «Реальность, изучаемая наукой, — это также “конструкция нашего разума, а не только данность”. Урок из принципа дополнительности, который важен для всех областей знания, состоит в следующем. Множественность описания системы неустранима. Нет “божественной” точки зрения, с которой открывается “единственно верный”, исчерпывающий взгляд на всю реальность. Богатство реальности превосходит возможности любого одного языка, любой логической структуры» (Александров, Александрова, 2010, с. 25).

Неопределенность — это та среда, в которой формируется возможностное мышление. Самым значимым с точки зрения психологии возможностного мышления является то, что в процессе его развития познающий субъект анализирует «возможное» не как выбор одной альтернативы из нескольких, а как некий бесконечно богатый потенциал, спектр возможностей содержания предмета, на который всегда направлено его творческое мышление. «Поворот предмета

1.1. Неопределенность мира человека

разными сторонами», «вычерпывание нового содержания» — это и есть такой психологический анализ мышления, который противостоит современным концепциям принятия решения как интеллектуального и личностного выбора.

Главная причина изменения научных представлений о детерминизме — в осознании учеными неполной детерминированности, а следовательно, неопределенности действительности, включающей природу и социокультурный мир. Рассмотрим подробнее объективную и субъективную неопределенность мира человека.

Неопределенность как предмет научного исследования интересует представителей самых разных научных направлений. В науке неопределенность — это характеристика онтологическая и гносеологическая: и понимаемой субъектом ситуации, и процессов ее понимания. Во многих (но не всех) познавательных и коммуникативных ситуациях неопределенность присуща самой познаваемой и обсуждаемой реальности, в этом случае ученые говорят о ней как онтологической категории. Неопределенность может также оказаться следствием недостаточности знаний или ценностно-нормативных представлений понимающего субъекта — это гносеологический аспект проблемы. Иначе говоря, бесполезно искать корни неопределенности только в объективной ситуации, которую пытается понять субъект, или в его внутреннем мире — знаниях, ценностях, нормативных представлениях: «То есть неопределенность не может быть приписана ни самому по себе положению дел, ни самим по себе знаниям действующего агента. Для достаточно полной ее характеристики необходимо учитывать и свойства проблемной ситуации, и способ ее понимания действующим агентом, а кроме того, характер социальных действий агента» (Шевченко, 2021, с. 165).

Рассуждая о неопределенности мира человека, необходимо учитывать, что существуют различные ее виды, в которых в неодинаковой степени представлены ее объективные и субъективные компоненты. «Осознание неустранимой неопределенности является ядром вероятностного мышления, но это сложная вещь для измерения. Чтобы сделать это, мы воспользовались различием, которое философы предложили между “эпистемической” и “алеаторной” неопределенностью. Эпистемическая неопределенность — это то, чего вы не знаете, но что, по крайней мере в теории, познаваемо. Если бы вы хотели предсказать работу загадочной машины, опытные инженеры

могли бы, теоретически, вскрыть ее и разобраться. Освоение механизмов — это прототипическая задача прогнозирования, подобная часам. Алеаторная неопределенность — это то, чего вы не только не знаете, она непознаваема. Как бы вы ни хотели узнать, будет ли дождь в Филадельфии через год, как бы вы ни консультировались со многими великими метеорологами, вы не сможете перехитрить сезонные средние значения. Вы имеете дело с неразрешимой, похожей на облако проблемой, с неопределенностью, которую невозможно устранить даже в теории. Алеаторная неопределенность гарантирует, что в жизни всегда будут сюрпризы, независимо от того, насколько тщательно мы планируем» (Tetlock, Gardner, 2016, p. 92).

Как показывают научные исследования (Знаков, 2022), в мире человека неопределенность в эмпирической реальности значительно меньше, чем в социокультурной и тем более — в экзистенциальной реальности. Неудивительно, что существуют различные, неодинаковые формы неопределенности. Применительно к геномной медицине их описывает С. Ю. Шевченко: «Итак, можно выделить, как минимум, четыре формы неопределенности, характеризующей субъект-субъект-объектные отношения. Во-первых, восприятие самой ситуации как неопределенной, такой, в которой действующему субъекту не хватает знаний для принятия решения. Во-вторых, неопределенность в отношении критериев оценки такого решения. В-третьих, существует неопределенность в понимании границ сферы неопределенного. И в-четвертых, смысл высказывания о неопределенности также часто бывает недоопределен контекстом и языковыми компетенциями участников коммуникации. Эти четыре формы неопределенности, как правило, сосуществуют в рамках одной проблемной ситуации, но требуют разных концептуальных ресурсов для их понимания, поэтому и могут быть описаны по отдельности» (там же, с. 166). Философ называет эти четыре формы дескриптивной, нормативной, радикальной и неопределенностью перевода.

Дескриптивная неопределенность характеризует объективную недостаточность знаний и стохастический характер положения дел в мире: фельдшер может не знать о болезни и способах ее лечения того, что знает врач. Например, в геномной медицине возможные, потенциальные риски нередко никак нельзя определить, пока не существует надежных способов диагностики. Поскольку наши знания о геноме человека пока еще неполны и элемент случайности

1.1. Неопределенность мира человека

в них довольно велик, то болезнь как моделируемый врачом фрагмент реальности может предсказуемо, но непознаваемо изменяться (например, во время пандемии коронавируса ни один из заболевших не может точно сказать, где и почему он/она заразился/лась).

Нормативная неопределенность связана с отсутствием ценностных и нормативных оснований выбора, предпочтения одной из возможных альтернатив. Даже, казалось бы, давно решенная медицинским сообществом проблема информированного согласия (необходимость всегда говорить пациенту правду) может поставить врача перед неразрешимым выбором, поставить его в положение буриданова осла: сказать пациенту о неблагоприятном прогнозе его лечения или это вызовет тяжелые психологические последствия? Американская актриса А. Джоли проявила редкую психологическую устойчивость: когда она узнала о генетической предрасположенности к развитию рака груди, то сделала операцию по удалению молочных желез. Однако медицина знает и немало противоположных примеров. Главный вопрос при этом заключается в том, какие ценностные и нормативные основания существуют у должностования, как субъект выбирает возможный мир, в котором происходит то, что считается должным. «Биоэтические статьи о генетическом консультировании полны примеров такого рода нормативной неопределенности, помноженной на дескриптивную. Консультант обнаруживает у пациентки мутантную версию гена, связанного с повышенным риском рака молочной железы. Он знает, что у пациентки есть сестра, и предлагает предупредить ее, так как у нее может обнаружиться такая же „опасная“ генетическая вариация. Но сестры давно не общаются, и пациентка отказывается. Перед врачом, консультантом встает нормативная проблема: что важнее, соблюдение врачебной тайны или возможность в перспективе спасти жизнь. При этом реальная патология может не развиваться ни у пациентки, ни у ее сестры. На законодательном уровне в разных европейских странах эта нормативная проблема, с которой сталкиваются врачи-генетики, решается по-разному. То есть общность ценностных подходов не гарантирует тождества в разрешении моральных дилемм биоэтики» (там же, с. 168).

Радикальная неопределенность — о ней речь может идти при описании произошедшего события, не вписывающегося в известные критерии риска, когда оно является непрогнозируемым «черным

лебедем» Н. Н. Талеба. «Онто-эпистемологический характер этой формы неопределенности связан с тем, что, принимая ее во внимание, агент формирует знание об ограниченности онтологии, используемой им для прогноза развития ситуации. Иными словами, в ситуации радикальной неопределенности агент не может определить, каких именно знаний (знаний о каком именно предмете) ему не хватает для принятия обоснованного решения» (там же, с. 169).

Неопределенность перевода вызывается трудностями языковой интерпретации болезни. Пациент как неспециалист не способен ориентироваться в биологической и медицинской терминологии и не может понять, о чем идет речь. Неопределенность перевода размывает предмет пропозиции — то, о чем врач говорит больному.

Западные ученые также выделяют разные формы неопределенности. В широком смысле неопределенность рассматривается как состояние неполной или неизвестной информации, возникающей, например, в ситуациях клинической диагностики и прогноза лечения заболевания (Newson et al., 2016). П. К. Хан с коллегами описывают неопределенность с точки зрения ее источников: вероятность, неоднозначность, сложность. Это такие свойства информации, которые делают ее неопределенной. Такие источники присущи геномной медицине: для информации, передаваемой в рамках медико-генетического тестирования, характерна неопределенность. Вероятностная неопределенность появляется там, где будущие результаты позволяют множественную интерпретацию. Двусмысленная неопределенность возникает, если информация или доказательства неточны, когда существуют противоречивые мнения или когда информация неизвестна. Неопределенность сложности возникает, когда в имеющейся информации есть особенности, затрудняющие ее понимание (Han et al., 2011).

А. Дж. Ньюсон с коллегами, опираясь на идеи А. Баброу и К. Клайн (см. ниже), выделяют пять форм неопределенности.

1. Собственная неопределенность: в процессе изучения ситуации выявлены несколько причин конкретного состояния, не все из которых могут быть идентифицированы с помощью текущего тестирования. Состояние больного может взаимодействовать с другими состояниями, влияя на интерпретацию результатов. Врач заранее не всегда может быть уверенным в том, какие результаты могут возникнуть или что они могут

1.1. Неопределенность мира человека

означать. Кроме того, необходимо учитывать, что собственная неопределенность ситуации определяется и неоднозначностью соотношений генотипа и фенотипа. «Многие далекие от генетики люди полагают, что в генах “записано” строение организма (генотип определяет фенотип). Это не совсем так. В действительности генотип определяет не фенотип как таковой, а норму реакции — определенный спектр возможностей развития. Какая из этих возможностей будет реализована, зависит уже не от генов, а от условий, в которых будет происходить развитие организма» (Марков, 2015, с. 136). Очевидно, что это положение важно не только для практики генетического консультирования, но и для теории психологии возможного.

2. Информационная неопределенность. Неопределенность может возникнуть из-за недостаточной ясности, точности, полноты, двусмысленности, объема, надежности, согласованности и достоверности информации, полученной в результате геномного тестирования.
3. Взгляды на неопределенность: эта форма неопределенности описывает взгляды получателей на вероятность (вероятность) определенного результата теста.
4. Структурирование информации. Неопределенность может также возникать из-за того, как получатели будут структурировать, упорядочивать или интегрировать информацию, которой они располагают в ходе геномного тестирования.
5. Личное отношение к знанию. Неопределенность можно интерпретировать по-разному в зависимости от различий в индивидуальном отношении к знанию. Например, будут разные взгляды на то, допустима ли неопределенность, отвергается ли она или, возможно, даже необходима при поиске знаний посредством геномного тестирования (Newson et al., 2016).

В статье А. Баброу и К. Клайн содержится своеобразный итог, обобщающий вывод применительно к анализу неопределенности в субъект–субъектных коммуникациях (Babrow, Kline, 2000). Авторы утверждают, что в мире человека неопределенность неизбежна, она связана со сложностью, стохастическим характером исследуемых процессов и внутренне присуща, в частности, постановке диагноза и прогнозированию исходов лечения. Попытки преодолеть ее врачом и пациентом могут быть только безуспешными. Вместо этого

необходимо научиться справляться с неопределенностью, научиться жить с осознанием ее неизбежности и закономерности — неопределенность внутренне присуща самой жизни. Основываясь на этом положении, практические психологи (Сапогова, 2021) разрабатывают приемы, помогающие людям снизить интенсивность переживания непреодолимости неопределенности («Скрытая ресурсность», «Перестановка причин и следствий», «Пролонгация», «Альтернативы»).

Сегодня у российских психологов ссылки на исследования И. Р. Пригожина, Н. Талеба и других авторов стали интеллектуальной модой, «хорошим тоном», однако в большинстве случаев упоминания о них грешат чрезмерной генерализацией, обобщением на все ситуации человеческого бытия. Умные и современно мыслящие психологи пытаются описать психологические феномены исключительно в терминах случайности, неопределенности, неравновесности. Это видно в статьях о понимании (Кияткина, Шадриков, 2021), личности (Гришина, Костромина, 2021), детерминации психики (Погожина, 2015) и других значимых для нашей науки проблемах. Типичным является такое суждение: «Неопределенность — не столько гносеологическая, сколько онтологическая характеристика реальности; она связана не с недостатком информации или ограниченностью понимания человеком чего-то, а с тем, что, будучи фундаментальным принципом мироустройства, подлежит лишь частичному, ограниченному познанию» (Сапогова, 2021, с. 42). Фактически в таком описании есть отсылка только к дескриптивной неопределенности, указывающей на онтологию некоторых реальных ситуаций, но ничего не говорящей о гносеологической — пробелах в знаниях понимающего мир субъекта, отсутствии необходимых для понимания сценариев, фреймов и т.п. В таких работах можно усмотреть современный вариант позитивизма и физикализма, присущее психологии XX века стремление описывать психические явления в терминах, характерных для физико-химических систем. Авторы подобных исследований вряд ли со мной согласятся и, возможно, будут правы. В соответствии с ориентацией современной науки на применение возможностного мышления (см. ниже) — это не только неувидительно, но и вполне оправданно.

Следует ясно понимать, что в мире человека по-прежнему существуют ситуации, при описании которых возможное развитие событий нужно основывать на прошлом знании, на классическом причинном детерминизме. Например, одинаковые выводы о запасе прочности

1.1. Неопределенность мира человека

моста через реку сделают все специалисты, обладающие инженерными знаниями, возможные верные выводы здесь единичны, в то время как неверных — бесконечное множество. Для описания таких ситуаций эмпирической реальности вполне уместна терминология, типичная для ньютоновской классической физики, и неуместна «модная» во многих социогуманитарных исследованиях интерпретация с позиций квантовой механики. Различия следуют из неодинаковости теоретических аппаратов анализа макроскопических и микроскопических, больших (движения планет) и маленьких (электронов) явлений. Необходимость различения областей применения классической и квантовых интерпретаций мира подчеркивал Н. Бор, который «был главным в разъяснении того, как следует применять теорию, чтобы избежать противоречий на практическом уровне. Никто больше, чем он, не настаивал на том, что часть мира (на самом деле гораздо большая часть) должна находиться вне “квантовой системы” и описываться в классических терминах. Он подчеркивал, что на этом классическом уровне, что касается настоящего и прошлого, нас интересуют определенные события, а не волновые потенциалы. И что на этом уровне уместны обычный язык и логика» (Bell, 2004, p. 189).

В общении нередки и иносказательные высказывания, когда для понимания суждений, характеризующих социокультурную и экзистенциальную реальности, применяется терминология, уместная только в эмпирической. 20 октября 2021 г. в докладе на «Ананьевских чтениях — 2021» А. Г. Асмолов процитировал строку из стихов А. Галича: «А больше всего бойся того, кто скажет: „Я знаю, как надо“». Это как раз тот случай, когда ученые не должны попадать в ловушку генерализации, обобщения. Суждение правильное, но не всегда и не во всем: от сантехника, строителя, врача и других специалистов люди ждут ответа «Я знаю», а не «Я не знаю». Есть много профессий, в которых именно такой ответ характеризует человека как хорошего профессионала. Справедливости ради надо сказать, что и Галич, и цитирующий его Асмолов имели в виду другие ситуации, характеризующие сложные проблемы в человеческих отношениях. Такие ситуации, события и явления в экзистенциальной реальности имеют совсем иную, почти непричинную природу. И даже если детерминистические причинные основания есть, они остаются неизвестными для понимающего субъекта. Прогнозы о том, кто из родившихся сегодня младенцев станет великим артистом или ученым, у кого из них

в зрелом возрасте возникнет онкологическое заболевание, действительно имеют неопределенный стохастический характер. Это происходит потому, что влияние множества генетических и средовых факторов на психическое и биологическое развитие для нас является случайным, принципиально непостижимым. Трудности понимания связаны с редкостью, малой вероятностью, неожиданностью происходящего в экзистенциальной реальности мира человека.

В российской психологии теоретическим основанием для исследования описанных выше проблем является историко-эволюционная концепция преадаптации к неопределенности (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018). А. Г. Асмолов с коллегами на основе теории открытых неравновесных систем, принципов возникновения порядка из хаоса И. Р. Пригожина анализируют сдвиг установки познания от анализа адаптивных к преадаптивным моделям эволюции. Преадаптации (предварительные адаптации) — это свойства живых организмов, отражающие их способность приспосабливаться к пока еще не осуществленным, а только возможным формам взаимодействия со средой. Ключевой точкой анализа является вопрос о том, «можно ли рассматривать преадаптацию в качестве конструктивного фактора, позволяющего эволюционирующей системе при встрече с неопределенностью осуществлять переход от „режима трендов“ (предвосхищения изменений на основе прошлого опыта) — к инновационному „режиму конструирования иных миров“?» (там же, с. 81). Адаптации рассматриваются как стабилизаторы деятельности живых систем, их направленности на соблюдение требований уже сложившейся среды, поддержание стабильности в пределах некоторой устойчивой нормы. Преадаптации потенциально могут использоваться только в будущем. При новых, отличающихся от нынешних условиях существования они появляются раньше, чем в них возникнет необходимость. Неопределенность задач, перед которыми объективно поставлена любая живая система, является сущностным свойством мира. Вследствие этого решение таких задач оказывается условием развития системы. Система изменяется при «сбоях» адаптивных специализаций, уже утвердившихся на основе прошлого опыта, а также посредством реорганизации при участии преадаптаций, нацеленных на непредсказуемое будущее. Современный пример подобного сбоя — кратковременное, на три-пять секунд, отключение интернет-трансляции во время онлайн-доклада. После ее

1.1. Неопределенность мира человека

восстановления докладчик обычно спрашивает свою аудиторию, слышит и видит ли она его снова. «Из сказанного следует, что адаптация связана с постепенной трансформацией того, что уже есть; преадаптация же относится к скачкообразной качественной реорганизации системы, освобождающейся от „диктатуры прошлого опыта“» (там же, с. 88).

Фактически это означает, что эволюция происходит в двух режимах — режиме трендов (реконструкции возможного) и режиме новаций (конструкции невозможного). Процессы адаптации в режиме трендов направлены на удержание существенных переменных системы в заданных пределах. В биологии это гомеостаз, в социальных науках — обычаи, ритуалы, традиции, установки, регламентирующие фиксированное адаптивное поведение людей. «Все перечисленные явления объединяет следующее: *построение образа будущего опирается на вероятность повторения прошлого опыта и логику развития предшествующих событий*. Именно такая вероятностная оценка перспективы характеризует адаптирующуюся систему, поскольку, прогнозируя будущее, она всегда отталкивается от уже обретенного и апробированного „багажа“ знаний, навыков и компетенций» (там же, с. 90). В режиме новаций условием конструирования вне-возможного, преадаптивным ответом живой системы на неопределенность будущих вызовов является избыток разнообразия. Именно избыток разнообразия позволяет живой системе успешно функционировать в режиме ожидания того, чего не было в ее прошлом опыте.

Понятие «преадаптация» играет значимую роль при анализе не только живых, но и неживых технических систем. Использование принципа преадаптации из эволюционной биологии оказывается полезным при создании новых технологий. Технологическую эволюцию формируют три эволюционные силы — предварительная адаптация, стратегия предвидения и обратная связь рынка. Дж. Каттани разработал понятие технологической предварительной адаптации, чтобы описать ту «часть технологической базы знаний фирмы, которая накапливается без предвидения, ожидания последующего использования, но впоследствии может оказаться функционально „предварительно адаптированной“ (т.е. ценной) для альтернативных, пока неизвестных приложений» (Cattani, 2006, p. 286). Понятие предварительной адаптации необходимо, чтобы в ходе технологической эволюции определить существование «разделительной линии»

между «фазой, в которой фирмы накапливают знания, не предвидя их последующего применения, и фазой, в которой фирмы используют эти знания в новой области по мере появления новых условий окружающей среды и информации о возможных вариантах использования» (ibid., p. 290).

1.2. Принцип необходимого разнообразия в природе и обществе

Согласно принципу необходимого разнообразия, эволюционный прогресс развития любой биологической или социальной системы зависит от того, в какой степени отношения между объектами на одном уровне могут репрезентироваться на объектах другого уровня. В кибернетике, как отмечал один из ее основателей, У. Р. Эшби, принцип необходимого разнообразия заключается в том, что разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта (Эшби, 2006).

Повышение разнообразия признаков и рост вариативности — один из важнейших критериев эволюционного прогресса. В частности, принципиальное значение для прогресса имеют сохранение своеобразия разных цивилизаций, культурно-языковое многообразие и плюрализм традиций: «Через многообразие жизненных форм человеку презентуется содержательное богатство сфер возможного и невозможного» (Иванченко, 1999, с. 30). В этом контексте кажется вполне естественным, что «в культурологии был сформулирован информационный критерий развития, связывающий прогресс культуры с увеличением внутреннего разнообразия системы. В соответствии с этим критерием в целом увеличение разнообразия свидетельствует о здоровье культуры» (там же, с. 46). Принципу необходимого разнообразия противоречат представления о монолитности культур, потому что «каждое общество, каждая цивилизация состоит из гетерогенных начал — это составляет источник их динамики. Внутреннее разнообразие, связанное с отдаленным скрещиванием, становится залогом повышенной жизнестойкости и адаптивности — способности приспосабливаться к изменениям среды. Понятно поэтому, сколь плохую услугу культуре и социуму оказывают ревнители чистоты — классовой, расовой, этнической или конфессиональной» (Панарин, 1998, с. 126–127). Ментальность культур напрямую зависит от многообразия существующих в них взаимодополняющих признаков,

1.2. Принцип необходимого разнообразия в природе и обществе

порождающих разные возможности развития культурных сообществ: «При обсуждении роли разных типов ментальности в литературе выделяют объяснительный принцип комплементарности — взаимодополнительности, который утверждает необходимость существования многообразия» (Апанович, Александров, 2021, с. 29).

Более обобщенными и фундаментальными являются представления об «избыточном» многообразии в мозговых структурах и культуре, на основе которых формируются разные варианты возможного. При этом универсальной является комплементарность, проявляющаяся в научных исследованиях мозговых систем, культурно обусловленной ментальности и межкультурной вариативности. Комплементарность является значимой на всех уровнях взаимодействия субъекта с объектом.

На уровне изучения мозгового обеспечения умственной деятельности, согласно системной психофизиологии (Александров, 2009), в качестве основной детерминанты поведения и деятельности рассматриваются не прошлые события, а возможное будущее — сознательно или неосознанно планируемый результат. Нейронная активность организована достижением результата — того, которого еще нет, но который возможен в будущем (здесь нельзя не увидеть явной аналогии с феноменом искомого из психологии мышления). Нейроны в мозгу человека специализированы, и в процессе выполнения разных видов деятельности происходит накопление новых специализированных нейронных паттернов. Нейроны специализируются относительно систем деятельности (в частности, профессиональной), они культуроспецифичны: анализируя когнитивные процессы в связи с мозгом, нельзя отрывать их от культуры. «„Культурная специализация“ индивидов может быть рассмотрена как формирование такой структуры субъективного опыта в данной культуре, которая комплементарна структурам других индивидов. Культурная комплементарность означает, что генетические predispositions и „культурные специализации“ индивидов согласованы и взаимодополнительны внутри данного сообщества» (Александров, Александрова, 2010, с. 305). Чем больше дополняющих друг друга паттернов нейронной организации мозга разных людей, тем содержательно богаче культура, в которой они живут. Комплементарность нейронов, имеющих одну и ту же специализацию, проявляется в таком их разнообразии и совместной активности, которые обеспечивают достижение полезного результата.

В современной нейронауке (neuroscience) ученые уже давно говорят о «прогнозирующем мозге» (predictive brain), подчеркивая, что прогнозирование расхождений между реальным и возможным будущим является важнейшей функцией психики (Clark, 2013). Причем предсказание будущего проявляется на уровне не только целостного мозга, но и отдельных нейронов. Нейроны могут предсказывать свою будущую активность, они способны минимизировать неожиданность, т.е. разницу между фактической и ожидаемой активностью. Иначе говоря, нейрон не только выполняет суммирование своих входных данных, но и предсказывает ожидаемое будущее, что является важнейшим компонентом механизма обучения мозга (Luczak et al., 2022).

В онтогенезе поступки, деятельность человека влияют на формирование разных типов нейронов, обеспечивающих мозговые основы поведения. В результате обучения нейроны становятся специализированными относительно конкретных социальных ситуаций. В зависимости от решаемых задач формируются не только нейроны, но и их специализации, даже такие, которые пока не используются, но необходимы для будущего, — это резерв возможностей. Другими словами, специализации нейронов формируются не под конкретный акт, а под облако возможностей определенного типа. Любое поведение перестраивает мозг и расширяет возможности человека: при обучении люди используют нейроны, которые возникли у них раньше. Однако обучение создает новый нейрогенез, подготавливает нейроны, использовавшиеся в прошлом, для их активации в будущем.

На уровне культурно обусловленной ментальности интеллектуальные усилия психологов направлены в основном на исследование проявлений мозговой активности и психологических стилей деятельности людей, условно названных «аналитиками» и «холистами». В кросс-культурной психологии уже давно существует большой массив данных, указывающих на различия в мировоззрении и стилях деятельности указанных групп людей. Для аналитиков мир является дискретным, состоящим из обособленных объектов, для холистов он целостен, а континуальность рассматривается как принципиальное свойство мира. Показано, что аналитичность мышления в большей степени присуща жителям западных стран, а холистичность — жителям восточных. Более детально различия в мировоззрении и способах мышления аналитиков и холистов мы рассматривали ранее (Апанович, Знаков, Александров, 2017). При системном

1.2. Принцип необходимого разнообразия в природе и обществе

описании меж- и внутрикультурных ментальных вариаций важно подчеркнуть, что два способа мышления проявляются не только на межкультурном уровне анализа, но и на внутрикультурном. Иначе говоря, люди различаются по степени выраженности аналитичности и холистичности мышления и внутри каждой культуры. Применение вызванных потенциалов головного мозга для изучения когнитивных функций обнаруживает различия в нейронной активности аналитиков и холистов, принадлежащих к одним и тем же социальным и этническим группам. В частности, латентный период пика P300 у аналитических субъектов при решении задачи простого выбора выше в условиях кооперации, чем в условиях конкуренции. У холистов, наоборот, выше при конкуренции по сравнению с кооперацией. Эти результаты свидетельствуют о том, что у аналитических субъектов набор систем, необходимый для принятия решения, более стабилен при конкуренции, а у холистичных — при кооперации (Апанович, Александров, 2021, с. 30). Если оценивать группы в целом, то оказывается, что они дополняют друг друга, проявляя неодинаковые качества на разных стадиях решения задач. С системно-эволюционных позиций комплементарность ментальных вариаций обеспечивает процессы индивидуального и общественного познания, повышая их эффективность. В частности, в психологии есть данные о том, что гетерогенные, в том числе этнически, группы способны достичь более качественных решений, чем гомогенные. «Таким образом, можно считать, что различия в аналитичности-холистичности остаются устойчивыми и позволяют обеспечивать комплементарность для сообщества в целом; и также утверждать, что комплементарность может проявляться как на уровне отдельных индивидов, так и на уровне устойчивых сообществ (на внутри- и межкультурном уровне)» (там же, с. 30).

На уровне анализа межкультурной вариативности очень значимыми оказываются макрокультурные различия между разными странами. Самый существенный результат таких различий заключается в том, что социоэкономические статусы государств соответствуют типам ментальности. Другими словами, наблюдается двусторонняя связь между субъектами как носителями ментальных моделей аналитичности-холистичности и институциональными структурами общества. При анализе с единой системной методологической позиции взаимозависимость структур субъективного опыта (типов ментальности)

и институциональных общественных структур соответствует современным тенденциям синтеза научных знаний и рассматривается как мультидисциплинарная. Это вполне разумно, потому что «они являются отражениями одного целого, и в качестве этого целого выступает социальная деятельность в определенных условиях, формирующая общество. И типы ментальности, и системы общественных институтов в совокупности реализуют закрепившиеся в истории (проверенные историей) пути осознания и достижения коллективных целей, стоящих перед сообществами людей — нациями и государствами» (Александров, Кирдина, 2012, с. 6). Социоэкономические исследования также обнаруживают два типа базовых институтов, регулирующих функционирование основных общественных сфер: экономики, политики и идеологии. Два типа институтов обладают двумя характерными для них траекториями развития — коммунальной или некоммунальной. «Коммунальность означает, что обособление отдельных частей материально-технологической среды угрожает распаду всей системы. Это предполагает ее использование как единого нерасчлененного объекта. Соответственно требуются совместные координированные усилия значительной части членов общества для ее использования и централизованного управления. Некоммунальность означает возможность обособленности важнейших элементов материальной инфраструктуры и связанную с этим возможность их самостоятельного функционирования и частного использования. Некоммунальная среда разложима на отдельные элементы и может функционировать как совокупность разрозненных технологических объектов» (там же, с. 9). Очевидно, что описание характеристик некоммунальной и коммунальной сред соответствует аналитическому и холистическому мировоззрениям людей, живущих в таких условиях.

Западные и незападные государства развиваются по своим путям с доминированием либо X-матрицы, либо Y-матрицы. Однако в каждом из них успешные варианты возможного развития обязательно включают комплементарные институты из матрицы противоположного типа. При этом очень важно соблюдать баланс между ними: «Доля комплементарных институтов в стабильных устойчивых обществах, как можно предположить, составляет примерно треть (30–35%). Если эта доля меньше, тогда тотальное доминирование базовых институтов приводит общества к кризисам или застою. В то же время излишнее внедрение комплементарных институтов с попытками

1.3. Причинность и случайность в мире человека

заменить ими матрицу базовых институтов приводит к социальным потрясениям и революциям. Социально-экономическая политика представляет собой, как правило, постоянный поиск оптимального институционального баланса между базовыми и комплементарными институтами, соответствующего временному, глобальному и другим контекстам» (там же, с. 10).

Таким образом, принцип необходимого разнообразия, включающий указание на необходимость комплементарности признаков эволюционирующих систем, отражает скрытый от поверхностного взгляда потенциал исследования возможного и невозможного.

1.3. Причинность и случайность в мире человека

Мир человека состоит из эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей (Знаков, 2016), в каждой из которой существуют закономерные связи между причинно-следственными и случайными отношениями. В мире человека принципиально невозможно определить причины или последствия многих событий и ситуаций: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Например, невозможно узнать конкретные причины заражения человека вирусом COVID-19. Иначе говоря, причины непознаваемы. В науке применительно к эмпирической реальности давно известно, что нельзя одновременно точно определить координаты и импульс элементарных частиц: чем точнее измеряется одна характеристика, тем менее точно можно измерить другую. Причем это не связано с несовершенством методов измерения или измерительных приборов, а является следствием объективных свойств микрообъектов, их двойственной корпускулярно-волновой природы. Эта закономерность отражена в принципе неопределенности В. Гейзенберга.

Однако надо иметь в виду, что неопределенность макрообъектов мира человека отличается от неопределенности квантовых микрообъектов. По большому счету, неопределенность относится к двум видам величин: тех, которые есть, реально существуют, но неизвестны познающему субъекту, и тех, которых пока нет, но они возможны. По мнению И. А. Сурова, закономерности разрешения неопределенностей первого типа описываются теорией вероятностей Колмогорова, а второго — обобщенной квантовой теорией вероятностей.

Он пишет: «Квантовая неопределенность принципиально отличается от незнания, например, числа страниц в прочитанной книге или точной суммы денег на счету. Эти величины записаны в фактическом состоянии мира, которое может быть известно одним людям и одновременно неизвестно другим. Такая неопределенность есть субъективное незнание... Это незнание устраняется копированием соответствующей информации с объекта на доступный человеку носитель: звуковой, световой или любой другой сигнал, знаки на бумаге, компьютерная память и т.д. Реальное состояние интересующего объекта — частицы, погоды, ворон на крыше или текста этой статьи — при этом не меняется.

Квантовая неопределенность, напротив, есть объективная многовариантность будущего. Таковым является, например, решение облиться или не облиться холодной водой в отсутствие вынуждающих обстоятельств; число страниц еще не написанной книги; орел или решка монеты, подброшенной человеком; ваше движение через минуту; пол еще не зачатого ребенка и так далее. Эти величины, события и свойства не просто неизвестны, но не существуют объективно и в принципе не могут быть кому-либо известны. Такая неопределенность не устраняется копированием информации, потому что этой информации еще попросту нет. Она устраняется лишь реальным событием — решением, экспериментом — в результате которого система переходит в новое — теперь уже определенное — состояние, необратимо записываемое в окружающей среде» (Суров, 2023, с. 70–71).

Психологам ситуации второго типа хорошо известны, например, для психофизиков они являются типичными: «Разброс результатов при измерении порогов оказывается характеристикой не метода, а самого объекта измерения. Результат измерения порога не может быть однозначно предсказан даже при строго заданной характеристике стимула. Порог носит статистический характер, и предсказать можно лишь то, с какой вероятностью он окажется тем или иным в некоторой пороговой зоне. Попытки же экспериментатора выяснить обстоятельства, влияющие на величину порога (например, внимание субъекта), приводят к изменению результата измерения — самой величины порога» (Гуревич, Фейгенберг, 1977, с. 12).

Такой же неопределенностью характеризуются психологические структуры индивидуального знания, отражающие внутренние условия понимания субъектом мира: «Можно утверждать, что исчерпывающего описания структуры индивидуального знания

1.3. Причинность и случайность в мире человека

не может быть дано принципиально, поскольку она характеризуется лишь по проявлениям ее использования, в то время как новые ее компоненты формируются и вступают во взаимоотношения со сформированными ранее компонентами до того, как эти изменения окажутся доступными для наблюдателя (регистрации)» (Александров, Максимова, 2003, с. 74).

В течение XX века кардинально изменились научные представления о детерминизме. Многие из того, что раньше считалось случайным, теперь анализируется учеными как вполне закономерное. В классической науке научная рациональность рассуждений ученых была направлена на поиск вечных и неизменных законов, описываемых истинными суждениями о природе и обществе. Сегодня, после работ И. Пригожина, М. Н. Эпштейна и других ученых, стало очевидно, что в мире человека, включающем природу, существуют как минимум два типа законов. Одни направлены на объяснение необходимого, того, чего не может не быть, другие — возможного, того, чего нет в действительности: оно может быть, а может и не быть (Пригожин, Стенгерс, 1994; Пригожин, Стенгерс, 2014; Эпштейн, 2001). Необходимо отметить, что законы первого типа проявляются прежде всего в эмпирической реальности, а второго — в социокультурной и особенно в экзистенциальной реальностях. В наше время уже очевидно, что в мире человека сфера применения детерминизма в его классическом понимании не универсальна, а ограничена: «Детерминизм, долгое время казавшийся символом научного познания, в настоящее время сведен до положения свойства, справедливого только в ограниченном круге ситуаций» (Пригожин, Стенгерс 1994, с. 97).

В мире человека такими ситуациями являются только те (простые и устойчивые), которые относятся к эмпирической реальности. В социокультурной реальности лапласовский жесткий детерминизм, напротив, мешает пониманию событий. Невозможность применимости лапласовского детерминизма применительно к событиям обусловлена, в частности, тем, что они принадлежат одновременно и прошлому, и будущему. Любое событие означает конец какого-то промежутка человеческой истории, истоками которого стали компоненты, элементы произошедшего. Однако будущее развитие события ни в коем случае не сводится к составляющим его элементам. Причины события потому нельзя вывести, только обратившись к его истокам, что в социокультурной реальности любое развитие выходит за пределы наличного.

1.3.1. Причинность в трех реальностях человеческого бытия

Одной из актуальных задач методологии социогуманитарного познания является изменения взглядов на природу причинности. Ее значимость для психологии в контексте психологии возможного отмечают Р. Ф. Баумайстер и Дж. Л. Алквист: «Возможно, самым амбициозным выводом является то, что психологии, возможно, потребуется разработать новые способы понимания причинности, чтобы охватить то, как возможности приходят и уходят, как простые возможности формируют действие и как события изменяют структуру возможностей в любой данной ситуации. Многие социологи заимствовали свое понимание причинности из естественных наук, предполагая линейное развитие событий во времени, когда одно ведет к другому. Ньютоновская физика довольно легко укладывается в детерминистские рамки, в которых каждое мгновенное состояние мира прямо и неизбежно вызывает следующее. Забегая вперед, психология должна интерпретировать поведение агента как погруженное в возможности, и сам факт того, что что-то возможно, может изменить поведение, даже если возможность не становится реальной» (Baumeister, Alquist, 2023, p. 16).

При этом надо иметь в виду, что в современной психологической науке уже аксиомой стало положение о множественности причинности, полидетерминации психических явлений (Корнилова, 2018; Сергиенко, 2017).

Не является откровением это положение и для историков. Например, М. Блок писал о том, что «суеверное преклонение перед единственной причиной — это в истории чересчур часто лишь скрытая форма поисков виновного, а значит, суждения оценочного. “Чья вина или чья заслуга?” — говорит судья. Ученый же довольствуется вопросом “почему” и готов к тому, что ответ не будет простым. Монизм в установлении причины — вызван ли он предрассудком здравого смысла, постулатом логика или навыком судейского чиновника — будет для исторического объяснения только помехой. Историк ищет цепи каузальных волн и не пугается, если они оказываются (ибо так происходит в жизни) множественными» (Блок, 1973, с. 104).

Множественность детерминации в ясном и понятном виде изложена в книге Д. Бома (2010). Согласно его теории, ни детерминистическая, ни вероятностная интерпретация физической реальности не могут

1.3. Причинность и случайность в мире человека

быть абсолютно верными из-за того, что «процессы, происходящие в природе, удовлетворяют более общим законам, чем законы причинности, потому что эти процессы могут, кроме того, удовлетворять законам случая, а также законам, связывающим причинность и случайность» (Бом, 2010, с. 21).

Ньютоновский причинный детерминизм, господствовавший в европейской науке до начала XX века, постулировал, что «будущее поведение системы тел полностью и точно детерминировано для всех моментов времени начальными положениями и скоростями всех тел в заданный момент времени и силами, действующими на тела» (там же, с. 63). Ньютоновские законы устанавливают однозначное соответствие между настоящим и будущим положением системы. Однако поскольку человек никогда не может знать абсолютно все причинные факторы (при бросании монеты мы не способны учесть силу ветра, влажность, силу, вызвавшую подбрасывание, и т.п.), нужно различать существенные и побочные причины. «Для решения проблем, возникших из-за нашей неспособности знать все существенные причинные факторы, которые могут вызвать данное действие, нужно выработать критерий отличия непосредственных причин от условий (или побочных причин). Непосредственные причины можно определить как причины, которые, будучи подвергнуты данной совокупности изменений, вызовут существенное изменение действий. Условия можно определить как факторы, которые являются необходимыми для получения рассматриваемых результатов, но существенное изменение рассматриваемой совокупности которых недостаточно для заметного изменения действий. Например, можно сказать, что плодородная почва плюс обилие дождей составляют общие условия (или побочные причины), необходимые для получения хорошего урожая. Но непосредственной причиной его должен быть посев соответствующих семян» (там же, с. 29). На практике побочные причины, как правило, считаются несущественными и игнорируются: отправляясь на экзамен, студент обычно рассчитывает на свои знания и не предполагает, что низкая оценка может оказаться следствием плохого настроения преподавателя.

В природе и в мире человека известные людьми причины никогда однозначно не определяют действия, потому что существуют причинные отношения более общего типа, которые Д. Бом называет одно-многозначными и много-однозначными.

Одно-многозначные причинные отношения проявляются в ситуациях, в которых один результат определяется многими причинами (точность стрельбы в мишень, измерение артериального давления). «Именно с множественностью возможных причин связаны проблемы врача, ищущего причины боли в желудке, проблемы инженера, выясняющего, почему прибор не работает, и проблемы детектива, занятого поиском преступника и мотивов преступления. Для успеха этого поиска нужно, во-первых, иметь знания о возможных гипотезах, причем, если врач эти знания либо черпает из своего опыта, либо получает из медицинской литературы, то для детектива в каждом преступлении много уникального, и соответствующие знания (улики, сведения о подозреваемых и т.д.) надо еще добывать. Во-вторых, гипотезы надо проверять; при этом многие гипотезы человеком отбрасываются практически сразу, как не имеющие отношения к делу. Умение отличать существенное от несущественного, релевантное от нерелевантного — важная черта человеческого интеллекта» (Кузнецов, 2024, с. 471).

По моему мнению, одно-многозначные причинные отношения чаще всего проявляются в эмпирической реальности мира человека. Причины отражают физическую и логическую необходимость, они неизбежны и необратимы: сорванная ветром крыша сарая обязательно упадет на землю и сама не вернется на прежнее место, а из ребенка вырастет взрослый, который никогда снова не станет подростком. С логической точки зрения, суждения об эмпирической реальности дихотомичны, они либо истинны, либо ложны. С точки зрения научной рациональности, истинность или ложность — это главная характеристика таких суждений, потому что в них выражается необходимое — то, чего не может не быть. Категорией «необходимое» следует описывать ситуации, на динамику которых могут оказывать влияние несколько потенциальных возможных факторов, но их результатом все равно оказывается именно необходимое — либо то, либо это: «Так, пресловутая ситуация выпадения “орла” и “решки” дает нам схему детерминации, где конечный исход (равновероятность двух возможных событий) заведомо объективно задан самим строением монеты, имеющей лишь две устойчивые плоскости. Вся невероятно сложная детерминация отдельного акта падения монеты (события), обуславливающая известную вариативность последовательности событий (например, скорость падения, наличие вращающих моментов,

1.3. Причинность и случайность в мире человека

температуры, влажности, движения воздуха и пр. и пр.), не оказывает по существу никакого влияния на заданную равновероятность событий. Уже эта простейшая ситуация из области неживой природы дает нам модель диалектического соотношения двух факторов: закономерного и случайного, определяющего и второстепенного, причем закономерный фактор действует не вопреки случайному и не наряду с ним, а как раз через него» (Асеев, 1978, с. 24). Д. Бом считает, что «общей чертой причинных отношений является то, что фактически они не определяют однозначно будущие результаты. Скорее, они позволяют лишь установить одно-многозначное соответствие между причиной и действием в том смысле, что конкретизация некоторых причин будет вообще ограничивать действие некоторой областью возможностей» (Бом, 2010, с. 38).

Второй тип причинных отношений, *много-однозначных*, проявляется в ситуациях, в которых одно действие вызывают много разных причин (в спортивных играх забитый гол обычно приписывают одному игроку, но этот результат определяется подготовкой команды, умением игроков создавать голевые моменты и многими другими факторами). Известный историк П. Вен считал, что «то, что мы называем причиной, представляет собой лишь одну из определимых причин процесса, конечное число определимых причин неизвестно, и определять их имеет смысл только с точки зрения дискурса; как разделить причины и условия в предложении: “Жак не смог сесть на поезд, потому что поезд был переполнен”? Для этого нужно перечислить тысячу и один возможный способ описания этого мелкого происшествия» (Вен, 2003, с. 180). В таких ситуациях если однозначность указывает на видимый всем результат, то многозначность — это поле скрытых от человека возможностей, связанных с невидимыми причинами. Следовательно, возможности являются ключевым моментом любого научного анализа.

В отличие от эмпирической к социокультурной реальности не применима корреспондентная теория истины, в ней нет никаких абсолютных критериев истинности одних высказываний и ложности других. Вследствие этого политические выборы, конкурсы красоты, суждения об интеллектуальном превосходстве одного человека над другим и т.п. построены на мнениях, разных интерпретациях содержания понимаемого. Мнения не могут быть истинными, они правильны, верны с точки зрения одних людей и неправильны,

не являются верными с позиции других. Иначе говоря, от мнений мы ожидаем не истинности, а правдоподобия. Социокультурная реальность строится на новых, переосмысленных по сравнению с классической наукой основаниях смысла причинности. О переосмыслении говорят И. Пригожин и И. Стенгерс: «Как мы теперь знаем, общую детерминистическую связь между причиной и следствием необходимо заменить новыми свойствами, соответствующими качественному различию между устойчивыми и хаотическими режимами» (Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 81). Обобщенно говоря, переосмысление причинности позволяет ученым понять, как из хаоса парадоксальным образом может возникать порядок (Пригожин, Стенгерс, 2014).

Для психологической науки переосмысление принципа причинности играет огромную роль, наиболее наглядно проявляющуюся в психологии неравновесных состояний (Прохоров, 1998). Типичным примером таких состояний являются мнения. «В психическом целом неравновесные (неустойчивые) состояния выполняют специфические функции, ведущей из которых является функция формирования новообразований в структуре личности и ментальности субъекта. Возникновение новообразований осуществляется в ходе неравновесных процессов благодаря “распатыванию” прежнего порядка и структуры психологической организации неравновесным состоянием» (там же, с. 7). Неравновесные состояния обуславливают возникновение новообразований в структуре личности, которые затем «закрепляются в виде свойств, черт и др. Возникшее новообразование, например, в виде нового обобщения (новое понимание, смысл, новое значение и пр.), приводит к сглаживанию неравновесности и переходу системы (субъекта) в относительно устойчивое (равновесное) состояние. Этим завершается цикл “равновесие – неравновесие – равновесие” до следующего нарушения равновесия — ситуации, приводящей субъекта в состояние неравновесности» (там же, с. 12).

При понимании экзистенциальной реальности возможностное мышление человека направлено на осмысление невозможного, невыразимого, таинственного, непостижимого и немислимого. Продвигаясь в изучении понимания от эмпирической реальности к пониманию экзистенциальной, мы вынуждены переходить от линейного лапласовского детерминизма к учету закономерной случайности и непредсказуемости многих событий и явлений природной и социальной действительности. Исследование возможного, невозможного

1.3. Причинность и случайность в мире человека

и немислимого должно основываться на таком переосмыслении детерминации психического, согласно которому случайное следует рассматривать как закономерное проявление научной картины мира. Невозможное, немислимое являются неотъемлемой частью экзистенциального опыта понимающего мир субъекта. Актуальная задача психологических исследований — определить, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня нельзя понять мир без анализа такого мысленного структурирования. Поскольку мир рассматривается учеными как веер возможностей, то возможное, невозможное, немислимое, безусловно, оказываются центральными проблемами современной науки. Соответственно устремленность психологии возможного в будущее отражает важнейшую тенденцию ее развития.

1.3.2. Случайность в мире человека

Помимо причинных связей в любой ситуации есть и случайные несущественные факторы. Они — не следствие нашего незнания, а закономерные компоненты любой ситуации (детали автомобильных катастроф флуктуируют таким образом, что в каждом конкретном случае предсказать их невозможно). «Во временном аспекте категория случая полностью принадлежит настоящему. Ее нельзя ни вывести из горизонта ожиданий — разве что как внезапное его нарушение, — ни постигнуть как следствие прошлых причин: тогда это уже не была бы случайность» (Козеллек, 1994, с. 171). В мире человека случайности следует понимать как ожидаемые и даже закономерные явления. Например, случайная встреча может оказаться для человека судьбоносной, перевернувшей всю его жизнь: «Непредвиденность и разветвляющаяся сила случайных влияний делают конкретный ход жизни ни легко предсказуемым, ни легко поддающимся социальной инженерии. Случайность влияния не означает, что поведение не детерминировано. Непредвиденность определяющих факторов и детерминация действий какими бы событиями ни происходили — это разные вещи. Случайные влияния могут быть непредвиденными, но, случившись, они входят как очевидные факторы в причинные цепи так же, как и заранее запланированные» (Bandura, 1982, p. 749).

Сегодня вслед за исследованиями в естественных науках в социогуманитарных также в разных вариантах соблюдается принцип относительности. Например, в исторической науке сегодня уже стало аксиомой положение, что в зависимости от точки зрения историка событие может выглядеть как случайное или неслучайное: «При взгляде на одну совокупность заданных условий событие может предстать как случайное, при взгляде на другую совокупность — как необходимое» (там же). В 1939 г. пакт о ненападении между Германией и СССР для Гитлера и Сталина был необходимым и оправданным, а для советских граждан стал неожиданным, невероятным и потому, вероятно, случайным событием, которое противоречило прежним, известным им пропагандистским лозунгам. Неожиданность, случайность пакта в восприятии советских людей определялась тем, что большинство из них считали СССР социалистической страной и форпостом в борьбе с фашизмом. И вдруг — союзный договор с фашистским государством.

Случайность как действие неизвестных и потому непостижимых причин нередко рассматривается как проявление скрытой закономерности: при неразумном поведении в экстремальной ситуации (пересечении пешеходом дороги с интенсивным автомобильным движением) только случайностью можно объяснить отсутствие аварий и травм. Если одно определение случая связано с точкой зрения наблюдателя, то другое описание возникает тогда, когда события рассматриваются с точки зрения наиболее вероятных возможностей, а реально происшедшее считается невероятным, вымышленным, случайным: «Не произойди случайность, это увело бы в область хотя и возможного и мыслимого, но в любом случае невероятного. Падение Праги (во время Семилетней войны 1756–1763 гг. — В. З.) произошло бы как бы абсурдным образом. Лишь тогда случайность была бы полной, невероятное стало бы событием» (Козеллек, 1994, с. 177). Р. Козеллек так обобщает два вида случайности: «Подведем итог: в первом случае, с договором о союзе между Францией и Австрией, случайность была проблемой точки зрения. Абсурдный по континентально-европейской мерке, новый и неожиданный франко-австрийский союз со всемирно-исторической точки зрения предстает как разумный. Второй случай — прогуливающийся монах — возникает из иной зоны мотивации, чем исход битвы при Праге. Их совпадение, строго говоря, случайно. Перенесенный на уровень стратегической возможности, этот случай поддается, однако, рациональной оценке,

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

которую он и получил; случайность исчезла в общей перспективе» (там же, с. 179).

Об исчезновении случайности в общей перспективе, скрытом общем начале писал еще Ш. Л. Монтескье в труде о величии и падении римлян — отдельные случайности подчиняются обобщающим причинам: «Если случайно проигранная битва, т.е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала» (Монтескье, 1955, с.128–129). Российская история Первой мировой войны свидетельствует, что неудачные кадровые назначения военачальников носили не случайный характер, они были обусловлены кризисом российской военно-политической элиты; в кажущихся случайностях военных поражений проявлялось орудие макроисторической закономерности. «История гибели армии Самсонова рисуется Солженицыным как череда однотипных эпизодов, в ходе которых в нужном месте у русских, к несчастью, каждый раз не оказывается нужного командира — решительного, храброго, ответственного. Между тем за подобными “случайностями” явственно обнаруживается все та же непреложная закономерность, объективная тенденция, связанная с общей неподготовленностью России к войне, с дефицитом у нее квалифицированных военачальников и чиновников» (Большев, 2022, с. 55).

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

Ученые всегда имеют дело не столько с явным, видимым, сколько с невидимым, скрытым порядком в обществе и природе. Согласно Г. Киссинджеру, мироустройство происходит так же, как элементарные частицы ведут себя у И. Пригожина: порядок возникает из хаоса. Иначе говоря, скрытый политический порядок мира, некое единство представлений возникает из противоречивых национальных и религиозных интересов. Первоначальным основанием порядка всегда было мнение об исключительном праве какого-нибудь народа рассматривать свои представления о мире человека как всеобщие общечеловеческие законы. Так было в Японии, Китае, Иране, США, СССР и других странах: «В каждом столетии, словно следуя некоему закону природы, похоже, появляется страна, обладающая могуществом, волей, а также интеллек-

туальными и моральными стимулами, необходимыми, чтобы привести всю систему международных отношений в соответствие с собственными ценностями» (Киссинджер, 1997, с. 9). Однако итогом, обобщающей картиной мира становится мировой порядок. Он скрыт от поверхностного наблюдателя, но очевиден для проницательных аналитиков, таких как Г. Киссинджер (Киссинджер, 2015).

Не только в обществе, но и в природе выявление скрытого порядка обнаруживает научно значимые закономерности. Например, Н. Винер считал, что «высшее назначение математики как раз и состоит в том, чтобы находить скрытый порядок в хаосе, который нас окружает» (Винер, 2001, с. 25).

В работах крупнейших мыслителей XX века есть интересные мысли, высказываемые, как правило, в гипотетическом виде, о поле скрытых от человека возможностей, связанных с невидимыми причинами. Д. Бом называет такое поле скрытым, подразумеваемым порядком, он написал на эту тему книгу, названную «Целостность и подразумеваемый порядок» (Bohm, 1980). Ссылаясь, в частности, на понятие М. Полани о невысказанном, неявном знании, Бом полагает, что скрытый порядок природы невозможно определить никаким явным способом, как нельзя вербально описать механизмы удержания равновесия при езде на велосипеде. Согласно точке зрения Д. Бома, разум и материя возникают из некоей общей почвы и, возможно, несильно отличаются друг от друга. Вероятно, они диалектически сплетаются воедино. А поскольку между собой разум и материя имеют общий скрытый порядок, то между ними можно установить рационально постижимые отношения. Он пишет: «На основании всего этого я бы, следовательно, предложил для будущего обсуждения понятие о том, что и разум, и материя находятся, в конечном итоге, в скрытых порядках и что во всех случаях явные порядки проявляются как относительно автономные, отдельные и независимые объекты, сущность и формы, развертывающиеся из скрытых порядков. Это означает, что открывается путь для мировоззрения, в котором разум и материя могут быть последовательно связаны друг с другом без всякой редукционистской позиции» (Бом, 1992).

Далее, на основе кардинального заключения, что ментальное и материальное это две стороны одной реальности, он пишет: «Здесь мы скажем, что как разум, так и материя обладают реальностью, или, возможно, что они оба возникают из некоей более великой общей почвы или же,

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

возможно, что они на самом деле несильно друг от друга отличаются. Возможно, они сплетаются воедино. Основная мысль, однако, вот в чем: поскольку между собой они имеют общий скрытый порядок, то между ними можно установить рационально постижимые отношения. Таким образом, мы можем оставить открытой возможность признания различий, которые могут быть найдены между ментальной и материальной сторонами, не впадая в дуализм» (там же).

Эти рассуждения основываются на аргументированном убеждении о существовании непознанного пока наукой уровня действительности, характеризующейся «дополнительным набором переменных, описывающих состояния новых видов сущностей, существующих на более глубоком, субквантово-механическом уровне и подчиняющихся качественно новым типам индивидуальных законов. Такие сущности и их законы тогда составили бы новую сторону природы, сторону, которая в настоящее время является “скрытой”» (Bohm, 1980, p. 87). Речь идет о дополнительных скрытых в настоящее время свойствах предметного мира, которые могут влиять на сущность изучаемых явлений. Для психологов очень значимы суждения Д. Бома о неразрывной взаимосвязи материи и разума: «Мы видим, таким образом, что каждый момент сознания имеет определенное явное содержание, которое является передним планом, и имплицитное содержание, которое является соответствующим фоном. Теперь мы предполагаем, что не только непосредственный опыт лучше всего понимать в терминах имплицитного порядка, но и мысль, по сути, должна пониматься в этом же порядке. Здесь мы имеем в виду не только содержание мысли, для которого мы уже начали использовать имплицитный порядок. Скорее, мы также имеем в виду, что действительная структура, функция и активность мысли находятся в имплицитном порядке. Таким образом, различие между имплицитным и эксплицитным в мышлении рассматривается здесь как по существу эквивалентное различию между имплицитным и эксплицитным в материи вообще» (там же, с. 259).

И, наконец, итоговый обобщающий вывод: «Таким образом, мы вынуждены предположить далее, что более всеобъемлющая, глубокая и более внутренняя реальность — это не разум и не тело, а скорее, реальность еще более высокого измерения, которая является их общей основой и которая имеет природу, превосходящую их обоих. В таком случае каждое из них представляет собой лишь относительно

независимую субтотальность, и подразумевается, что эта относительная независимость проистекает из основы более высокого измерения, в которой разум и тело в конечном итоге являются едиными (скорее, мы обнаруживаем, что относительная независимость проявленного порядка вытекает из основания имплицативного порядка)» (там же, с. 265).

Рассуждения Д. Бома оригинальны, но не уникальны, подобное можно найти в работах других выдающихся ученых.

У. Джеймс и Б. Рассел полагали, что физика и психология не различаются по материалу, из которого состоит их предмет изучения. Аналогичной точки зрения придерживались представители семантической концепции: «Эта семантическая концепция была затем развита и широко использована Дьюи и Мэдом. Их основной тезис по этому вопросу заключается в том, что вещи и мысли или образы сотканы из одного и того же материала (Stuff), различие между ними — только функциональное и сводится к роли, которую они выполняют...» (Рубинштейн, 1957, с. 24).

С точки зрения методологии современного научного познания, сознание — общий элемент физики и психологии (Менский, 2011). Сознание «видит» альтернативы мира, но в нем же существуют фильтры, способствующие фокусированию внимания ученого на одних возможностях и игнорированию других. Вот как обстоит дело в квантовой физике: «Действительно, зададимся вопросом, можно ли тем или иным способом “заглянуть” в “другие реальности”. Пока мы принимаем (как обычно делается в “стандартной” интерпретации квантовой механики), что все альтернативы, кроме одной, не существуют, то просто некуда “заглядывать”. Но если все альтернативы одинаково реальны и сознание просто “разделяет” их в собственном восприятии, то существует по крайней мере принципиальная возможность заглянуть в любую альтернативу, как-то осознать ее наличие. Есть образ, который иллюстрирует разделение сознания между альтернативными классическими реальностями. Это шоры, которые надевают на лошадь, так что она не может смотреть по сторонам и сохраняет направление движения. Точно так же сознание надевает шоры, ставит “перегородки” между различными классическими реальностями, чтобы каждая “компонента” сознания видела только одну из них и принимала решение в соответствии с информацией, поступающей только из одного классического (а значит, относительно

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

стабильного и предсказуемого, то есть пригодного для жизни) мира» (там же, с. 114–115).

Не с целью причинного объяснения, а просто вспоминая по ассоциации, следует упомянуть точку зрения К. Г. Юнга, развивавшего идею единого мира, имеющего ту же природу, что и душа: «мир и переживание мира имеют одну и ту же природу» (Юнг, 2012, с. 23). Обсуждая соотношение сознательного разума с иррациональным бессознательным в психике, он писал: «Сознание должно обладать разумом, чтобы впервые открывать порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных случаев мирового целого, а затем — по крайней мере в пределах человеческих возможностей — также творить этот порядок» (там же, с. 112). Интересно, что юнговское понятие коллективного бессознательного непротиворечиво соотносится с современной психологией возможного: коллективное бессознательное онтологически не реально, а потенциально, оно существует в виде возможности. «Само по себе и для себя коллективное бессознательное тоже не существует, поскольку оно есть лишь возможность, а именно та возможность, которую мы с прадревних времен унаследовали в виде определенной формы мнемонических образов или, выражаясь анатомически, в структуре головного мозга. Это не врожденные представления, а врожденные возможности представления, ставящие известные границы уже самой смелой фантазии, — так сказать, категории деятельности воображения, в каком-то смысле априорные идеи, существование которых, впрочем, не может быть установлено иначе, как через опыт их восприятия. Они проявляются лишь в творчески оформленном материале в качестве регулирующих принципов его формирования, иначе говоря, мы способны реконструировать изначальную подоснову праобраза лишь путем обратного заключения от законченного произведения искусства к его истокам» (Юнг, 1991, с. 282–283).

В. Гейзенберг считал, что понимание природы означает обнаружение скрытой в ней целесообразности, дополняющей каузальную детерминацию. По Гейзенбергу, в мире существуют нематериальные структуры, с которыми во время понимания соотносятся структуры человеческого разума: «Когда мы, как это всегда на первых порах приходится делать в теоретической физике, подытоживаем в формулах данные экспериментов, достигая таким путем феноменологического описания природных процессов, то мы ощущаем, что изобрели эти формулы, более или менее удачно, но изобрели. Но когда сталкиваешься

с очень общими закономерностями, какие в конечном счете фиксируются в аксиоматике, то все выглядит совершенно иначе. Тогда перед нашим умственным взором вырисовывается структура, которая и без нас всегда уже существовала и которая совершенно явно не человеческих рук дело. А ведь такие структуры составляют подлинное содержание нашей науки. Ее можно по-настоящему понять только тогда, когда мы внутренне осознаем существование подобных структур» (Гейзенберг, 1989, с. 223).

Удивительно созвучными Гейзенбергу являются мысли русского философа С. Л. Франка: «Определения предмета не творятся нашим знанием, а именно лишь “познаются” им — сами по себе они существуют в предмете независимо от всякого нашего знания о них. Таков, по крайней мере, смысл, который мы придаем нашему знанию: знанием мы называем лишь такие содержания, в отношении которых мы убеждены, что они существуют независимо от своей познанныости, т.е. присущи предмету, как таковому, даже когда этот предмет есть для нас только пустое, совершенно неведомое x . Таким образом, у нас не только имеется понятие чего-то неизвестного; но мы сверх того заранее знаем, что это совершенно неизвестное как бы таит в себе всю полноту знания. Нам не просто доступен, наряду с известными содержаниями, непосредственно непроницаемый туман неизвестного; окутанные этим туманом, мы заранее знаем, что за ним скрывается бесконечное богатство абсолютно ясных форм. И поэтому, когда эти формы предстают перед нами, мы убеждены, что не мы их сотворили, а что перед нами раскрылось лишь то, что “само по себе” было уже прежде» (Франк, 1995, с. 60).

Существование надындивидуальных познавательных структур прослеживается также в математике и музыке: «В отличие от ассоциаций, смыслы требуют некоего особого собственного измерения. Они заключают в себе наше прошлое знание, иногда благодаря им у нас случается даже некоторое переживание приобщения к царству идей. Таковы математические смыслы, но такое может быть и в музыке, когда мы слышим гениальную вещь. Нам кажется, что это не творение композитора, это было всегда, он только выразил то, что существовало без него» (Косилова, 2024, с. 26).

Так же обстоит дело в художественной литературе: «Замкнутое в себе, имеющее один только глубинный смысл произведение художника эпохи средневековья отражало представление о космосе как об

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

иерархии ясных и предустановленных порядков. Произведение как педагогическое сообщение, как моноцентрическое и необходимое структурирование (в той же самой железной внутренней согласованности метра и рифмы) отражает науку, основанную на силлогизмах, логику необходимости, дедуктивное сознание, через которое может постепенно вырисовываться реальный мир, постепенно, без непредвиденных скачков, двигаясь в одном направлении, исходя из первоначал науки, которые отождествляются с первоначалами самой реальности» (Эко, 2006, с. 91).

Анализ только причин недостаточен для понимания мира, об этом свидетельствует, в частности, сравнительное изучение понимания природы В. Розановым и В. Гейзенбергом. Для них понимание заключалось в поиске упорядочивающего мир начала, проявлениями которого являются дополняющие друг друга две формы потенциальности — причинность и целесообразность: «С идеей потенциальности неразрывно связана идея целесообразности, без которой, по Розанову, невозможно никакое понимание мира. Одни только действующие причины не могут объяснить всего происходящего в мире, что особенно ярко проявляется в познании живой природы» (Золотарев, 2020, с. 51). Для Розанова модусы существования разума, которые он называет предустановленными «схемами», — потенциальные. Потенциальность, по сути дела, означает, что разум не включает готового знания, а является только совокупностью условий, обеспечивающих возникновение идей (Розанов, 1995).

С идеей существования упорядочивающего начала мира, в котором каузальное и финалистское описания природы находятся в отношении дополнительности друг к другу, соглашался Н. Бор: «Как известно, существуют биологические явления, которые мы сообразно их природе описываем не в каузальном, а в финалистском аспекте, т.е. в отношении к их цели. В пример можно привести процессы заживления организма после повреждений. Финалистская интерпретация находится здесь в типичном отношении дополнительности к описанию процесса по известным физико-химическим или атомарно-физическим законам; т.е. в одном случае мы спрашиваем, ведет ли процесс к желаемой цели, к восстановлению нормальных соотношений внутри организма, а в другом случае исследуем каузальный порядок молекулярных процессов. Оба способа описания взаимно исключают друг друга, но не обязательно противоречат друг другу. У нас есть все основания

предполагать, что законы квантовой механики окажутся столь же справедливыми в живом организме, как и в мертвой материи. Тем не менее финалистское описание тоже вполне корректно. По-моему, развитие атомной физики просто научило нас необходимости мыслить тоньше, чем прежде» (цит. по: Гейзенберг, 1989, с. 216).

В. И. Вернадский, развивая революционное учение о ноосфере, писал (но не успел дописать) книгу «Научная мысль как планетное явление» (Вернадский, 1988). В ней он говорил о научной мысли как новой геологической силе, резко увеличивающей влияние живого вещества в эволюции биосферы. Согласно его точке зрения, «мысль являет себя как действующая природная сила; она не только продукт эволюции, она есть сама эволюция, продолженная в иной форме. Это значит, что современное состояние природы определено состоянием разума» (Гутнер, 2001, с. 107). По Вернадскому, основной геологической силой, создающей ноосферу, является рост научного знания. Человек и биосфера неразрывно связаны и влияют друг на друга, образуя ноосферу: «Хотя человек, *Homo sapiens*, есть [геологически] поверхностное явление в одной из оболочек земной коры — в биосфере, но новый геологический фактор, вносимый его появлением в историю планеты, — разум так велик по своим последствиям и их возможностям, что, мне кажется, можно не возражать против внесения этого фактора для геологических подразделений наряду со стратиграфическими и тектоническими. Масштаб изменений сравним» (Вернадский, 1988, с. 58).

Для психолога принципиально важной является позиция С. Л. Рубинштейна, высказывавшего суждение о скрытости многих психических явлений, аналогичное точкам зрения выдающихся ученых, приведенным выше. Анализируя проблемы отражения и детерминации психики, он вводит понятие «внутренней природы вещей и явлений», взаимодействующей с внешними воздействиями: «“Отражение”, взаимодействие, при котором одни явления обоими воздействиями представлены или отражены в других, — это некоторый аналог психического отражения. Это не означает, само собой разумеется, что в самом фундаменте материи имеется сознание, психика, но это означает, что в материальном мире имеются черты, по крайней мере формально сходные с ними, некоторые исходные предпосылки для их развития. Сознание как отражение не вовсе чужеродно и “одиоко” в мире; оно не привнесено извне; в самом фундаменте материи есть

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

свойства, аналогичные ему, предпосылки для его естественного и закономерного развития» (Рубинштейн, 1959, с. 12).

Изучая мышление, С. Л. Рубинштейн всегда был нацелен на анализ не только видимого, очевидного, но и неявного, скрытого в психике: «Мы стремимся повсюду исходить из объективно контролируемых “внешних” фактов, но видим задачу психологического исследования в том, чтобы вскрыть и внутренние условия и закономерности того скрытого, непосредственно не выступающего процесса, который к ним приводит» (Рубинштейн, 1958, с. 25–26). В частности, проблемная ситуация, по Рубинштейну, имплицитно содержит звенья или элементы, которые в ней не определены и потому предполагают что-то нераскрытое. Переход решения задачи из внешнего плана действия во внутренний умственный план всегда, по существу, означает осознание неявного знания, выявление ранее скрытого. В этом контексте закономерно, что ученый дает такое определение: «Мышление в подлинном смысле слова — это проникновение в новые слои сущего, взрывание и поднимание на белый свет чего-то, до того скрытого в неведомых глубинах; постановка и разрешение проблем бытия и жизни; поиски и нахождение ответа на вопрос: как оно есть в действительности — нужного для того, чтобы знать, как верно жить, что делать» (там же, с. 110).

В психологии существование упоминаемых В. Гейзенбергом и другими учеными нематериальных структур, с которыми во время понимания мира соотносятся структуры человеческого разума, отражается, в частности, в понятиях «концептуальных структур» (Холодная, 2012) и «психологических структур» — индивидуального и надиндивидуального знания (Максимова, Александров, 2023).

Психологическим основанием понятийного мышления человека являются концептуальные структуры (Холодная, 2012). Эти нематериальные ментальные структуры определяют особенности понимания мира человеком. М. А. Холодная опирается на структурно-интегративную методологию, основные положения которой позволяют изучать психические феномены в качестве психических структур. Согласно этому теоретическому подходу, психические явления обладают структурой, состоящей из отдельных частей (элементов), находящихся в определенных соотношениях между собой. «Концептуальная структура (концепт) — это ментальная структура “внутри” индивидуального ментального опыта, референтная определенным знакам (прежде

всего знакам естественного языка) и выступающая в качестве психического носителя понятия (его “операнда”» (Холодная, 2012, с. 60). В концепте отражается многомерность мира человека, отнесенность его составляющих к разным реальностям. М. А. Холодная, ссылаясь на Т. А. Карпинец, так описывает многослойность знания, представленного в концепте: «Отмечается, что концепт — это многомерное (многослойное) образование. Так, в концепте “метель” (на материале анализа одноименной повести А. С. Пушкина) представлены следующие “слои” знаний: физический (сильный ветер со снегом); эмоциональный (сильное душевное потрясение); социальный (революционные события); онтологический (фундаментальные принципы бытия — судьба, смерть); мифологический (элементы архетипического или архаического опыта людей, в частности, идея хаоса — порядка)» (Холодная, 2012, с. 58–59).

Современные исследования психологических структур осуществляются в парадигме системно-эволюционного подхода: «С позиции этого подхода, результаты взаимодействия субъекта с миром фиксируются как целостные образования (функциональные системы поведенческих актов) в структуре индивидуального знания (опыта). Структуру знания можно описать как множество компонентов, представляющих совершившиеся взаимодействия субъекта с миром, и взаимоотношения между этими компонентами» (Максимова, Александров, 2023, с. 11). В этом контексте одним из основных вопросов является проблема существования протоформы психологических структур, которые формируются при включении человека в новые предметные области. При этом предполагается, что компоненты структур индивидуальных знаний имеют прототипы в мозговой активности, представленной множеством преспециализированных нейронов (предшественников специализированных). При анализе дескрипторов структур индивидуальных знаний показано, что существует два подмножества: одно описывает семантическую ассоциативную сеть, характеризующую структуру через одновременную актуализацию множества компонентов структуры знания, а другое — семантическую пропозициональную каузальную сеть, представляющую логическую преемственность последовательных состояний индивидуального знания. Принципиально важной особенностью таких структур является то, что в основе их формирования во время психологического исследования лежит метод реконструкции. Метод позволяет выявлять реконструируемые

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

характеристики психологической структуры, которые до его применения являются латентными, скрытыми; в результате его применения они становятся явными, очевидными для исследователя переменными. Реконструкция дает возможность психологу перейти от феноменологии видимого, очевидного к описанию латентных, скрытых составляющих предмета исследования, представленному как система верифицируемых гипотез (там же, с. 94).

Наряду с индивидуальным знанием Н. Е. Максимова и И. О. Александров развивают представления о надиндивидуальных психологических структурах. В них фиксируются компоненты целостных взаимодействий — предметная отнесенность, межиндивидуальные отношения, индивидуальные характеристики партнеров. В совместной деятельности структуры знаний, сформированные у партнеров в процессе межиндивидуальных взаимодействий, оказываются более сходными, чем у не взаимодействующих субъектов. В число факторов, определяющих сходство, входят индивидуальные семантики предметной области, степень конкурентности отношений, индивидуально-психологические характеристики партнеров (гендерная принадлежность, эмоционально-экспрессивные проявления, невербальные составляющие поведения). «Перечисленные факторы могут быть соотнесены с атрибутами информационных моделей взаимодействия индивидов с предметной областью, ее объектными и социальными составляющими. Поскольку эти факторы являются общими для всех членов сообщества, носителей правил и норм предметной области, как и совокупность информационных моделей, сформированных при взаимодействии с предметной областью, при приобретении компетенции, ею предписанной, то множество этих совокупностей, распределенное на членах сообщества, может быть рассмотрено как надиндивидуальная структура знания» (Максимова, Александров, 2023, с. 168).

Развитие методологии современного научного познания идет в направлении совершенствования представлений о надиндивидуальных структурах. Сегодня они воспринимаются учеными не как метафора, а как такая же реальность, как коллективное познание. Устремленность субъекта (особенно группового) и объекта навстречу друг другу порождает между ними такое единство, в том числе чувственное и интеллектуальное, которое дает основание говорить о пространстве коллективного сознания и понимающем себя бытии как онтологически существующих данностях. Основания для такого

утверждения можно найти в разных и даже очень отличающихся друг от друга областях психологии.

Во второй половине XX века М. Г. Ярошевский считал, что научное творчество невозможно без представленности в жизни отдельного ученого надиндивидуальных форм объективно и закономерно развивающегося знания. Надсознательное движение научной мысли осуществляется при незримом присутствии множества конкретных исследователей — союзников, противников, оппонентов и критиков. Вследствие этого надсознательное является, по своей сути, коллективно-надсознательным (Петровский, Ярошевский, 1998). Неразрывная связь индивидуального познания с групповым, понимание не только как процедура разума конкретного субъекта, но и как способ существования человека в мире и, в конечном счете, понимающее себя бытие — все это результаты встречного движения субъекта и объекта.

Говоря о коллективном познании, необходимо отметить еще одно направление исследований — интерсубъективных психологических механизмов понимания. Сегодня в различных областях психологии (социальной, кросс-культурной, трансперсональной, психологии личности) развивается теоретическое и концептуальное представление о метаперсональной самоинтерпретации субъекта. Она определяется как идентичность, выходящая за пределы индивидуального Я и охватывающая более широкие аспекты бытия, такие как человечество, жизнь, психика или космос. При метаперсональной самоинтерпретации субъект ощущает свою неразрывную связь со всем человечеством и осознает себя как часть природного и социального мира (DeCicco, Stroink, 2007). В отечественной науке специалисты знакомы с мультисубъектной теорией личности — направлением в психологии, рассматривающим человека в многообразии субъектных форм его существования и развития. В рамках этой теории ключевую роль играет феномен отраженной субъектности. В общении любой человек обуславливает изменения значимых аспектов индивидуальности других людей, является субъектом преобразования поведения и сознания окружающих через свою представленность в них. Мультисубъектная концепция персонализации выводит понятие личности за пределы индивидуального психологического облика конкретного субъекта, не просто связывая его с окружающей социальной действительностью, а пытаясь понять и описать психологию человека через психологические свойства взаимодействующих с ним людей (Петровский, 2010).

1.4.1. Скрытое как предмет социогуманитарного познания

Скрытое является предметом исследования для ученых самых разных специальностей.

В современной педагогике заметную роль играет понятие «скрытой программы» (Полонников, 2011). Оно используется для интерпретации процесса культурного воспроизводства и отражения тех аспектов поведения, которые характеризуют неформальный уровень обучения (Большой..., 2003). Скрытая программа — это семиотическое структурирующее отношение, которое рассматривается как регулятивный принцип отбора и интеграции образовательных смыслов, а также форм их реализации. Она указывает на существование в любом учебном заведении латентных принципов, норм поведения, неявных знаний. Это тот фон, на котором происходит обучение по явно заданным учебным планам. Осознание педагогами скрытой программы способствует осознанию ими негативных для развития учащегося обстоятельств. Например, скрытая власть учителя имеет антиразвивающий характер, поскольку ученик подчиняется ей против своей воли, интересов, возможностей самореализации. Вследствие этого понимание наличия скрытой программы помогает выявлять непроизвольные, непредвиденные эффекты действий педагогов и гуманитарной направленности учебного заведения. Вопрос о том, почему школа учит не тому, что провозглашает, является одним из основных, на которые ученые пытаются получить ответ в своих исследованиях. В частности, анализ «советских школьных учебников, апеллирующих к представлениям о труде, обнаружил, что в них содержится повышенная оценка физического труда и пониженная — умственного, акцентирование общественной полезности производственной деятельности и принижение значимости предпринимательской в купе с мотивацией получения прибыли и заработка. Скрытое действие содержания учебников в исследовании трактуется как информационный протекционизм, предрасполагающий учеников к определенному трудовому поведению. Отмечается, что информационный протекционизм, характерный для советских учебных пособий, с небольшими модификациями сохраняется и в учебниках средней школы современной России» (Полонников, 2011). Следовательно, это уже проявление скрытого культурного программирования, а не то,

что традиционно описывалось в терминах педагогической запущенности учащихся или профессиональной некомпетентности учителей. В другом исследовании показана связь между социальным классом учеников, типом образования, которое они получают в школе, и типом работы. Вывод исследователя: «детей в бедных школах готовили стать послушными работниками, а детей в элитных школах готовили стать оригинальными мыслителями и лидерами» (Kentli, 2009, p. 87).

Таким образом, в педагогике скрытый порядок организации учебного процесса, неявное знание, не осознаваемые и невербализуемые мотивы поведения учеников находятся в фокусе внимания преподавателей и исследователей.

В лингвистике традиционной и фундаментальной проблемой является соотношение языка и картины мира, его понимания говорящим субъектом. Языковые образы действительности неизбежно включают в себя скрытые, имплицитные элементы. Любой реальный текст характеризуется смысловыми пропусками того, что уже известно реципиенту. «Смысловые лакуны», «смысловые скважины» являются неперемным условием, стимулом порождения смыслов при понимании текста. Пропуск части информации во внешней форме текста и ее потенциальное присутствие во внутренней, глубинной структуре запускает механизмы как восстановления, реконструкции, так и порождения новых смыслов при понимании сообщения: «Таким образом, мы приходим к толкованию имплицитности в тексте как толчка, запускающего процессы продуктивной мыслительной деятельности, результатом которой может стать порождение нового знания или в дополнение к нему и личностных смыслов реципиентов» (Пешкова, 2009, с. 224). При этом следует иметь в виду, что глубинные ядерные структуры языка «являются изначально заложенными в сознании человека элементами, иными словами, глубинные структуры представляют собой языковую компетенцию» (Григорьева, 2018, с. 9). Скрытые имплицитные элементы не только независимо от говорящего субъекта находятся в языке, они присутствуют как целенаправленные и осознанные составляющие скрытого воздействия во время коммуникации: «Иными словами, в случае скрытого воздействия в коммуникативную интенцию адресанта наряду с сообщением о положении дел в реальной действительности намеренно включается цель: трансформировать картину мира реципиента, создать у него тот концептуальный образ объекта или события, который более всего

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

соответствует его (адресанта) интенции, что непосредственно связано с выбором им не прямой формы коммуникации и использования различных имплицитных смыслов и манипулятивных технологий» (Гурочкина, 2019, с. 49). Приемы скрытого воздействия на адресата разнообразны: психологическое (формирование у адресата определенных идеалов и ценностей), интеллектуальное (навязывание чуждых адресату мнений, взглядов) и т.п.

В философии познания значительное место занимают проблемы понимания ненаблюдаемых сущностей. Гносеологические установки неклассической рациональности включают рассуждения о принципиально не наблюдаемых сущностях, например, виртуальных частицах, и увеличении роли теоретических конструкций в научном познании. Идеалы и нормы неклассической науки характеризуются «отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу единственно истинной теории, “фотографирующей” исследуемые объекты, допускается истинность нескольких отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться момент объективно-истинного знания» (Степин, 2000, с. 623).

В этом контексте одним из самых научно значимых оказывается вопрос об онтологическом статусе ненаблюдаемых сущностей современной физики: являются ли они реальными объектами или представляют собой социальные конструкты? (Мамчур, 2017). Другими словами, это вопрос о том, что, например, бозон Хиггса существует в природе до того, как его предсказала теория? В физических экспериментах его открыли или создали, как утверждают социальные конструкционисты? Аргументация последних такая: открытия и бозона Хиггса, и других элементарных частиц были бы невозможны не только без физических теорий, но и без армии экспериментаторов, построивших суперколлайдер, технологов, сконструировавших экспериментальные установки, и многих других. Иначе говоря, предварительное осмысление проблемы определяет конкретное видение результатов ее решения. Вместе с тем очевидно и обратное: природная детерминация просматривается даже в сложных социальных конструктах. Например, болезнь — это отклонение от нормального функционирования организма, как бы оно ни трактовалось

в разных культурах. Обсуждая вопрос о том, идет ли речь о создании или открытии микрообъектов в ходе экспериментов, Е. А. Мамчур высказывает мнение, с которым я полностью согласен: «Мне думается, что социальные конструктивисты делают в данном случае довольно типичную для современной философии науки ошибку: они смешивают, не различают два на самом деле различных плана рассмотрения проблемы — эпистемологический (иногда говорят эпистемический) и онтологический. Чтобы остаться на реалистических позициях, конструктивист должен сказать: да, мы конструируем результаты экспериментов, но только в эпистемическом, но не в онтологическом смысле. Между тем социальные конструкционисты, оставаясь в рамках онтологического плана рассмотрения эксперимента, в котором бозоны обнаруживаются, рассуждают так, как будто в процессе эксперимента создаются, конструируются реальные объекты микромира, т.е. само сущее» (Мамчур, 2017, с. 112–113).

Таким образом, понимание даже «простых» природных объектов оказывается сложным многомерным психологическим феноменом, требующим тщательного соотнесения необходимого, действительного и возможного. Наука имеет дело со скрытым порядком, она нацелена на выявление возможного неявного знания о предмете исследования. Мы практически всегда знаем, что кроме выявленных факторов есть скрытые причины, которые мы не знаем и никогда не узнаем (пример — личностные опросники). Эти причины осознаются познающим субъектом как возможности, которые надо было бы тщательно исследовать, если бы их можно было ясно осознать. Однако на осознание влияет не только явное отсутствие когнитивных знаний, но и более глубокие причины, обусловленные характером человеческой психики.

Ненаблюдаемые сущности являются предметом современной *исторической науки*: «История, таким образом, — наука, но наука особого рода. Это наука, задача которой — изучение событий, недоступных нашему наблюдению. Эти события исследуются логическим путем, в результате чего историк, проанализировав что-то иное, доступное нашему наблюдению и именуемое “свидетельством”, делает вывод, касающийся интересующих его событий» (Коллингвуд, 1985, с. 240). Одной из ненаблюдаемых сущностей исторической науки является ментальность — мировоззрение, способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций: «Поэтому ментальность, принадлежащая сфере социальной психологии, не формулируется четко и

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

непротиворечиво. Она принадлежит к “плану содержания”, а не к “плану выражения”. Это означает, что для выявления ментальности историку приходится не верить непосредственным заявлениям людей, оставивших те или иные тексты и другие памятники, — он должен докапываться до более потаенного пласта их сознания — пласта, который может быть обнаружен в этих источниках скорее как бы против их намерений и воли» (Гуревич, 1991, с. 517). Понятие ментальности не случайно, а закономерно является неопределенным, расплывчатым и даже двусмысленным: «Во всех без исключения проявлениях человека могут быть — и должны быть — обнаружены те или иные симптомы коллективной психической жизни, ее безличные, неиндивидуализованные аспекты и автоматизмы, то содержание сознания, которое не выражено эксплицитно и намеренно и коренится в потаенных глубинах социальной и индивидуальной психики» (там же, с. 524).

Понятия «ненаблюдаемого», «незримого» имеют важное значение не только в науке, но и в *искусстве*. Наиболее ярко это проявилось в аналитической концепции художника П. В. Филонова, названного современниками «очевидцем незримого». Он считал, что современные ему художники однобоко взаимодействуют с природой, фиксируя только два ее свойства — форму и цвет, а любой предмет имеет неисчислимое число свойств, отражающих целый мир видимых и невидимых явлений. «Филонов настаивает, что, кроме формы и цвета, есть целый мир невидимых явлений, которые не видит “видящий глаз”, но постигает “знающий глаз”, с его интуицией и знанием. Художник представляет эти явления “формой изобретаемую”, т.е. беспредметно. Аналитический метод Филонова втягивает в сферу творческого выражения, по его словам, “всю предикативную сложность жизни”, когда художник видит, интуитивизирует в любом объекте не два предиката — форму и цвет, а целый мир видимых и невидимых явлений, их эманаций, генезиса, известных тайных свойств, имеющих в свою очередь иногда бесчисленные предикаты. Все это многообразие свойств, убежден П. Филонов, может и должно быть выражено в картине» (Липов, 2013, с. 354). Художники всегда стремились изображать не только зримое, но и незримое, видимое и невидимое. Основатели кубизма Ж. Брак и П. Пикассо ставили перед собой задачу отойти от изображения *увиденного* и рисовать то, что *известно* о мире. «Мы видим обращенные к нам стороны предметов, но знаем, что у предметов есть и другие стороны» (Hanson, 2023, p. 92).

В *психологии* ученые все время имеют дело не только с явным действительным в психологии человека, но и с неявным возможным, невыразимым, латентным и т.п. Понятия «ненаблюдаемого», «незримого» имеют важное значение в психологической науке. Более того: в психологии ненаблюдаемое — центральная проблема. Мы все время имеем дело не только с явным действительным в психологии человека, но и с неявным возможным, невыразимым, латентным и т.п. В наиболее общем виде проблема формулируется как соотношение имплицитного и эксплицитного в психике (см., например, Лобанов, Певнева, 2023; Токарева, Дорфман, 2014). Психологи исследуют понимание людьми невидимой угрозы при травматическом стрессе или опасном для жизни заболевании (Быховец, 2023), неявные опасности как компоненты больших систем (Кимберг, Улько, 2020), латентные психосемантические факторы многомерного сознания (Петренко, 2010), латентные социальные группы (Толочек, 2022), невыразимый опыт как психологическое основание понимания невозможного, непостижимого и немислимого (Знаков, 2022). По моему мнению, перечисленные проблемы объединяет то, что при исследовании психологи вынуждены иметь дело не столько с действительным, сколько с потенциальным, возможным. Неудивительно, что лежащим в их основании психологическим механизмом являются два основных вида возможностного мышления — обращенного в прошлое ретроспективного контрфактического и направленного в будущее проспективного. Применение возможностного мышления к анализу описанных выше феноменов мне представляется очень важным и перспективным.

1.4.2. «Скрытое» и «имплицитное» в рассуждениях Л. И. Анцыферовой о психике

В психологии понятия «скрытое» и «имплицитное» играют существенную роль. В «Большом психологическом словаре» скрытое (влечения, следы аффекта, мускульные движения и т.п.) упоминается более восьмидесяти раз, имплицитное (содержание, память, теория личности и т.п.) — около двадцати (Большой..., 2003). Неудивительно, что ученица С. Л. Рубинштейна Л. И. Анцыферова придавала этим проблемам большое значение. Несмотря на гуманитарную направленность своих интересов, она понимала мир так же, как выдающиеся физики и химики (Н. Бор, Э. Шредингер, И. Пригожин и др.): по ее

1.4. Скрытый порядок в мире человека и психике

мнению, в мире человека наряду с явным и закономерным неизбежно проявляется непредвиденное, неожиданное, невероятное, нередко таинственное. Например, при изучении психологии человека с применением опросников необходимо учитывать неизбежную многозначность ответов респондентов. Только целостная структура имплицитных ответов, а не один зафиксированный ответ, характеризует человека как личность. Личность можно понять, только если «рассматривать жизнь и ее события в разных системах координат; выявлять латентные возможности жизненных ситуаций; воспринимать неожиданность, неопределенность, многозначность обстоятельств жизни как стимул для своего развития и т.п.» (Анцыферова, 2006, с. 271).

Все исследования Л. И. Анцыферовой пронизывает оппозиция «явное – скрытое», за видимой действительностью психического она всегда искала невидимое: «За видимым и привычным миром, за миром “здорового смысла” индивиду открывается мир скрытых отношений вещей. Человек выходит далеко за узкие границы своего индивидуального существования, психологически и социально он начинает становиться универсальным существом. Важно, что новая позиция образует основу формирования особых многообразных психологических свойств человека: устремленность к поиску закономерностей, скрытых за видимостью вещей, индивидуальный стиль учебной деятельности, способность быстро и многократно на протяжении всего нескольких часов переключаться с одной системы знаний на другую, позицию глубокого уважения к авторитетам особого рода – к творцам непреходящих духовных и материальных ценностей человечества» (там же, с. 328).

Понятие «становления человека универсальным существом» основано на интеграции бытия и сознания, формировании таких психологических структур, которые не только укоренены в материальном мире, но и сами преобразуют его. В этом Л. И. Анцыферова исходит из идей своего учителя: «Эта концепция принадлежит С. Л. Рубинштейну. По его мнению, с появлением человека на новый уровень развития поднимаются все нижележащие уровни бытия. В их структуре начинают проявляться совершенно новые свойства, которые потенциально содержались в природных объектах, но проявились лишь с пришествием человека. Таковы красота гор и водопадов, грациозность определенных животных и т.д. Эта концепция развивает идеи, высказываемые в первой трети нашего века некоторыми философами и

психологами. Так, Дж. Мид, касаясь связи животного и растительного мира, показал, что с появлением животных в растениях выявились совершенно новые качества: съедобность, ядовитость, целебность и т.д. Эти идеи были развиты и обобщены С. Л. Рубинштейном в его положении о том, что с появлением каждого нового уровня бытия в новом качестве выступают свойства всех предшествующих уровней. Заключение С. Л. Рубинштейна о такой связи человека и природы, о наличии природного начала в человеке не преуменьшает, но, наоборот, подчеркивает ответственность человека за такое выстраивание своей жизни, которое бы наиболее полно и глубоко выявляло новые свойства не только предшествующих уровней, но и качества, потенциально присущие своему уровню бытия, нравственность, духовность взаимоотношений людей, их постоянное развитие» (там же, с. 253).

Становление человека универсальным существом как процесс и результат формирования у него психологических структур, связывающих его с миром, глубоко и содержательно развивается практически во всех работах ученого. Эта линия последовательно развивается в публикациях, посвященных проблемам развития психики, ее детерминации, психологии субъекта, личности и мышления. Становление, процессуальность психического развития человека — феномены, непротиворечиво описываемые в развиваемом Л. И. Анцыферовой динамическом подходе к исследованию личности.

Говоря о критических и сенситивных периодах в деятельности, она подчеркивала, что критическим является переход от скрытого подготовительного этапа деятельности к началу реальных преобразований. Скрытый этап деятельности характеризуется переживанием влечения, за которым следует особая пристрастность восприятия окружающей действительности. «Организация субдоминантных форм деятельности до сих пор не исследована, но наблюдения показывают, что она своеобразна, отличается разорванностью, несвязностью. Лишь отдельные ее компоненты “всплывают” в сознании, вклиниваются, как нечто инородное, в процесс доминирующей деятельности. Переживаясь иногда как досадные помехи, уход мысли в сторону, отвлечение внимания, такие феномены в действительности обозначают обогащение неявных деятельностей актуально протекающей. Ее результаты как бы опускаются в пласт субдоминантных действий, связываются с совсем иными психологическими системами личности. Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на

сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удастся вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер» (там же, стр. 48).

Оппозиция «явное – скрытое» отчетливо прослеживается в исследованиях мышления. В частности, упоминая об интуиции, Л. И. Анцыферова говорит о том, что «современные исследования интуиции, имплицитных теорий окружающего показывают, какую важную роль играют неосознаваемые процессы в выстраивании человеком всей своей жизни» (там же, с. 93). То же относится к психологическому анализу проблемных ситуаций: «Опираясь на работы Лайоша Секея, Анцыферова отмечает, что изменение значения проблемной ситуации происходит благодаря тому, что ранее скрытые, латентные свойства, являясь фоновыми, выступают на первый план благодаря активным действиям в проблемной ситуации самого субъекта, который использует приемы анализа и синтеза» (Харламенкова, 2014, с. 7).

Особенно часто высокую значимость скрытого, нерационального, бессознательного Л. И. Анцыферова подчеркивает тогда, когда обращается к психологическому анализу «вершинных образований целостной личности». Одним из них является феномен мудрости. Центральным звеном мудрости оказывается способность к постижению. Постигание нужно там, где человек не может основываться на логически обоснованном знании и где недостаточно интегрированного жизненного опыта, а нужно предугадывание, интуитивное чувствование и т.п. Важно понимать, что часто постижение — не осознанный субъектом выбор или даже произвол, а единственный способ жизни в неопределенном мире. Это тот контекст, в котором, по мнению Л. И. Анцыферовой, психолог должен изучать феномен мудрости: «Постановка проблемы постижения, интуитивного чувствования человеком архитектоники своего внутреннего смыслового мира, переживаемого как истинно присущего ему, означает переход от чисто когнитивного понимания мудрости к личностно ориентированному. Мудрость предполагает поиск и нахождение субъектом своего призвания, своего истинного Я» (там же, с. 403). Подлинными субъектами жизни являются люди, которые могут постигать себя и внутренний мир окружающих их людей. Для таких людей «мудрость — не только знание,

Глава 1

но и субъективное отношение к ним, наполненное переживаниями, страстями, чувствами и эмоциями» (там же, с. 417).

Таким образом, в современной науке, в том числе психологии, знания о мире человека порождаются в условиях принятия учеными гносеологических установок неклассической рациональности. Они характеризуются отказом от прямолинейного онтологизма и пониманием относительной истинности теорий и картины мира, выработанной на том или ином этапе развития науки. Не менее значимыми признаками научного познания являются изменившиеся в XX веке научные представления о детерминизме. Непознаваемые причины многих событий и ситуаций в мире человека стали рассматриваться не как случайные, а как закономерные. Безусловно, они повлияли на формирование новых взглядов в психологической науке. Изменившаяся методологическая ситуация способствует появлению новых понятий, одним из которых стал «скрытый порядок». Как показано выше, развитие представлений о скрытом порядке осуществили выдающиеся ученые, занимавшиеся проблемами из самых разных областей научного познания и чутко реагировавшие на изменения методологической ситуации в науке. Психологи не могут не испытывать чувства гордости от того, что существенный вклад в развитие современных идей о скрытом порядке внесли С. Л. Рубинштейн и его ученица Л. И. Анцыферова.

Глава 2

ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ — ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ ПОНИМАНИЯ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

2.1. Возможное и возможностное

Одним из перспективных направлений современной психологической науки является психология возможного (Знаков, 2022). В этой области активно проводятся научные исследования. Новым этапом развития психологии возможного стало возникновение в 2023 г. журнала «Possibility Studies and Society», в котором публикуются оригинальные и заслуживающие пристального внимания ученых статьи. В настоящее время с возникновением психологии возможного во многих областях как естественнонаучного, так и социогуманитарного познания повышается роль такого инструмента научного интеллекта, как возможностное мышление (Beghetto, 2023; Bowen B. et al., 2023; Mangion, 2024; Saint-Jean, 2022). Несомненно значимым этапом развития исследований в этой области стала разработка трехфакторной шкалы возможностного мышления: «Осознание новых возможностей, воодушевление их появлением и продолжение изучения их последствий — это три отдельных, но взаимосвязанных фактора» (Glaveanu et al., 2024, p. 142). Развитие современных социальных сообществ происходит посредством принятия креативности через исследование и взаимодействие с новыми возможностями изменения и развития. Переходя от проблемно-ориентированного мышления к возможностному, ориентированному на возможности, люди могут переосмыслить общественные проблемы как возможности для творческой деятельности (Mangion, 2024). Проблематика актуализации и развития человеческих возможностей, созидательных и деструктивных, а также факторов, влияющих на потенциал человека (Поддьяков, 2005),

сегодня является очень значимой не только для психологии способностей, но и для других областей психологической науки.

В наше время представления о возможном активно развиваются в разных науках, одной из которых является культурология: «Культурология возможного — это исследование комплекса идеалов, эталонов, норм и ценностей, которое обеспечивает существование воображаемых моделей в качестве потенциально-реализуемых устройств, даже если реализация этих моделей противоречит текущим представлениям о возможностях науки и техники» (Дегтяренко, Ермаков, 2024, с. 1459). В этой научной области применительно, например, к архитектуре анализируются два типа возможного: возможность как нереальное, но существующее в дискурсивной практике и возможность как допустимое, соответствующее современному технологическому ландшафту. В психологии возможного это соответствует эпистемологическому и онтологическому пониманию модусов возможности: возможность как то, что концептуально возможно, но может быть нереализуемо в действительности и как то, что реально возможно и достижимо. Р. Поли называет их идеально возможным и действительно возможным (Poli, 2023). «Реально возможное относится к тем вещам, которые существуют в настоящее время, в то время как идеально возможное несет в себе понимание будущей проекции и, что особенно важно, включает невозможное. Реально возможное основано на действительном, а идеально возможное есть продукт богатого человеческого воображения» (Ross, 2023, p. 248). С позиции культурологии возможного, «предметность несуществовавших устройств может быть изучена, поскольку, даже не будучи реализованными в качестве вещественно-существующих объектов, они тем не менее обрели определенное существование в качестве дискурсивных практик. Будучи элементом дискурса, воображаемые медиа подчиняются определенному набору законов и принципов, которые позволяют вписать их в текущий культурный контекст, превращая их в возможное» (Дегтяренко, Ермаков, 2024, с. 1458). Такой подход позволяет различать дискурс простого фантазирования, не имеющего под собой никаких оснований, от обсуждения конструирования возможных технических устройств, которые позволяют решать задачи, неподвластные текущему технологическому режиму.

Обобщая, можно сказать, что словарные определения возможного акцентируют внимание ученых на двух его основных значениях.

2.1. Возможное и возможностное

Семантически более узкое значение связывает его с тем, что осуществимо или достижимо, а широкое относится к пространству мыслимого, независимо от того, можно ли его применить на практике или нет (Hanson, 2023).

Необходимо развести еще два варианта содержания «возможного»: его интерпретации как раскрытия новых потенциальных возможностей уже, казалось бы, проанализированного предмета исследования и как альтернатив, выбора вариантов (правда или ложь, альтруизм или эгоизм, оправдание или осуждение). Литературовед, специализирующийся на творчестве Ф. М. Достоевского, всю жизнь имеет дело с творчеством одного писателя, он лишь открывает все новые грани его творчества. А игра в шахматы или психология принятия решений сфокусированы на «внешнем» выборе, анализе множества вариантов, рассматриваемых познающим субъектом, один из которых, в конечном счете, принимается за правильный. Психологическим анализом мышления как перебора вариантов, например, в системах искусственного интеллекта, ученые занимаются уже более пятидесяти лет. За прошедшие полвека были выявлены не только достоинства, но и многочисленные неустранимые недостатки методов перебора.

Без привлечения категории «возможное» мир человека нельзя понять, на это указывал О. К. Тихомиров. Он писал: «Следует ли это порождение несуществующего мира в виде мечты, фантазии, мифологии или даже бреда рассматривать как разновидность отражения? Может быть, просто следует отказаться от суженной трактовки отражения? В принципе такая возможность существует. Но тогда отражения чего? Возможностей! И не только объективных, но и субъективных. Ведь мы часто придумываем такие варианты, которые объективно невозможны. Скажем, в межличностных отношениях — столько нереалистичного! Функция проигрывания возможностей должна быть рассмотрена при нашем анализе психики более четко» (Тихомиров, 1992, с. 18). Аналогичную мысль высказывал М. Н. Эпштейн: «Мышление есть не что иное, как движение сквозь действительность к скрытым в ней возможностям, так что сам действительный мир в свете мышления становится лишь одним из возможных, о котором мы получаем право вопрошать философски лишь потому, что он мог бы быть другим» (Эпштейн, 2001, с. 70).

2.1.1. Понятие «возможное» в современной науке

Формирование и развитие психологии возможного сегодня становится неперенным условием прогресса психологической науки. Соотношение действительного и возможного, особенно в психологии понимания, является одной из актуальных задач психологической науки. С. Л. Рубинштейн говорил о том, что в любой момент времени человеческое бытие уже потенциально содержит то, чем станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не есть. На этом методологическом основании построен метод «анализа через синтез»: в процессе познавательной деятельности субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно поворачивает его разными сторонами и таким образом выявляет некоторые неизвестные ранее свойства последнего, получает новые знания об объекте. Иначе говоря, человек выявляет не только действительные, уже известные ему свойства, но и так мысленно преобразует объект, что в сознании возникают новые его признаки, которые раньше были только потенциальными, возможными альтернативами познаваемой реальности.

Соотношение действительного и возможного, во-первых, уже в течение многих веков занимало мыслителей, ученых, и психологи не могут игнорировать такую тенденцию развития научного познания; во-вторых, актуальность и научная значимость этой проблемы особенно очевидна для психологии понимания. Во всех реальностях человеческого бытия (эмпирической, социокультурной, экзистенциальной) понимание представляет собой интерпретацию альтернатив, которые понимающий субъект обнаруживает в объекте понимания, в действительности. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации — это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания (Знаков, 2016). Другими словами, чем больше возможных альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить. Для психологического анализа мира человека это положение является принципиальным.

В самом общем смысле возможным называется потенциальное бытие, содержащееся в прошлом или будущем. Другими словами, содержание этой категории включает представление о предстоящем

2.1. Возможное и возможностное

осуществлении чего-то в прошлом или будущем: того, что могло или может стать действительным. Междисциплинарная направленность современной науки порождает такие новые области познания, в которых категория «возможное» является основной. К ним принадлежит прогностическая микробиология. Прогностическая микробиология основана на интеграции традиционных знаний из области микробиологии со знаниями математических, статистических, информационных систем, технологий для описания поведения микробов с целью предотвращения порчи продуктов питания, а также болезней пищевого происхождения. Благодаря интеграции разнообразных знаний из биологии, физики, инженерии в ней решаются задачи, которые когда-то казались невыполнимыми (разработка и внедрение сложных синтетических генных цепей, построение многокомпонентных бактериальных сообществ с конкретными, заранее определенными составами и т.п.). В этой области научного познания обсуждаются ключевые проблемы прогностической микробиологии, задачи, связанные с природной сложностью микроорганизмов, а также ценностью количественных методов для повышения предсказуемости результатов моделирования (Fakruddin, Mazumder, Mannan, 2011; Lopatkin, Collins, 2020).

Поскольку я обсуждаю понимание возможного как такой феномен, изучение которого происходит совместными усилиями ученых различных специальностей, то здесь уместно указать на междисциплинарные исследования понимания. Пожалуй, наиболее обстоятельный междисциплинарный анализ представлен в работе А. Р. Хауга и К. А. Глюка, которые проанализировали публикации по философии, психологии, педагогике, нейробиологии, информатике и выделили из них восемь общих признаков этого феномена (Hough, Gluck, 2019). По их мнению, философы подчеркивают роль схем и языка в понимании мира, отношения и контекст они считают более важными, чем знание. В философии отмечается, что понимание требует правильных умозаключений, соответствующих результатов и достоверных или проверенных знаний.

Психологи подчеркивают, что понимание происходит постепенно: процесс начинается на поверхностном уровне и движется к более глубоким, значимым концепциям и отношениям. И в этом процессе важны рассуждения по аналогии. Понимание требует знания предметной области и когнитивных навыков высшего порядка, которые

позволяют осуществлять активную организацию, реорганизацию понимаемого материала, гибкое использование знаний и способность генерировать, конструировать концепции или процедуры. Для того чтобы понять, нужно приобрести базу знаний организованной информации с богатыми наборами отношений, которые можно обобщать для новых ситуаций. Оценка уровня понимания и знаний с помощью метакогнитивного мониторинга важна для выявления ошибочных знаний или запуска поиска дополнительной информации.

Ученые-педагоги подчеркивают взаимодействие когнитивных навыков и знаний высшего порядка. Эти навыки важны для организации или структурирования входящей информации, определения проблем, выявления пробелов в понимании и использования контекста для уменьшения двусмысленности. Считается, что обучение с учетом множества точек зрения и отношений более эффективно, чем одномерные методы, потому что позволяет более гибко использовать знания, такие как способность адаптироваться к новым математическим задачам.

Когнитивные нейробиологи представляют доказательства того, что понимание представляет собой сложный распределенный процесс, и подчеркивают взаимодействие между областями мозга.

Компьютерные ученые сравнивают обработку, связанную с пониманием, у людей и компьютеров. Они отмечают, что понимание включает в себя производительность, пошаговую последовательность, эффективный поиск и использование проиндексированной информации, сети отношений и способность действовать в новых ситуациях, информацию об окружающей среде.

Что касается указанных восьми общих черт понимания, возникающих из этих разных точек зрения, то они, по мнению авторов, следующие. Понимание включает в себя: 1) степень понимания, 2) надлежащее использование знаний, 3) организованные структуры знаний, 4) обобщение и передачу знаний, 5) богатые сети отношений, 6) использование контекста или фреймов, 7) торможение конкурирующих отношений или представлений и 8) метапознание или обратная связь.

Обобщая, Хаут и Глюк предлагают определение динамического процесса и результата понимания: «Приобретение, организация и надлежащее использование знаний для получения ответа,

2.1. Возможное и возможностное

направленного на достижение той или иной цели, когда это действие осуществляется с осознанием ее предполагаемой цели» (Hough, Gluck, 2019, p. 23). Надо заметить, что, во-первых, в определении отсутствует главное с точки зрения психологии понимания — какое-либо упоминание о смысле, а понимание это всегда порождение и выявление смысла. Для российской психологии понимания внутренняя связь этого психологического феномена со смыслом сегодня уже является аксиомой, не требующей доказательства (см., например, Борзова, Мосунова, 2020). Во-вторых, как это часто бывает в когнитивных науках, из этого определения нельзя сделать вывод о специфике процесса и результата понимания, его отличиях от мышления и решения задач. Сами авторы только подчеркивают, что понимание подразумевает метакогнитивное осознание цели и направлено на достижение целей, которые могут различаться по ясности и степени их удовлетворения. Кроме того, они рассматривают понимание как участие в выборе стратегии или подхода к решению проблемы: оно может информировать о решении проблем, но не является синонимом их решения. Вывод: такое определение скорее указывает на психологическую сущность мышления или интеллекта, чем понимания.

2.1.2. Психологические исследования возможного

В психологии исследования возможного интересны и разнообразны. В наиболее полном и развернутом виде категория возможного в психологии представлена в понятии «аффорданс». Большое число исследований направлено на психологический анализ предвосхищения и прогнозирования. А. В. Брушлинский изучал эти феномены применительно к мыслительной деятельности. Л. И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривала прием «антиципирующего совладания» и описывала феномен возможного будущего. Е. А. Сергиенко подчеркивает, что при изучении модели психического большую роль играют вторичные репрезентации, которые «позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы» (Сергиенко, Уланова, Лебедева, 2020, с. 17). О. К. Тихомиров в рамках разработанной им и развиваемой его учениками теории смысловой регуляции мышления анализировал феномен эмоционального предвосхищения. Сегодня одна из учениц О. К. Тихомирова, Т. В. Корнилова,

рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным. Следовательно, главная идея заключается в направленности на исследование сопричастности человека к возможному. По существу, анализ не состоявшихся поворотов мысли, возможных мысленных преобразований ситуации, отраженной в решаемой задаче, содержательно сходен с позицией С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского.

Интересные данные о связи вероятностного прогнозирования с мышлением получены в психологических исследованиях шизофрении. Больные шизофренией в стандартных ситуациях нередко видят больше возможностей, чем здоровые, потому что для них характерно увеличение частоты использования малозначимых «латентных», нестандартных свойств предметов.

Таким образом, исследования предвосхищения, прогнозирования, антиципации в психологии интересны и разнообразны. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве из них изучаются процессы, происходящие внутри конкретной ситуации, деятельности: при решении задачи возможное открывается мыслящему субъекту в виде новых, ранее скрытых от его внимания сторон объекта. Психология возможного появилась тогда, когда весь мир стал рассматриваться учеными как океан возможностей. Соответственно основная задача психологии возможного отличается от целей исследования прогнозирования: не поиск проявлений этого феномена в конкретной деятельности, а анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым.

Еще одной современной областью психологических исследований, в которой нельзя обойтись без категории «возможного», являются социальная перцепция и альтернативная идентичность в социальных сетях. Занимаясь психологией интернета, А. Е. Войскунский отмечает, что представленные в социальных сетях «виртуальные» возможные идентичности нередко отличаются от сформировавшихся в повседневной жизни «реальных» идентичностей (Войскунский, 2014).

Психология возможного — перспективное направление научного анализа понимания человеком мира, в котором значительное место занимают психологические исследования субъекта и личности. Основопологающей работой, в которой категория «возможного» была включена в научный арсенал психологии личности, стала статья

2.1. Возможное и возможностное

Х. Маркус и П. Нуриус (Markus, Nurius, 1986). В ней «возможное» используется для объяснения влияния на образ Я потенциальных представлений о себе. В психологии личности категория «возможного» применима ко всему спектру интерпретации — от четко осознаваемого субъектом понимания-знания своего внутреннего мира до бессознательного понимания-постижения, с трудом поддающегося вербализации и осмыслению. Выражаясь метафорически, можно сказать, что при психологическом анализе личности на левом полюсе континуума «сознательное-бессознательное» оказываются осознаваемые субъектом и потому перечислимые альтернативные возможные Я, на правом — личность как экзистенциальная тайна. Между ними находится личностный кризис, который Ф. Е. Василюк характеризовал как невозможность осмысления трудной жизненной ситуации.

Подводя итог, кратко можно сказать, что спектр исследований возможного в психологической науке поистине безграничен.

2.1.3. Возможное как фактическое и как воображаемое

Современная психология остро нуждается в концепциях, которые непротиворечиво объединяют в себе научные представления о понимании учеными самых разных областей мира человека. Одним из таких интегративных направлений научных исследований является психология возможного. Психология возможного включает две группы феноменов. На одном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном — невозможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта, знание о которых нередко полностью противоречит его опыту.

В психологии связующим звеном, своеобразным мостом между прогнозируемым возможным и непредсказуемым невозможным является фундаментальное научное положение об искомом в мышлении человека — прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи: «Мышление, выступающее как открытие новых знаний, вместе с тем всегда включает и использование уже имеющихся знаний. Процесс мышления есть одновременно и движение знания в нем (хотя, конечно, знание и мышление не одно и то же). Поэтому и любое предвосхищение еще неизвестного, искомого решения возникает не просто как функция прошлого знания,

прошлого опыта, а только в ходе актуального мыслительного процесса решения именно данной, конкретной задачи. Сам по себе прошлый опыт необходим, но недостаточен, чтобы детерминировать «поиски неизвестного» (Брушлинский, 2006, с. 359). Искомое связывает известное из прошлого опыта и прогнозируемое неизвестное. Мыслящему субъекту представляется, что искомое уже изначально указано и определено в исходном требовании задачи. Вместе с тем искомое прогнозируется именно вследствие того, что оно «вначале действительно неизвестно и потому и вообще определяется по ходу всего мыслительного процесса. Это противоречие очень напоминает рассмотренный выше парадокс мышления: если я уже знаю (добавим теперь: из формулировки требования задачи), что я ищу, то что же мне еще искать; а если я не знаю, что я ищу, то как я могу искать?» (там же, с. 420–421).

Еще одним мостом, связующим звеном между двумя типами возможного, между адаптивным возможным и преадаптивным невозможным, в психологии личности является феномен «возникающего» (Костромина, Гришина, 2021). Возникающее как новообразование личности неразрывно связано с прошлым, но устремлено в еще не ставшее, не сформировавшееся будущее. Возникающее — это уже не прошлая личность, но еще не будущая. Исследование возникающего становится актуальным при переосмыслении процессуального подхода, анализом и интерпретацией которого много лет занимался А. В. Брушлинский. Сегодня «фокус исследования в процессуальном подходе смещается на потенциально возможное, а объектом исследования выступает не существующее, а возникающее» (там же, с. 8). Это позволяет ученым увидеть возникающее в личности в потоке изменений в новых обстоятельствах: «Возникающее фактически служит объединяющим элементом проблематики психологии возможного и психологии изменений. Изменения могут происходить только в сфере возможного, а возможное потенциально содержит в себе изменения и через них переходит в действительность. Момент соединения возможного с готовностью/способностью личности к изменениям порождает возникающее. Таким образом, исследование возникающего в психологии личности определяется его пониманием как результата изменений в пространстве возможного» (Костромина, Гришина, 2021, с. 21). По-видимому, к этой же категории феноменов следует отнести «становящееся», которое анализирует В. И. Панов,

2.1. Возможное и возможностное

используя представление о психике как форме бытия и отношении «индивид-среда» (Панов, 2023).

С экзистенциальной точки зрения феномены «искомого» и «возникающего» — это типичное проявление «бытия между»: они формируются на границе возможного и невозможного, содержательно связывающей их. Такое бытие представляет собой область, промежуточную между двумя полюсами возможного-невозможного, в которой присутствуют его необходимые и одновременно взаимно исключающие качества. В экзистенциальной философии понятие «граница» является одним из ключевых: «Тот факт, что человеческое бытие всегда имеет определенные границы, не нов и всегда признавался. Новым является то, каким образом обладающие конститутивным характером границы встраиваются в само внутреннее существо человека. Граница здесь представляет собой не то, что каким-либо образом располагалось бы снаружи и ограничивало бы человека извне, но то, что определяет его в самой глубине его существа. И отсюда облик этой границы затем разрабатывается в отдельных пограничных ситуациях: страдание, борьба, случайность, вина и т.д., которые, конечно, были известны всегда, но обыкновенно рассматривались преимущественным образом в качестве чего-то случайного, того, чего можно избежать, что объяснялось лишь ущербностью существующего порядка. Этот порядок пытались улучшить, выдумывали утопии некоего лучшего мира, где не должно быть страданий, борьбы и прочих жизненных бед» (Большов, 1999, с. 85).

В современном мире проблема размывания границ между физическим и психологическим мирами становится особенно актуальной в связи с виртуальной реальностью и массовым использованием компьютерных технологий (Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012). В психологии проблема границ всегда была значимой, особенно в исследованиях субъекта и личности. В частности, в исследованиях второго этапа развития психологии субъекта важнейшим является вопрос о границах Я личности, «внутри» которых должны происходить преобразования человеком себя. Иначе говоря, это вопрос о мере осознания субъектом допустимых и недопустимых возможностей и психических ресурсов преобразований. Осознание человеком границ своего Я, отличного от не-Я чужого или даже чуждого мира, реализуется в процессах самокатегоризации. «Границы Я разделяют, ограничивают и соединяют значимое и незначимое, определяя

смыслы чего бы то ни было в мире человека. В его внутреннем мире границы обнажают и демонстрируют различия не всегда явных его „частей“, их своеобразие, несводимость друг к другу и обеспечивают их отношения, взаимодействия, соизменения: развитие, консервацию или регресс. Оптимальное функционирование границ Я выступает условием выживания и развития личности как системы. Демонстрируя, прежде всего, качественное различие актуально наличного и возможного в будущем, границы наиболее активно проявляют себя в самоопределениях, отождествлениях, репрезентациях человека» (Шаповал, 2019).

Жизнь состоит не только из свершившихся и происходящих сейчас событий: большую роль в осмыслении человеческого бытия играет несбывшееся, но возможное. Рассуждая о соотношении реального и возможного сюжетов романа «Евгений Онегин», об этом методологически точно пишет С. Г. Бочаров: «Герои больше своей судьбы, и несбывшееся между ними — это тоже какая-то особая и ценная реальность. И это несбывшееся тоже входит в смысловой итог романа» (Бочаров, 1999, с. 41). Возможность не только в творческом мире Пушкина, но и вообще в человеческом бытии всегда дополняет ту реальность, которая осуществляется. «Возможность не мечта. Возможность не иллюзия. Она не есть нечто, что только мыслится. Возможность существует, хотя и особым образом: философия знает это уже с Аристотеля, писавшего о существующем в возможности» (там же, с. 23).

Человеческое бытие состоит из известного и неизвестного: нашей памяти о свершившихся фактах и предчувствия скрытой реальности, воплощенной в осмыслении ожидаемых возможностей. Ожидаемое возможное расширяет представление познающего субъекта о действительном: «Роль возможного не в точном содержании, а в привнесенном ощущении альтернативности бытия» (Мартынова, 2004, с. 38). В коммуникации «принципиальное отличие возможностей, зарождающихся в динамически разворачивающемся высказывании, и возможностей, представленных в высказывании относительно завершеном, можно сформулировать так: в первом случае это то, что “может быть” (актуально), во втором — то, что “могло бы быть” (не состоялось)» (там же, с. 39).

Обращение ученых к исследованию феномена возможного побуждает их ответить на фундаментальный вопрос: «А зачем, познавая

2.1. Возможное и возможностное

мир, субъект должен выдвигать гипотезы, рассматривать не только действительное положение дел, но и возможные его варианты?» Один ответ на него заключается в том, что анализировать разные стороны познаваемой ситуации необходимо для смыслообразования, более глубокого ее понимания (Тихомиров, 1984). Другой ответ на вопрос содержится в различении возможного и возможностного. Категория и феномен «возможностного» отличаются от «возможного» (Эпштейн, 2001). Возможное — это то, что реально может произойти (пожар, отпуск, болезнь) или могло быть (рождение дочери, а не сына; студенческая жизнь в Томске, а не в Москве; победа, а не поражение в спортивных соревнованиях). Возможностное относится не к фактам действительности, а к разным фокусам их рассмотрения, точкам зрения на них. Можно сказать, что возможное это онтология познания, а возможностное — гносеология.

Различение возможного и возможностного является важным в современной методологии научного познания. В частности, физики, придерживающиеся многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта, говорят о том, что никаких многих классических миров «как миров физических, реальных, на самом деле вообще нет. Есть только один физический мир, это мир квантовый, и он находится в состоянии суперпозиции. Просто каждая компонента суперпозиции, взятая в отдельности от остальных, представляет картину того, что наше сознание могло бы воспринимать как картину классического мира, а разным компонентам суперпозиции соответствуют картины разных классических миров. То, что мы называем “классическим (эвереттовским) миром”, является только одной “классической проекцией” состояния квантового мира. Эти различные проекции создаются сознанием наблюдателя (осознаются субъективно), в то время как сам квантовый мир существует объективно, независимо от какого бы то ни было наблюдателя» (Менский, 2011, с. 98). Проекции — это возможностные характеристики познания квантовой реальности.

Итак, применение категории возможностного мышления существенно расширяет и обогащает наши представления о мыслительной деятельности человека, потому что, применяя его, познающий субъект начинает анализировать не только факты, но и целый спектр скрываемых за ними возможностей.

2.2. Возможностное мышление

Возможностное мышление является одним из типов мышления человека. Возможностное мышление является предметно-операциональным: его предметность обусловлена средой, в которой оказался решающий задачу субъект, а операциональность — прогнозами, направленными либо в прошлое, либо в будущее. Различаются два вида возможностного мышления. Ретроспективное контрфактическое мышление направлено на осмысление прошлого, проспективное прогностическое мышление ориентировано на будущее. Некоторые авторы представление о том, как в прошлом все могло быть иначе, называют контрфактическим мышлением, а размышления о том, как события могут измениться в будущем, — предфактическим (Ferrante et al., 2013).

Следует подчеркнуть: возможностное мышление не универсально, оно актуализуется не во всех познавательных и коммуникативных ситуациях. Такое мышление реализуется у субъекта только тогда, когда он вынужден размышлять либо о прошлом, либо о будущем. Повторю: возможностное мышление познающий субъект применяет только тогда, когда предметом его размышлений становятся прошлое или будущее и он вынужден анализировать возможные альтернативные варианты развития событий. В повседневной жизни человек думает о прошлом или будущем не систематически, а периодически. Следовательно, возможностное мышление является частным видом мыслительной деятельности — одним из многих.

Возможностное мышление всегда ориентировано на анализ возможных вариантов развития событий, оно актуализируется тогда, когда понимающий мир субъект должен ответить на вопрос «Что будет, если...?» («Что будет, если я опоздаю на поезд?»; «Что будет, если цены на этот товар внезапно поднимутся?»; «Что будет, как изменится игровая ситуация, если соперник по игре в шахматы сделает ход слоном на d5?»). При актуализации другого вида возможностного мышления познающий субъект задает себе вопрос: «Что было бы, если бы?..» («Что было бы, если бы Б. Н. Ельцин не сложил добровольно с себя полномочия Президента РФ?»).

Понятие «возможностное мышление» использовали М. Фуко, М. Н. Эпштейн, А. С. Карпенко и другие ученые. Возможностное мышление основано на принципе «мыслить иначе», отраженном,

2.2. *Возможностное мышление*

например, в лозунге французских студентов в 1968 г.: «Мы требуем права противоречить самим себе!» Возможностное мышление направлено на оспаривание познающим субъектом своих же мыслей о понимаемом предмете, превращение знания о нем в конструктивное незнание. М. Фуко и теоретически, и практически анализировал феномен возможностного мышления, отвечая на вопрос «До какого предела можно мыслить иначе, чем мыслим мы?». Он писал: «Но что же представляет собой сегодня философия — я хочу сказать, философская деятельность, — если она не является критической работой мысли над самой собой? Если она не есть попытка узнать на опыте, как и до какого предела возможно мыслить иначе, вместо того чтобы заниматься легитимацией того, что мы уже знаем? В философском дискурсе всегда есть нечто смехотворное, когда он хочет извне навязывать непреложные законы другим, указывать другим, где находится их истина и как ее обрести, или самодовольно берется рассудить все их дела в наивной позитивности; но исследовать, что в его собственном мышлении может быть изменено благодаря упражнению, в которое он превращает чужое для него знание, — здесь философский дискурс в своем праве» (Фуко, 2004, с. 14–15). «Мыслить иначе» значит критически переосмысливать свою интеллектуальную позицию, приобретая знания о скрытом и неизведанном как о подлинном.

Развивая эту линию рассуждений и называя ее «удовольствием мыслить иначе», российский философ Ф. И. Гиренок подчеркивает, что сущность такого способа мышления проявляется в смещении взора мыслителя с оснований на границы, пределы возможного: «Кто хочет мыслить, тот должен перестать играть в классику, рассуждая о сущностях, законах, субстанциях и прочем. Не основания, а пределы возможного интересуют нас сегодня. То, что есть, на пределе перестает быть тем, что оно есть. В пространстве предела мышление носит не понятийный характер, а парадоксальный. Здесь нельзя сохранить ясный взгляд субъекта. Здесь нет ни истины, ни лжи. Приблизившись к пределу возможного, нельзя следовать логике бинарных отношений. Здесь ты, как сплавщик леса, прыгаешь с бревна на бревно, а не подчиняешься априорным предписаниям разума» (Гиренок, 2021, с. 8).

Возможностное мышление сегодня уже не является «игрой разума», изошренным способом рассуждений небольшой группы интеллектуалов, оно проявляется в самых разных сферах человеческого бытия.

Вот каковы его проявления в журналистике: «Репортеры бывают двух видов. Серьезные, занимающиеся журналистским расследованием, например, для *Washington Post* или *Wall Street Journal*, обычно обзывают несколько ученых, не связанных с исследованием, и узнают их точку зрения. Они ищут мнение, идущее вразрез с тем, что было опубликовано в репортаже. Но другие (и их большинство) полагают, что их главная задача — пересказать статью своими словами» (Левитин, 2018, с. 168). В этом контексте уместно напомнить, что в компании Apple со времен ее основателя С. Джобса лозунг «Мыслить иначе» был одним из главных принципов и рекламных роликов. И, возможно, именно эта мировоззренческая позиция определила коммерческий успех компании.

Возможностное мышление представляет собой перспективный способ осмысления эволюции всей действительности — от квантового микромира до социального макромира. Такой способ дает возможность наиболее эффективным образом описать суперпозицию, взаимодействие сложных интерферирующих процессов во вселенной. В биологии это разные ветви возможного эволюционного развития, в квантовой физике и психологии — необычные проявления сознания, открывающие для познающего субъекта доступ к альтернативным реальностям. «В каждой из эволюционных ветвей реализуются те или иные возможности, содержащиеся в исходной суперпозиции. Каждая компонента квантовой суперпозиции представляет собой отдельную и равноправную классическую реальность. Вселенная расщепляется на ряд вселенных-ветвей, каждая из которых соответствует своему возможному исходу события. То, что мы воспринимали как коллапс, означает, что наше сознание выбрало определенный путь через эти ветви, и поэтому наблюдается один набор результатов вместо другого из огромного числа других возможностей. Другие копии нашего сознания наблюдают другие возможные исходы в других вселенных-ветвях» (Верхоzin, 2014, с. 215).

В этом общенаучном контексте очень важны современные дискуссии о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике (Карпенко, 2015; Пенроуз, 2005), биологии (Зуев, 2016) и других областях естествознания. По мнению А. С. Карпенко, один из самых научно значимых результатов дискуссий заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противостоит антиреализму и выводит

2.2. *Возможностное мышление*

на арену “сверхреализм”, требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: “Существовать — значит мыслить возможное” (*Esse ergo cogitare possibile*)» (Карпенко, 2015, с. 36). Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей: «Важнейшие множества физики — это множества не предметов, а возможностей: конфигурационное пространство системы есть множество ее возможных мгновенных состояний, пространство-время есть множество возможных событий типа “вспышки”, отмечающих точки» (Манин, 2008, с. 141–132).

Изучая какую-либо ситуацию, ученый должен задавать вопросы не только о ее действительном состоянии, но и о том, что привело к тому, что она стала такой, может ли она быть другой и может ли она измениться? Чем больше способов возможного существования ситуации выявляет познающий субъект, тем полнее и глубже он ее понимает. Человек всегда думает не только о том, кто он в настоящем: в любое время он учитывает будущее, ориентируется на множество возможных ситуаций и состояний, в которых может оказаться.

Сегодня ясно видны две главные перспективы исследований возможностного мышления — когнитивная и социокультурная (Glăveanu, 2018). Когнитивное направление исследований отражает стремление ученых соотносить и сравнивать реальное положение дел (например, в истории государства) с потенциально допустимым и потому возможным. Социокультурный подход имеет дело с возможным в такой реальности, в которой факты не являются однозначно «объективными», потому что зависят от мнений, установок, ценностей, норм людей. Особенно отчетливо это проявляется в психологии морали (Вурпе, 2017). Основанием таких нормативных представлений является категория долженствования. Основными при этом являются умственные действия, направленные на сопоставление наличного с должным. Современная психология возможного возникла и развивается как новое направление исследований понимания, а понимание — это всегда процесс и результат сопоставления существующего с должным (Знаков, 2005).

Социокультурное понимание мира человека основано на анализе не только действительного мира, но и отношения к нему возможных

миров: «Идеология как форма создания мира действительно необходима для более глубокого анализа социальной и политической жизни. Она также очень четко показывает силу возможных миров по отношению к реальным. Даже когда материальные условия схожи, то, как они воспринимаются и интерпретируются, приводит отдельных людей и целые сообщества к различным выводам, различным убеждениям и различным направлениям действий. В конечном счете, без понимания института воображения общества мы не сможем понять, каким оно является, почему и как оно трансформируется. Последний пункт важен, когда речь идет о социальных изменениях и, в частности, о политическом искусстве и творческой активности. В этих контекстах не только различные группы людей, движимые разными целями, стремятся влиять друг на друга и формировать общество; на первый план выходят их различные взгляды на то, что представляет собой общество и, что самое главное, каким оно могло бы быть. И снова возможные миры возникают на основе конституирования “реальных”, реагируют на них, а также управляют ими» (Glăveanu, 2018, p. 521).

Новый горизонт исследования возможностного мышления открывается при анализе взаимодействия человека с нейросетями. При этом возможностное мышление характеризуется как творческий ориентированный на действие процесс, который управляет движением от того, что есть, к тому, что могло бы быть. Возможностное мышление рассматривается как отход от реального, действительного для создания возможного, а также исследование новых возможностей для действий. По мнению Р. А. Бегетто, «отклонение от фактического позволяет нам рассмотреть, что может отличаться от того, что имеет место в настоящее время» (Beghetto, 2023, p. 325). Следовательно, при взаимодействии с нейросетью необходимо руководствоваться двумя принципами: ориентироваться на отклонение от фактического для создания возможного и на исследование новых возможностей для действия. Взаимодействие с чат-ботами позволяет человеку проанализировать пять типов практических возможностей: «“вероятные”», которые относятся к весьма вероятным возможностям, основанным на текущем положении вещей; “вероятностные возможности”, которые относятся к новым и различным возможностям, которые менее вероятны, но все же осуществимы; “правдоподобные”, которые относятся к новым и различным возможностям, которые менее вероятны, но все

2.2. Возможностное мышление

же осуществимы; “маловероятные”: новые и различные возможности, которые весьма маловероятны и могут оказаться неосуществимыми; и “кажется невозможным”, которые относятся к новым и различным возможностям, которые могут оказаться невозможными для принятия мер» (ibid., p. 329). Когда человек в диалоге с нейросетью описывает ситуацию, то чат-бот предоставляет ему вероятную, вероятностную, правдоподобную, маловероятную и, казалось бы, невозможную возможности.

В диалоге с человеком искусственный интеллект создает новые, скрытые ранее возможности, не отвлекаясь на их эмоциональную оценку: «ИИ также может создавать новые возможности, не разочаровываясь в том, что люди отвергают ранее созданные идеи. Еще одним преимуществом ИИ является то, что он может — при наличии подсказки — с готовностью критиковать и опровергать возможности, созданные человеком, не пытаясь успокоить человека. Наконец, ИИ может распознавать уникальные, неочевидные закономерности в возможностях, которые в противном случае люди могли бы упустить из виду» (ibid., p. 338).

Развитие навыков возможностного мышления — одна из актуальных задач современной педагогики. Работа Б. Боуэн с коллегами называется «Возможностное мышление в классе с участием сообщества: объединение надежды и воображения для борьбы с расизмом» (Bowen B. et al., 2023). Идеологически она основана на философии П. Сен-Жана, развивающего идею возможностного мышления как центральную в иезуитской педагогике и антирасистской практике: духовное развитие описывается как расширение пространства возможностей человека: «Игнатианская духовность связана с возможностным мышлением. Она отказывается ограничиваться общественными ожиданиями; она смотрит за пределы видимости. Она воспринимает более глубокую реальность — и эта реальность становится призывом к действию» (Saint-Jean, 2022, p. 70).

Совместное развитие осведомленности, содействие солидарности, поощрение рефлексивных размышлений об отличиях себя от других способствуют формированию и развитию антирасистских взглядов. Согласно Сен-Жану, «осведомленность является основой антирасизма. Она дает нам возможность увидеть возможности, ведущие к справедливости» (ibid., p. 70). В заключение авторы делают вывод: «Таким образом, используя концепцию возможностного мышления,

мы переходим от ограничений (“проблемы слишком велики, чтобы их можно было решить”) к участию, от отчаяния к надежде» (Bowen, 2023, p. 215).

В психологическую науку понятие возможностного мышления ввела А. Крафт. Она пишет: «Задавая вопрос “что, если”, мы осуществляем переход от “что есть” к “что я/мы можем с этим сделать”. Этот ключевой пункт творчества и есть то, что я называю возможностным мышлением» (Craft, 2015, p. 177). В последнее время в западной психологии начинают появляться публикации, посвященные анализу этого феномена (Craft et al., 2013). В них подчеркивается несводимость возможностного мышления к когнитивным процессам, подчеркивается интегративность его когнитивных и социокультурных составляющих: «Возможностное мышление (possibility thinking. — В.З.) не только шире, чем понятие перспективы, но и, несмотря на использование термина “мышление”, не сводит возможное к ментальным процессам. Фактически оно рассматривает его как воплощенный процесс переживания мира, характеризующийся постановкой вопросов, игрой, погружением и воображением, самоопределением и риском. Возможностное мышление является также, по определению, социальным феноменом, поскольку оно может быть подкреплено только социальным взаимодействием и использованием культуры. Эти предпосылки являются общими для социокультурных теорий разума, творчества, воображения, образования и общества» (Glăveanu, 2018, p. 526).

Таким образом, возможностное мышление является психологическим основанием осмысления мира человека. Проблема возможностного мышления междисциплинарна: она возникла не внутри психологической науки, как, например, автобиографическая память, а на стыке философии, социологии, истории, психологии и других наук. И в современном многомерном мире в междисциплинарности содержится потенциал ее развития. Почему без использования категории «возможное» понимание прошлого и будущего оказывается неполным? Потому что даже если мы пытаемся понять бесспорные факты (20 марта 2003 года США и их союзники вторглись в Ирак; отмена крепостного права в России произошла в 1961 г.), их понимание строится на сопоставлении прошлого или будущего с альтернативными вариантами развития событий. Понимание прошлого основано на ретроспективном контрфактическом мышлении,

2.3. Серендипность возможностного мышления

переосмыслении произошедшего по принципу «что было бы, если...». Контрфактические аргументы открывают перед людьми возможности, которые без них были бы проигнорированы. Понимание будущего осуществляется посредством проспективного прогностического мышления, которое может дать ответ на вопрос: «Что будет, если?..» В современном научном контексте использование понятия «возможностное мышление» является не только оправданным, но и перспективным: с его помощью можно понять и объяснить широкий круг прошлых и будущих ситуаций.

Итак, нужно различать две разновидности возможностного мышления — обращенное в прошлое контрфактическое мышление и направленное в будущее проспективное мышление. Они будут описаны и проанализированы в следующих разделах.

2.3. Серендипность возможностного мышления

В научном познании одним из воплощений феномена опережения непредсказуемых изменений (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) можно считать модель «серендипити» (Merton, Barber, 2004). Серендипность — важный и неотъемлемый компонент возможностного мышления. Serendipity (англ.) — способность к открытиям благодаря случайности или прозорливости, обнаружение фактов, открытие которых не планировалось. Счастливый случай — это всегда то, что не соответствует прогнозам и ожиданиям. Серендипность — это свойство научного ума, основанное на интуитивной прозорливости и позволяющее ученому делать глубокие выводы из случайных наблюдений, находить то, чего он не искал намеренно. Так были открыты рентгеновские лучи, пенициллин, сахарин, принцип работы микроволновой печи. «Синий период Пикассо — еще один известный пример счастливой случайности — стечения ситуативных факторов, породивших новый жанр искусства, который, хотя и был чудесным, был совершенно непреднамеренным. Как гласит история, однажды у Пикассо была только синяя краска для работы, но когда он начал играть с эффектами рисования этим цветом, он обнаружил, что из этого можно создать интересные картины. Таким образом, Пикассо взял то, что изначально было счастливой случайностью, и превратил ее в творческий результат» (Dew, 2009, p. 735). Серендипность (интуитивная прозорливость) означает направленность познаю-

щего субъекта на возможное будущее и акцентуацию внимания на его деталях даже тогда, когда само будущее не является предметом исследования. «Серендипность — это способность замечать и обращать себе на пользу неожиданные события и данные» (Буш, 2022, с. 40). Другое возможное и тоже адекватное определение феномена серендипности заключается в том, что его можно определить как «акт нахождения ответов на вопросы, которые еще не были поставлены» (Bloch, Sørensen, Young, 2020, p. 1597).

Сегодня известны как минимум четыре типа серендипности.

Во-первых, открытие вещей, которые первооткрыватели не искали: работали в одной проблемной области, а открытие сделали в другой. «В 1943 году в результате взрыва солдаты подверглись воздействию горчичного газа. Исследователи были отправлены, чтобы выяснить, была ли это вражеская бомбардировка. Вместо этого они обнаружили, что у солдат падает количество лейкоцитов в крови. Был сделан вывод, что, возможно, горчичный газ или его производные могут лечить рак, вызванный чрезмерной экспрессией лейкоцитов, — так родилась современная химиотерапия» (Yaqub, 2018, p. 170).

Во-вторых, открытие может случайно привести к решению проблемы неожиданным путем: «Некоторые известные примеры соответствуют этому типу. К 1837 году Гудьир уже десять лет искал способ сделать резину термостойкой, когда он случайно позволил смеси серы и резины коснуться горячей печи и открыл вулканизацию» (ibid., p. 171).

В-третьих, открытие приводит к не искомому решению, а к побочному эффекту: «В 1895 году Рентген готовился воссоздать явления, задокументированные Круксом, и повозиться с ними. В ходе эмульсии он заметил загадочное свечение, новую форму излучения, которую он назвал рентгеновскими лучами» (ibid., p. 171).

В-четвертых, обнаружение новой неискомой проблемы и неискмого решения, не существовавших до счастливого случая: «В 1903 году Бенедиктус уронил колбу. Колба разбилась, но он, к своему удивлению, заметил, что осколки стекла не разлетелись, колба осталась почти в своей первоначальной форме. Он обнаружил, что на ней была пленка внутри, к которой прилипли осколки стекла. Он понял, что эта пленка появилась из-за испарения раствора коллодия (нитрата целлюлозы, приготовленного из хлопка и азотной кислоты), который содержался в колбе. После инцидента Бенедиктус узнал об автомобильных авариях с серьезными последствиями от разлетающегося стекла. Это была

2.3. Серендипность возможностного мышления

проблема, для которой он ждал решения, и его небьющаяся колба стала безопасным стеклом» (ibid., p. 171).

Таким образом, серендипностью называется полезное открытие вещей, которые не искал открыватель; открытие, которое искал исследователь, но которое было найдено неожиданным способом; вещь, найденная без определенной цели; решение проблемы, возникающее после открытия. Типы серендипности отличаются тем, была ли целенаправленной деятельность по решению проблемы и какой тип проблемы был решен в результате открытия.

Неожиданность, случайность всегда имеет место в творчестве, и некоторые ученые даже преувеличивают ее роль в мыслительной деятельности изобретателя: «Если вы полагаете, что изобретения, которые нас окружают, появились благодаря тому, что кто-то торчал в лаборатории и творил в соответствии с рабочим графиком, то уверяю вас — ничего подобного! Практически все современные технологические прорывы — детища того, что называют словом “серендипити”. Этот термин впервые употребил в письме английский писатель Хорас Уолпол, находясь под впечатлением сказки “Три принца из Серендипа”. Эти достославные принцы “благодаря случаю или собственной смекалистости постоянно совершали открытия, находя то, чего не искали”. Иными словами, представьте, что вы находите что-то, чего не искали, и это что-то изменяет мир, а после открытия искренне удивляетесь, что “понадобилось столько времени”, чтобы додуматься до столь очевидного. Сдается мне, что ни один журналист не присутствовал при изобретении колеса (главного двигателя прогресса), но как-то не верится, что люди разрабатывали проект по изобретению колеса и постановили в намеченный срок его завершить. Бьюсь об заклад, что все происходило совсем иначе. И в истории других изобретений тоже. Большинства из них» (Талеб, 2016, с. 277–278).

Нередко в науке факт считается аномальным, удивительным потому, что он кажется несовместимым с превалирующей теорией или с другими установленными фактами. Серендипность мышления позволяет исследователю не только обращать внимание на такие факты, но и интерпретировать, понимать их. «Модель „серендипити“, таким образом, подразумевает непредвиденный, аномальный и стратегический факт, который заставляет исследователя выбрать новое направление, которое приводит к расширению теории» (Мертон, 2006, с. 213).

Р. Фридель подчеркивает, что, анализируя природу удачных открытий, следует понимать, что, хотя удача играет в них определенную роль, нельзя игнорировать интеллектуальную проницательность ученых при изучении, разработке и расширении результатов научного поиска. Интуиция в поиске и исследовании нового является результатом интеллектуальной проницательности, а не одной только случайности или удачи. Открытие нового по счастливой случайности это всегда сочетание случая и способности исследователя увидеть его (Friedel, 2001). Рассуждая в этом же ключе, Р. К. Мертон и Е. Г. Барбер определяют интуитивную прозорливость как дедукцию, совершающуюся *после* случайного наблюдения (Merton, Barber, 2004).

Интуитивная прозорливость активно исследуется современными учеными. В работе Л. Маккей-Пит и Е. Томс анализируются пять моделей этого феномена, ни одна из которых по отдельности исчерпывающе не описывает его. Пять моделей дополняют друг друга, предлагают разные уровни детализации и перспективы будущих исследований, они в целом сходны в описании основных элементов серендипности. Вместе с тем модели не согласованы в анализе того, что именно образует непредвиденные, случайные стороны этого феномена. В исследованиях учитываются психологические процессы познающего субъекта, направленные на анализ того, каким образом люди начинают воспринимать свой опыт в качестве случайного, используя такие слова, как «рассмотреть», «воспринять» и «переосмыслить». Изучаются также процессы приписывания смысла незнакомым ситуациям и случайно обнаруженным фактам (McCaу-Peet, Toms, 2015).

Значимую роль играет анализ «подготовленного разума», настроенного на ожидание непредсказуемых изменений. Е. Фон Хиппель и Дж. фон Крог анализировали такой важный элемент интуитивной прозорливости, как способность видеть решение задачи до идентифицированной потребности в ней и сформулированной проблемы. Они исходили из того, что бывают случаи, когда решение может существовать до того, как будет определена необходимость. Таким образом, вместо традиционного процесса решения проблемы, при котором мыслящий субъект сначала определяет потребность, формулирует проблему, а затем представляет ее решение, авторы предлагают повернуть весь процесс вспять. Если сначала найти решение, можно определить ранее неизвестные потребности. Они предложили

2.3. Серендипность возможностного мышления

идентификацию пар «потребность-решение» как подход к решению проблемы, при котором формулировка проблемы не требуется: идентификация и формулировка проблемы, если она вообще проводится, происходят только после обнаружения потребности-решения (von Hippel, von Krogh, 2016).

Ученые активно обсуждают вопрос о том, где искать истоки подготовленного разума: в интеллекте познающего субъекта, пространстве взаимодействий человека с миром или объективных случайностях внешней среды? Для примера приведу такой подход к проблеме: «Существуют способы обсуждения “подготовленного ума”, которые распознают индивидуальную психологическую активность, не отделяя ее от всего, что находится за пределами кожи или черепа. Нам просто нужно следовать другим аналитическим различиям, которые более плодотворны. Те, на которых я буду здесь основываться, связаны с ожиданием и неожиданным, знакомым и незнакомым, знанием и незнанием, уверенностью и неопределенностью. Эти состояния решительно не являются внутренними для человека. Познание, формирование ожиданий, пребывание в незнакомом или переживание неопределенности — все это процессы, которые требуют мира в той же степени, что и себя. И я также предполагаю, что все они необходимы для понимания счастливой случайности» (Glaveanu, 2022, p. 25). Подготовленный разум основывается на удивлении как психологическом состоянии, распределенном между человеком и миром. Первым шагом счастливой случайности всегда является удивление. Как полагает В. Главяну, «можно утверждать, что любопытство является существенным движением для подготовленного ума в действии. Это движение выводит человека из начального состояния незнакомства и незнания в состояние, в котором новизна была должным образом усвоена и внезапно становится “нормальной”, даже ожидаемой (в ретроспективе)» (ibid., p. 30). Удивление — это вечный спутник творческих процессов: «Вид отношений, которые составляют “подготовленный ум”, который удивляется, — это отношения между восприимчивостью к удивительному миру и почти одновременно действием в этом мире, чтобы постичь природу сюрприза, который он преподносит. Цель здесь — понимание (процесс), а не понимание раз и навсегда (результат). Удивление, таким образом, знаменует собой особый способ отношения к себе и своему окружению, в котором и удивляющийся, и чудесное становятся открытыми, неопределенными и как таковые прочно помещаются в

сферу возможного» (ibid., p. 32). Удивление, любопытство, изумление охватывают определенный вид движения, активности, который приводит к расширению нашего горизонта возможностей. Естественно, что, имея дело с возможным, понимающий мир субъект должен использовать возможностное мышление. Следовательно, счастливая случайность — это способ взаимосвязи нового и старого, знакомого и незнакомого, известного и неизвестного.

Одним из применяемых учеными методов описания и объяснения психологических механизмов серендипности является анализ междисциплинарного понимания: способности интегрировать знания и способы мышления, полученные из двух или более дисциплин — способами, которые были бы маловероятны при использовании средств одной дисциплины. «Исследователь, который готов открыть свой разум для неожиданностей, которые производят новые знания, как бы объединяет греческое *metis* (интеллект как хитрость) с искусностью латинского *metis* (от *mixtus*, “смешанный”), которое поощряет гибридизацию, смешение двух или более дисциплинарных теорий или концепций» (Darbellay et al., 2014, p. 8). При такой интерпретации междисциплинарного процесса исследователь должен актуализовать множество дисциплинарных точек зрения и соединить их в цепочку последовательных этапов, ориентированных на решение проблемы.

Серендипность является объектом пристального внимания в современном бизнесе, для которого счастливая случайность — это преобразование неожиданных открытий в возможности для действий. Пример — анализ причин стремительного выхода на рынок США мотоциклов японской компании Honda. Анализ показал, что основанием ее успеха являются «(a) ее способность формулировать известное и неизвестное таким образом, что руководители позволяли обновлять стратегию, но не игнорировать ее; (b) способность синтезировать способы знания и незнания, которые могли быть представлены и рассмотрены как несоизмеримые» (Cunha et al., 2015, p. 15). Счастливая случайность, серендипность рассматривается как процесс расширения возможностей, который поддерживается существующими планами и стратегическими намерениями организации. При этом открытость новизне поддерживается расширением прав и возможностей, подразумеваемым наличием пространства для новых ориентаций в ответ на незапланированные возможности. Планируя будущую деятельность, менеджеры компаний должны ответить на

2.3. Серендипность возможностного мышления

ряд вопросов: каковы организационные предпосылки счастливой случайности? когда и как готовность является посредником или препятствием для счастливой случайности? существуют ли какие-либо индивидуальные факторы, указывающие на склонность к счастливой случайности? как организации формируют открытость к счастливой случайности? Ответы на них приводят к такому определению обсуждаемого феномена: «Таким образом, счастливую случайность можно определить как неожиданные наблюдения, оформленные как возможности, ставшие возможными благодаря системе отсчета, которая поддерживается в динамике посредством культивирования сомнения, т.е. использования чувства незнания в качестве стимула для расширения существующих знаний на новые территории» (ibid., p. 16).

Наряду с субъективно-личностными характеристиками серендипности изучаются и объективные факторы внешней среды. Подчеркивается, что как степень новизны открытия зависит от текущего состояния области знаний, так и, в свою очередь, случайные открытия со временем влияют на нее. Интуитивная прозорливость, серендипность отражает также взаимодействие между людьми и их окружением: окружающая среда может помочь устанавливать связи: «Интуитивная прозорливость характеризуется отсутствием намерений в отношении определенного процесса или результата, однако личные, а также социальные и контекстные факторы повышают вероятность случайных открытий, обеспечивающих значительные конкурентные преимущества. Поэтому менеджеры должны рассматривать свое видение как „гибкий зонтик“, под которым неожиданные события поощряются, а не запрещаются. Интуитивная прозорливость возможна только в том случае, если люди чувствуют себя в безопасности в своем окружении, когда условия допускают неудачи, а также неожиданные сюрпризы. В этих благоприятных для интуитивной прозорливости условиях предусмотрены физические и умственные пространства, позволяющие по возможности взглянуть на вещи с разных точек зрения» (Kamprath, Henike, 2019, p. 357).

Следовательно, интуиция, серендипность — это не просто удача, а ее сочетание с усилиями и прозорливостью. Созданные модели свидетельствуют, что серендипность — это сочетание личных характеристик и факторов окружающей среды. Удивительные факты или неожиданные комбинации признаков становятся очевидными для познающего субъекта в результате взаимодействия внешних стимулов с подготовленным разумом, настроенным на восприятие нового

и необычного. Для того чтобы интуитивная прозорливость стала возможной, людям необходимо иметь подготовленный ум и способность понимать, что конкретно можно связывать (McCay-Peet, Toms, 2015). Можно предположить, что немалую роль в положительном эффекте серендипности играет известная психологам «открытость опыту» — личностная характеристика, описывающая способность адекватно принимать идеи и ситуации, даже если они оказываются принципиально новыми и необычными. И некоторые исследования в этом направлении уже проводятся (Austin, Devin, Sullivan, 2012).

С точки зрения психологии возможного очень интересно исследование С. Мирвахеди о роли серендипности в обнаружении разных возможностей понимаемого, выполненное на материале менеджмента и маркетинга (Mirvahedi, 2017). Его статья представляет собой удачную попытку открыть новые горизонты в изучении интуитивной прозорливости в сфере предпринимательства. В ней представлены эмпирические доказательства того, что интуиция играет важную роль почти в каждом исследуемом бизнесе, независимо от его размера и «возраста». Интуитивная прозорливость может привести к открытию новых возможностей, которые предприниматели могут использовать для достижения роста. Например, при изучении использования предпринимателями социальных сетей обнаружено, что случайные встречи могут побуждать людей к исследованию новых возможностей: «Эти случайные встречи (например, встречи на праздниках) противоречат запланированным действиям, рациональному процессу и систематическому поиску информации и побуждают предпринимателей исследовать новые возможности для выхода на международные рынки» (Mirvahedi, 2017, р. 185). При сетевом взаимодействии и случайных встречах именно интуитивная прозорливость помогает предпринимателям распознавать возникающие возможности, но они должны быстро реагировать на них, используя свои ресурсы. Психологические ресурсы включают бдительность по отношению к изменениям окружающей среды и настойчивость в достижении целей — эти качества способствуют открытию новых возможностей. Хотя кажется, что серендипности возникает случайно, ученый предлагает схему для открытия непредвиденных возможностей. Она состоит из трех концептуальных блоков, которые могут способствовать случайному открытию: предварительные знания, поиск и непредвиденные обстоятельства. Концептуальные блоки соотносятся с тремя типами серендипных ситуаций.

2.3. Серендипность возможностного мышления

Во-первых, это интуитивная прозорливость Архимеда, который пытался понять, как измерить объем твердых тел неправильной формы. Погружаясь в ванну, он понял, что на тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненного объема жидкости. Архимедова интуиция применима к ситуациям, когда кто-то осуществляет поиск определенной возможности и находит ее посредством интуитивной прозорливости. В таких ситуациях ученый ищет А и находит его «случайно».

Во-вторых, интуиция по типу прибытия Христофора Колумба в Америку. Этот тип серендипности подразумевает поиск чего-то тогда, когда вы ищете что-то другое. Когда Колумб и его команда достигли Америки, они думали, что нашли новый путь в Индию, но вместо этого открыли другой материк. Такая серендипность предполагает нахождение одной возможности (В) тогда, когда вы ищете совсем другую (А).

Наконец, в-третьих, интуитивная прозорливость Галилея: он наблюдал в подзорную трубу горы на поверхности Луны и обнаружил четыре спутника Юпитера, которые не искал. Галилеевская интуитивная прозорливость предполагает нахождение с помощью знаний или опыта неопределенной возможности, которую вы активно не искали.

«У этих шаблонов есть несколько основных отличий. Разница между колумбовой и архимедовой интуицией — в предмете исследования. В колумбовом шаблоне выполняется поиск А и обнаруживается В. Третий паттерн отличается от первых двух. В схеме Галилея исследователь сталкивается с проблемой, которую не ищет. Знания, смекалка и проницательность исследователя — ключи к открытию чего-либо с помощью интуиции» (ibid., p. 186).

Архимедова и колумбова интуитивная прозорливость предполагают поиск конкретных возможностей, а серендипность мышления Галилея направлена на нахождение нового, даже если вы его не ищете. Галилеевская интуитивная прозорливость чаще всего актуализуется на этапе формирования фирмы, когда предприниматели не имеют никакого представления о бизнесе и обладают небольшими знаниями или информацией (или вообще не обладают ими). Иногда чистая удача и случай вызывают у человека идею о бизнесе. Предпринимательская интуитивная прозорливость возникает всегда, когда ум готов воспользоваться любой возможностью. Это может произойти на этапе создания бизнеса или после его создания.

В западной науке серендипность активно изучается в медицине, истории, информатике и других науках. Психологические исследования этого феномена не только интересны и перспективны, они, безусловно, необходимы. В российской психологии, в частности психологии творческого мышления, аналогом интуитивной прозорливости является понятие «побочного продукта» Я. А. Пономарева.

Как и в ситуациях серендипности, он возникает по принципу «искал одно, но нашел и другое». Обсуждая решение творческих задач, Пономарев писал, что, «помимо прямого осознаваемого продукта действия, отвечающего сознательно поставленной цели, в составе результата действия содержится побочный, неосознаваемый продукт, возникающий вопреки сознательному намерению, складывающийся под влиянием тех свойств предметов и явлений, которые включены во взаимодействие, но несущественны с точки зрения цели действия; побочный продукт не осознается тем, кто его производит, однако при определенных условиях субъектный полюс побочного продукта, т.е. неосознаваемое отражение его объектного полюса, может регулировать последующие действия человека, создавшего этот продукт, в частности приводить к решению творческой задачи» (Пономарев, 1983, с. 44). Как и в случаях с серендипностью, появление побочных продуктов зависит и от мыслительной задачи, и от усилий познающего субъекта, направленных на ее решение. По мнению Пономарева, побочный продукт не связан с целью деятельности, а как бы навязывается субъекту такими особенностями объекта, к которым он неосознанно приспосабливается. «Понятие „побочный продукт“ построено на основании установленного и изученного автором факта неоднородности результата действия человека, наличия в этом результате прямого (осознаваемого) и побочного (неосознаваемого) продуктов. Эта неоднородность — прямое следствие неоднородности структурной организации психического. Прямой продукт действия отвечает сознательно поставленной цели и может быть непосредственно использован в сознательной организации последующих действий (осознаваемый опыт). Побочный продукт возникает помимо сознательного намерения, складывается под влиянием тех свойств предметов и явлений, которые включены в действие, но несущественны с точки зрения сознательно поставленной цели» (Пономарев, 1976, с. 193).

Исследование соотношения прямых и побочных продуктов мыслительной деятельности, несомненно, может способствовать раскрытию психологических механизмов серендипности.

2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего

Таким образом, неопределенность мира и серендипность возможного мышления побуждают познающего субъекта анализировать не только очевидное действительное, но и неявное, потенциально возможное. Наиболее отчетливо это проявляется в понимании не настоящих, а прошлых и будущих событий.

2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего

Понимание человеком прошлого, настоящего и будущего тесно взаимосвязано, одно невозможно без другого, и это отражено в названии этого раздела. Название фактически является калькой из оглавления книги М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка» (Блок, 1973), в которой отчетливо виден общегуманитарный характер проблемы понимания прошлого, настоящего и будущего.

И не только гуманитарный: в математике, используя возможностное мышление, необходимость делать прогнозы о прошлом и будущем для понимания настоящего проявляется при анализе так называемых «неразрешимых» задач. Они связаны с «обратным» ходом рассуждения, которое идет не от заданных условий к искомому результату, а от имеющегося результата к возможным условиям, определившим этот результат: «Переход от “прямых” задач к “обратным” может быть симптомом кардинальной переориентации познавательного поиска. В самом деле, в первом случае рассуждение идет от настоящего к возможному будущему, тогда как при решении “обратных” задач оно направлено от настоящего к возможному прошлому. Представления о возможных предпосылках, которые существовали в прошлом и определили зафиксированное “настоящее”, всегда характеризуются гораздо меньшей степенью определенности, нежели традиционные прогностические модели, описывающие “возможное будущее”, поскольку невозможно указать достаточно надежные эмпирические способы проверки прогноза, направленного в прошлое. Такой прогноз никогда не может быть надежно обоснован, он всегда лишь гипотетичен. Наблюдая тающую льдину, нетрудно предсказать будущую лужу, тогда как наличие лужи не дает надежного основания для утверждения о растаявшем льде» (Гусев, 2014, с. 87).

В психологии одним из важнейших является вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего в жизни человека. Что более

значимо для поведения: прошлый опыт, знания, умения, навыки, полученные в онтогенезе воспитания и обучения, или природные задатки, генетические основания развития психики? Б. М. Теплов применительно к способностям развивал идеи о ключевой роли задатков, в то время как П. Я. Гальперин считал, что правильное обучение — это залог творческого развития безграничных возможностей советского человека. Соотношение природного и социального всегда интересовало отечественных психологов. Постепенно проблема трансформировалась в задачу определения соотношения прошлого и будущего, влияния полученных ранее знаний на прогнозирование возможных вариантов поведения человека. Сегодня эта проблема наиболее полно представлена в психологии возможного, формирующейся как новое направление исследований психологии понимания (Знаков, 2022).

Современная психология остро нуждается в концепциях, которые непротиворечиво объединяют в себе научные представления о понимании учеными самых разных областей мира человека. Одним из таких интегративных направлений научных исследований является психология возможного. Классическая психология была построена на анализе прошлых знаний, опыта в познании и поведении. В многочисленных исследованиях, в которых все мы принимали участие, было получено множество интересных и полезных результатов. Например, стало ясно, что антиципация всегда «предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими» (Сергиенко, 2019, с. 355). Сегодня мы знаем, что, согласно мнемическому условию понимания, человек понимает только то, что он может соотнести со своими знаниями, прошлым опытом; совершенно неизвестное не может быть понятным (Знаков, 2005). Для психологов важным является различие знания произошедшего и понимания его возможных реальных или неосуществимых вариантов. Все жители нашей страны знают, что такое парад 9 мая, но понимают это событие в зависимости от своих мировоззренческих позиций по-разному: специфика понимания определяется его включением в неодинаковые возможные контексты. Это ясно видно при сравнении позиций коммунистов и демократов, граждан России и европейских стран. В этом смысле самой значимой проблемой является понимание ретроспективы: как человек понимает возможные варианты развития прошлых событий. Обращенность в прошлое в современной науке наиболее отчетливо представлена в исследованиях контрфактического мышления.

2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего

Будущее нельзя понять, основываясь только на прошлых знаниях, нужно применять возможностное мышление, которое анализирует разные варианты возможного и фактически ищет альтернативы самому себе. Решающую роль в понимании играют устремленность человека в будущее и прогнозирование как компоненты возможностного мышления. Тем не менее не следует упускать из виду, что результаты психологических исследований показывают, что вероятность того, что событие произойдет в будущем, выше, если испытуемые могут вспомнить что-то подобное в прошлом. Когда люди неоднократно представляют сценарий будущего, их вера в его возникновение значительно возрастает. Такие исследования основаны на гипотезе конструктивного эпизодического моделирования. Ее суть заключается в том, что построение воображаемого будущего поддерживает эпизодическая память (McKiernan, 2017).

Ученые самых разных специальностей писали о том, что осмысление прошлого, настоящего и будущего требует привлечения категории «возможное». Например, М. Н. Эпштейн видит их соотношение так: «Даже прошлое, которое, несомненно, было тем, чем оно было, и то невольно впускает эту модальность возможного в свой завершённый мир, поскольку каждый факт по мере его удаления от нас превращается в гипотезу, открывает простор для интерпретаций, для многочисленных “что было бы, если бы”. Мы начинаем гадать о том, что раньше знали. Вчерашний факт превращается в сегодняшнюю гипотезу» (Эпштейн, 2004, с. 115). Смысл любого явления задается его потенциосферой — сферой множественных инаковостей. Например, смысл Октябрьской революции определяется лишь в контексте тех альтернативных путей, которыми могла бы пойти российская история осенью 1917 г. (Эпштейн, 2016, с. 439). Любой исторический факт, в частности из истории психологии, обретает научный смысл лишь в том случае, если он включает не только то, что было, но и современные точки зрения на то, что могло бы быть: «Отсюда взгляд на саму историю как на процесс накопления возможностей: каждая последующая эпоха вбирает в свой смысловой состав возможности предыдущих» (Эпштейн, 2004, с. 115). Это относится к любому историческому факту: нельзя предсказать, в какой возможный контекст — социальный, культурный и даже природный (к примеру, пандемии) — он будет включен завтра или уже сегодня.

«Отличительной чертой будущего является то, что оно существует исключительно как набор возможностей, в отличие от настоящего или

прошлого. Настоящие и прошлые события обладают определенной объективной реальностью, поэтому альтернативные возможности контрфактичны. Напротив, для будущего нет определенной реальности, и поэтому все, что существует, — это возможности. В некотором смысле всякая перспектива контрфактична или, точнее, не соответствует действительности» (Baumeister, Maranges, Sjästad, 2018, p. 225).

В психологии о влиянии будущего на настоящее пишут Э. Эбби и Я. Вальсинер: «Как таковое развитие требует ориентации на настоящее, что противоречит нашим обычным представлениям. В случае последнего нам нетрудно понять, что прошлое повлияло на настоящее, но мы не часто считаем, что будущее влияет на настоящее. На самом деле сама мысль о том, что будущее может играть роль в настоящем, на первый взгляд может показаться нелогичной. Мы обычно склонны думать, что настоящее и будущее изолированы друг от друга» (Abbey, Valsiner, 2005). Из этого следует, что будущее в значительной степени является частью настоящего; прогнозирование будущего заключается не в нем самом, а в движении к нему. Будущее нельзя узнать, пока оно не стало настоящим. «Его можно оценить только в пределах заданного набора возможностей. Его можно представить — способами, сочетающими аффективную и рациональную стороны такой оценки. Возможностей того, что может произойти в будущем, много — поле или диапазон, — но из них только одна будет актуализирована» (ibid.).

Взаимосвязь прошлого, настоящего и будущего отчетливо просматривается в психологических исследованиях потерянных возможных Я, в которых представлены неслучившиеся события, являющиеся событийными единицами жизни человека. «Человек концептуализирует свое прошлое исходя из того, что для него значимо в настоящем. Выявленные типы временной ориентации потерянных возможных Я показывают, что они, хотя и относятся к прошлому, увязываются человеком не только с прошлым, но с настоящим и будущим. Он обращается не только к отвергнутому или потерянному, но и усматривает потенциал, которого раньше не замечал» (Аванесян, Денисенко, 2022, с. 2014). Потерянные возможные Я — это компоненты субъективной реальности человека, к которым он обращается, думает о них, соотносит с прошлым, настоящим и будущим.

В целом психологические исследования свидетельствуют, что «размышление над событиями, исход которых почти оказался иным, и мысленное конструирование альтернативного мира может повлиять

2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего

на подход к будущим проблемам. Точнее, размышления о том, что могло быть, могут помешать человеку создать новые идеи, но могут привести к тому, что тот же человек заметит скрытые связи. Проще говоря, контрфактическое мышление способствует нестандартному мышлению» (Kray, Galinsky, Wong, 2006, p. 47).

Изучая мышление, А. В. Брушлинский высказал интересное предположение: «В этом смысле — причем в порядке лишь постановки вопроса, — вероятно, можно сформулировать следующую гипотезу: в мышлении не только прошлое (предыдущие этапы мыслительного процесса) влияет на настоящее (на последующие этапы актуального мыслительного процесса), но и настоящее, в свою очередь, оказывает какое-то обратное влияние на результаты прошлого опыта. С появлением настоящего только и начинается бытие прошлого, прошедших этапов мыслительного процесса. Прошлое, прошлый опыт мышления существуют как процесс, как нечто динамическое, изменяющееся, избирательно используемое по мере его включения в дальнейший ход мышления. Влияние настоящего на достижения прошлого опыта может рассматриваться, в частности, как преобразование низшего (прошлого) в составе высшего (настоящего), характерное для всякого развития. Возможно, что чем в большей степени настоящее оказывает обратное влияние на результаты прошлого опыта мышления, тем более творческим является мыслительный процесс. Вероятно, этот момент может служить одним из критериев творчества (мышления как процесса и т.д.)» (Брушлинский, 2006, с. 358).

Сходная точка зрения развивалась Р. М. Грановской: «Коль скоро появилась цель как нечто желаемое в будущем, между будущим и настоящим устанавливаются связи. Они позволяют цели как образу будущего влиять на настоящее, формировать его. Обратите внимание, — впервые отмечена динамика в иерархии мотивов и целей. Высший уровень, образ желаемого будущего непрерывно трансформирует настоящее по нисходящим связям» (Грановская, Березная, 2020, с. 53). Она подчеркивает, что влияния будущего на прошлое нет в физическом мире, а «в психическом этот принцип причинности нарушается: в нем ожидаемое (предполагаемое) будущее может воздействовать на изменение восприятия, понимания и оценку прошлого» (там же, с. 54). Следовательно, будущее управляет настоящим: переосмысление прошлых событий, их новые оценки включаются в текущую систему мотивов и перестраивают наши взгляды на прошлое.

Психологические исследования говорят о том, что в нашем сознании настоящее неразрывно связано с прошлым и будущим. Тезис о психологической взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего подтверждается и нейрофизиологическими исследованиями мозговых структур, потому что одни и те же отделы мозга участвуют как в понимании прошлого, так и в воображении или моделировании будущих событий: «Медиальная система височных долей, которая долгое время считалась решающей для запоминания прошлого, на самом деле может получить адаптивную ценность благодаря своей способности предоставлять детали, которые служат строительными блоками для моделирования будущих событий» (Schacter, Addis, Buckner, 2007, p. 659).

Сравнение результатов клинических, нейробиологических и фундаментальных поведенческих исследований показывает, что основные структуры и процессы, участвующие в создании воспоминаний, в значительной степени совпадают с теми, которые участвуют в воображении будущего. Согласно гипотезе конструктивного эпизодического моделирования, детали, почерпнутые из различных прошлых событий, гибко рекомбинируются в новое будущее событие. В частности, эксперименты показали, что одни и те же мозговые системы, связанные с воображением будущих событий (области медиальной префронтальной коры, нижней лобной извилины, медиальной височной доли и медиальной теменной коры), были задействованы также тогда, когда участники представляли возможное прошлое (Schacter et al., 2015). Сходство когнитивных свойств эпизодического воспоминания и мышления о будущем не означает отсутствия различий: например, доказано, что воспоминания о прошлых событиях субъективно переживаются как более яркие и богатые сенсорными деталями, чем воображаемые будущие события.

Наши размышления о будущем (прогнозы об изменении климата, возможная динамика цен на фондовом рынке, какой из нескольких кандидатов с наибольшей вероятностью выиграет выборы) в значительной мере подвержены эффекту презентизма, ожидания, что наши будущие мысли и чувства останутся в значительной степени неизменными по сравнению с тем, как мы думаем и чувствуем в настоящее время (Goulding, Stonehouse, Friedman, 2022). Привязанность к настоящему, приводящая к его конфликту с будущим, особенно отчетливо проявляется у дошкольников: дети лучше делают выводы о своем будущем, когда они не сталкиваются с вещами, которые при-

2.4. Понять прошлое с помощью настоящего и настоящее с помощью будущего

вызывают их к настоящему. Однако с возрастом проявление эффекта презентизма уменьшается: «В любом возрасте люди могут быть привязаны к настоящему, хотя взрослые могут лучше ориентироваться в будущем, чем дошкольники. Эта стратегия не требует моделирования будущих состояний, поскольку люди могут преуспеть в предсказании будущего, используя семантические знания о том, каким оно может быть» (там же). Любое удаление от предметной среды настоящего (пластилин, книга сказок в детстве или газеты и кроссворды у взрослых) приводит к меньшим трудностям с отходом от настоящего и, следовательно, к большей точности в отношении будущего.

В исследовании, проведенном на ветеранах боевых действий с выраженными признаками посттравматического стресса, обнаружено, что предсказания будущего основаны на легкости, с которой вспоминаются события прошлого. В ответ на нейтральные ключевые слова люди с боевым посттравматическим стрессовым расстройством по сравнению с контрольной группой с большей вероятностью генерировали боевой контент, вспоминая прошлое и представляя будущее. «Например, несколько участников с посттравматическим стрессовым расстройством представили, что участвуют в ликвидации последствий стихийных бедствий и в спасательных операциях в Нью-Йорке в результате воображаемых террористических атак» (Brown et al., 2013, p. 133). Возможно, что реконструкция воспоминаний таким образом, чтобы подчеркнуть угрозу, может способствовать усилению восприятия будущего вреда, что выражается в сверхбдительности или избегании потенциальных угроз: «То есть, основываясь на этих данных, люди с посттравматическим стрессовым расстройством, по-видимому, больше обеспокоены возможностью будущей травмы, и в результате эти неадаптивные убеждения, вероятно, будут закреплять продолжающиеся чувства текущей угрозы и страдания» (там же).

Эти современные психологические данные подтверждают точку зрения, высказанную еще Н. Макиавелли: «Умные люди не случайно и не без основания имеют привычку говорить: чтобы знать, что должно случиться, достаточно проследить, что было, потому что все происшествия мира имеют всегда соответствующие отношения с теми, которые уже прошли. Это происходит оттого, что все человеческие дела делаются людьми, которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти, и поэтому они неизбежно должны давать одинаковые результаты (Макиавелли, 1998, с. 517).

Однако от абсолютизации роли прошлого опыта в понимании будущего есть предостережения в методологии современного социогуманитарного познания, их соотношение далеко не так однозначно, как кажется поверхностному наблюдателю: «Ошибается тот, кто верит, что способен вывести ожидания полностью из своего опыта. Если что-то случится иначе, чем ожидалось, то из этого можно извлечь хороший урок. Но и тот, кто не обосновывает свои ожидания опытом, тоже совершает ошибку» (Козеллек, 2016, с. 157). События всегда могут произойти иначе, чем ожидалось. Одну причину этого следует искать в известной из исследований психологии памяти динамике, закономерных изменениях опыта со временем, другую — в существовании ложных воспоминаний.

С точки зрения понимания соотношения прошлого, настоящего и будущего важными являются проблемы индивидуальной и коллективной памяти, а также социальной памяти и коллективного образа будущего. «Как известно, циклы социальной памяти соответствуют циклам смены поколений: каждые 20–30 лет общество “оглядывается назад” и заново переосмысливает прошлое (Pennebaker, Banasik, 1997)» (Нестик, Журавлев, 2019, с. 412).

Переосмысление прошлого всегда направлено на его новое понимание. Психологические исследования обнаружили, что люди из разных стран различаются тем, как они представляют себе личные и коллективные будущие события; они также по-разному помнят коллективное прошлое. При этом подтверждается тезис, что память о прошлом и воображение будущего тесно связаны. Исследования эпизодического сценарного мышления о будущем показывают, что люди используют конкретный прошлый опыт, чтобы представить сценарии будущего. Исследования с участием участников из США показали, что будущие события оценивались как более позитивные, чем события прошлого, чего не было у респондентов из Китая. «В другом исследовании людей из 30 стран попросили оценить значимость исторических бедствий (например, Холокоста) и исторического прогресса (например, деколонизации). Жители незападных стран в целом оценивали эти бедствия менее негативно, чем жители Запада (Liu et al., 2012). Участники из Китая и Туниса оценили прогресс как более позитивный, но оценили бедствия как менее негативные, чем участники из Швейцарии, Норвегии, Австралии и Новой Зеландии. В совокупности эти результаты позволяют предположить, что участ-

2.5. Понимание прошлого как общегуманитарная проблема

ники из незападных стран, таких как Китай, могут сообщать о более позитивном взгляде на прошлое своей страны, чем представители западных стран» (Deng et al., 2023, p. 88). Авторы считают, что объясняющим фактором может быть культурное различие в самооценке: люди в коллективистских странах считают себя более зависимыми от общества и окружающей среды по сравнению с людьми в индивидуалистических странах. Следовательно, участники в Китае, возможно, не дифференцируют личное и коллективное будущее так, как это делают участники из США.

Обобщая, можно сказать, что в современной психологии, нейробиологии и науке о моделировании мозга это направление получило название «Воспоминания о будущем». В нем взаимодействие прошлого и будущего представлено как оценка вероятностей событий: вероятность того, что что-то произойдет в будущем, оказывается выше, если люди могут вспомнить что-то подобное в прошлом (McKiernan, 2017).

Таким образом, и психологические, и нейрофизиологические данные свидетельствуют о том, что понять прошлое можно только с помощью настоящего, а настоящее — посредством обращения к будущему.

2.5. Понимание прошлого как общегуманитарная проблема

Понимание прошлого никогда не ограничивается установлением происшедшего, простым описанием событий («террорист, секретный осведомитель охранного отделения Д. Г. Богров убил П. А. Столыпина»). Понимание обязательно должно включать анализ альтернативных возможных путей развития исторической ситуации и причин реализации одного из них. Например, изучая историю развития философских идей, историк «должен обдумать эту проблему самостоятельно, выяснить, какие пути ее решения могли быть предложены в то время, и установить, почему данный конкретный философ выбрал именно такое решение, а не иное» (Коллингвуд, 1985, с. 270). Обдумывание проблемы означает постановку причинных вопросов: от вопроса «Что было бы, если бы?» (что было бы, если бы П. А. Столыпин остался жив и продолжал быть председателем Совета министров Российской империи) для понимания исторической ситуации субъект должен перейти к вопросу о ее возможных причинах (почему реформы Столыпина не принимались значительной частью российского общества). Понимание исторического события для познающего субъекта — это

всегда включение ответов на причинные вопросы в контекст своего знания проблемы.

В исторической науке очень актуально различие «истинных фактов» (того, что действительно произошло) и причинных отношений между событиями, согласно которым они «должны» были произойти именно так, а не иначе. С этой позиции важно «разграничение между “истинным” свидетельством о прошлом, с одной стороны, и теми свидетельствами о прошлом, которые вырабатывались в опоре на априорные концепции того, что “должно было случиться” в прошлом (то есть на “философию истории”), и на представления о том, чему “следовало бы произойти” (то есть на идеологическую или, как это называлось, “доктринальную” историю)» (Уайт, 2023, с. 310). Априорные научные представления о долженствовании помогают историкам структурировать факты: «“Историческое свидетельство” в таком понимании становится неким отчетом о прошлом, где события, составляющие историческое поле, будут соответственно названы, структурированы в виды и классы собственно “исторического” сорта, а затем связаны в соответствии с общими представлениями о причинности, на основании которых были бы объяснены изменения в их взаимоотношениях. Эти операции предполагают общую концепцию исторического смысла, идею или понятие о природе исторического поля и его процессов; короче говоря, они предполагают “философию истории”» (там же, с. 318).

Сначала в историческом познании доминировала точка зрения Л. фон Ранке: историк должен показывать, «как это собственно было». В ее основе лежало убеждение, что объективная истина, «истинные факты» содержатся главным образом в архивных материалах и потому чего нет в документе — не существует для истории. Однако затем ученые поняли, что их и прошлые «истинные факты» разделяет онтологическая пропасть — у современников нет прямого доступа к прошедшему. Возникло представление, что для понимания необходимо осмысливать прошлое с позиции сегодняшнего дня и строить матрицы смыслов произошедшего. «Таким образом, если мы не разделяем точку зрения, согласно которой историк становится мистическим медиумом, способным преодолеть онтологическую дистанцию, отделяющую нас от прошлого, мы должны признать, что мы просто удалены от прошлого, что у нас нет прямого понимания его и что, следовательно, единственный способ взаимодействовать с ним — это создание значимых матриц смысла посредством критиче-

2.5. Понимание прошлого как общегуманитарная проблема

ских построений, которые остаются неизбежно проблематичными и неполными» (Stanciu, 2024, p. 455). Естественно, что в зависимости от индивидуальных различий историков в знаниях, умениях и навыках матрица смысла никогда не может быть одна: смысл порождается из множества возможных вариантов развития событий.

Модальность возможного применительно к истории означает, что ее нужно рассматривать не только в контексте реализованных событийных альтернатив, но и с точки зрения множества нереализованных возможностей: «В этих высказываниях есть твердая последовательность: ретроспективный взгляд неизбежно подводит к выводу, что реально произошедшее — не только наиболее вероятное, но и единственно возможное. Если же исходить из представления о том, что историческое событие — всегда результат осуществления одной из альтернатив и что в истории одни и те же условия еще не означают однозначных последствий, то потребуются иные приемы подхода к материалу. Потребуется и другой навык исторического подхода: реализованные пути предстанут в окружении пучков нереализованных возможностей. Представим себе кинофильм, демонстрирующий жизнь человека от рождения до старости. Просматривая его ретроспективно, мы скажем: у этого человека всегда была только одна возможность, и он с железной закономерностью кончил тем, чем должен был кончить. Ошибочность такого взгляда станет очевидной при перспективном просмотре кадров: тогда фильм станет рассказом об упущенных возможностях и для глубокого раскрытия сущности жизни потребует ряда параллельных альтернативных съемок. И возможно, что в одном варианте герой погибнет в 16 лет на баррикаде, а в другом — в 60 лет будет писать доносы на соседей в органы госбезопасности» (Лотман, 1996, с. 320–321). Ю. М. Лотман, осознавая недостаточность описания фактов для адекватного исторического анализа, применял «эстетический» метод воспроизведения истории, основанный не только на воссоздании имевших место событий, но и на реконструкции не реализовавшихся, возможных. Применение таких интерпретативных методов приводит к заключению, что нет универсальной истории, которую нужно найти, но есть множество историй, которые нужно построить. Знание об историях, понимаемое таким образом, не отвечает логике истинного/ложного или правильного/неправильного; единственным критерием его принятия как правильного оказывается согласованное мнение экспертов-историков (Lo Giacco, 2024).

Попавшие в фокус внимания ученых альтернативные варианты развития событий предстают перед их умственным взором в значительной степени как случайные и недетерминированные. Вместе с тем произошедшее («Соглашения о прекращении существования СССР и создании СНГ были подписаны 8 декабря 1991 г.») осмысляется как неизбежное и затем объясняется как не случайное, а детерминированное. Возможности существовали на этапе рассмотрения альтернативных путей развития, поиска контрфактических аргументов, затем исчезли, но не навсегда: «Событие, хоть и реализованное в прошлом, но переставшее быть соотношенным с событиями настоящего, вновь становится возможным — если только некоторое новое событие не сделает его вновь актуальным» (Золян, 2013, с. 54). Следовательно, без учета возможного понимания прошлого быть не может.

Идея альтернативности и непредсказуемости прошлого в современной нарратологии представлена в виде типов «усложненного повествования» или «реверсивного повествования». Центральным звеном в них является обратимость событий. Возвращение к тому, что уже произошло прежде, «в разветвленном повествовании создает такой повествовательный мир, в котором читатель, даже продвигаясь по событийной линии вперед, всегда вынужден возвращаться назад, заново переживая то “прошлое”, вариации которого в предложенной повествовательной форме оказываются непредсказуемыми» (Шулятьева, 2024, с. 46). То, что уже произошло в одной жизни героя, может не произойти в другой, также представленной в повествовании. «Обратимость событий, таким образом, расширяет горизонт читательских ожиданий, но делает их все менее устойчивыми. При всем ощущении “всесилия” читатель оказывается в ситуации принципиальной невозможности прогнозирования будущих событий, которые произойдут с героем: он никогда не знает, какое из представленных событий будет обращено вспять, а какое останется неизменным; какую ситуацию в жизни героя еще можно будет переиграть, а с какой предстоит смириться; исходя из какого положения вещей ему необходимо формировать дальнейшие ожидания — все остается для него в зоне принципиальной неопределенности» (там же, с. 52). Не следует думать, что непредсказуемость как характеристика процесса понимания относится только будущему, не в меньшей мере она присуща и пониманию прошлого: «Непредсказуемость как эффект распространяется не только на то, что ждет читателя в “будущем”

2.5. Понимание прошлого как общезуманитарная проблема

героя, но и на его же прошлое: оно тоже может быть “переписано”, но когда и как — неизвестно. Обратимость событий в такой форме, вместе с этим, соседствует и с другими неестественными движениями времени, только интенсифицируя эффект непредсказуемости и переживания читателем мира, движущегося одновременно в разные стороны» (там же, с. 55). Не только в кино и художественной литературе, но и в обыденной жизни понимающий мир субъект нередко сталкивается с непредсказуемостью прошлого.

Вспомним суждение, которое звучит иронически, но тем не менее потенциально содержит в себе глубокий смысл: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». В свете сказанного выше оно становится понятным и объяснимым, потому что понимание прошлого всегда включается в более широкий возможный контекст осмысления настоящего (и неизвестно, каким он будет в следующий период времени). Прошедшие события, переосмысливаясь с позиций современности, приобретают более глубокий смысл, чем их буквальное значение «как это собственно было». Например, «14 июля 1789 года толпа захватила тюрьму в Париже, известную как Бастилия, но мы имеем в виду нечто гораздо большее, чем то, что произошло в тот день, когда мы сегодня говорим о “штурме Бастилии”. Мы имеем в виду само событие плюс события, которые оно вызвало и которые переросли во Французскую революцию. Вот почему спустя столетия 14 июля является национальным праздником Франции» (Tetlock, Gardner, 2016, p. 161)

Анализ альтернативных возможных путей развития любой ситуации — это другое название ее интерпретации. Интерпретация факта с позиций нового контекста изменяет его прежнее понимание, обогащая старое содержание. Неудивительно, что потомки полнее и глубже понимают творения многих писателей и ученых, чем современники и даже сами творцы. Естественно, что это относится к «Илиаде» Гомера, трактату «О вращении небесных сфер» Н. Коперника и вообще к духовному наследию человечества. То же можно сказать и о Пушкине, которого современники считали талантливым поэтом, но никак не гением. Равными ему полагали Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского, а больше ценили И. А. Крылова и В. А. Жуковского. Из этого следует, что обращение к анализу не только действительного, но и возможного открывает новые перспективы исследований в психологии понимания, направленной на все сферы и реальности мира человека.

Понимание прошлого никогда не может быть однозначным, потому что оно всегда предполагает разные интерпретации, анализ возможных вариантов развития событий: «Действительно, приращение прошлому новых смыслов и, таким образом, открытие его для множества возможных интерпретаций является основополагающим для понимания людьми своего места и своей роли в отношениях с другими, в общем обществе. Прошлое открыто для возможного именно потому, что оно не просто “там”, чтобы быть осмысленными объективным образом, сторонними наблюдателями. Это наблюдение ни в коей мере не оспаривает существование фактов и того факта, что некоторые истории о прошлом более достоверны, чем другие. Идея о том, что в прошлом всегда присутствует ощущение открытости и возможности, должна использоваться не для того, чтобы “переписать историю” (как это иногда, к сожалению, происходит), а для того, чтобы лучше понять ее, привлекая различные точки зрения на нее. Таким образом, прошлое можно осмыслить, а не принимать как должное, и оно также может служить отправной точкой для построения различных видений будущего» (Glaveanu, 2018, p. 523–524).

Понимание прошлого основано на ретроспективной активности людей, их стремлении понимать прошлое не как реально происшедшее, а как альтернативные возможные события. В психологии ретроспекция — это «обзор прошедших событий, мысленное обращение к прошлому, в частности к своим переживаниям, поступкам и действиям» (Психологический словарь, 1997, с. 329). Н. Е. Харламенкова считает, что, с психологической точки зрения, в понятии ретроспективы не отражены цель и приемы обращения к прошлому, не представлены механизмы ретроспективного поиска. Альтернативой ретроспективе является ретросказание, представляющее собой общую стратегию восстановления прошлого по неполным данным. В психологии личности ретросказание объединяет ретроспективу и перспективу субъективной истории. Перспектива строится средствами предсказания, а ее ведущими психологическими механизмами являются антиципация и мотивационное опосредствование (Харламенкова, 2010).

Например, в исторической науке при отсутствии эксперимента «историки вынуждены прибегать к тому, что во французской историографии принято называть “ретросказанием” (*rétrodiction*), т.е. умозаключением от следствий к их предполагаемым причинам (см.: Вен, 2003, с. 175–176, 181–188; Про, 2000, с. 178–179). Эта логическая

2.5. Понимание прошлого как общегуманитарная проблема

операция совершенно аналогична предсказанию, но только направлена не в будущее, а в прошлое. Фундаментальное различие состоит, однако, в том, что, скажем, прогноз синоптика может оправдаться или не оправдаться, но он в любом случае поддается проверке, а ретросказание историка обречено оставаться в статусе неподтвержденной гипотезы. Именно поэтому, как было показано выше, список предполагаемых причин того или иного крупного события растет с каждым годом» (Кром, 2023, с. 115).

Размышление о прошлом помогает людям построить связное повествование о жизни. Ретроспекция придает перспективу и смысл экзистенциальному опыту субъекта. Такая рефлексия включает в себя интеграцию прошлых событий с настоящим, создавая непрерывную и содержательную историю. В этом процессе происходит расширение самопонимания (анализируя прошлый опыт, люди получают представление о своем поведении, мотивации и личностном росте — результатом оказывается лучшее самосознание). Ретроспективный анализ своей жизни помогает людям сохранять стабильное чувство идентичности даже в периоды перемен или кризиса. Кроме того, понимание пути из прошлого в настоящее может способствовать ощущению смысла и направлять будущие действия (Routledge et al., 2011).

Развитие навыков ретроспективного анализа у учащихся во время изучения прошлого играет большую роль в современном образовании. В 1990-х годах в Барнард-колледже М. С. Карнсом с коллегами была разработана специальная обучающая методика «Реагирование на прошлое», которую авторы называют новой педагогикой (Powers, Burney, Carnes, 2010). «Реагирование на прошлое» в 2001 году существовала в одном учреждении — Барнард-колледже, — с тех пор распространилась на 300 колледжей и университетов в США, а также на несколько учебных заведений в Европе, Азии и Австралии» (Powers et al., 2010).

Сегодня она распространена на многих факультетах колледжей в США и за их пределами. Основной методический прием заключается в том, что учащиеся берут на себя роль исторических личностей. Во время таких ролевых игр студенты ориентируются преподавателем на то, чтобы при чтении, написании текстов и говорении они принимали во внимание точку зрения своих персонажей во время важных исторических событий. «Для Карнса сократический метод

был основой образования, потому что его можно было использовать для разрушения личности путем неустанный критического изучения. Это очень неприятный процесс. Вместо этого Карнс утверждает, что реагирующие учащиеся могут развивать свое критическое мышление, “добавляя” новые “я”; не разрушая свое старое “я”, а временно принимая альтернативное “я”» (Ludolph, 2023, p. 94).

Результатом применения методики является улучшение у студентов возможностей давать альтернативные объяснения исторических событий, имеющих множество потенциально возможных причин. Показательным примером может служить исследование К. Л. Олбрайт, использовавшей методику «Реакция на прошлое» в курсе «Порог демократии: Афины в 403 году до н.э.» для реструктуризации начальных представлений о греческой культуре (Albright, 2017). Студенты принимали на себя определенные роли на весь семестр. В результате они узнали много новых сведений о древнегреческой культуре, а ролевые игры улучшили их понимание материала курса.

Включая эту проблему в более широкий общенаучный контекст, следует заметить, что такая методика обучения соответствует методологии современного социокультурного познания. Речь идет о так называемом перформативном повороте, согласно которому ученые должны акцентировать внимание не на репрезентации знаний, а на множественных перформативных актах или действиях, в которых люди принимают участие и которые имеют для них ценностно-смысловую нагрузку. Важно не только репрезентировать действительность, но и изменять ее. «Почему перформативность так важна для исследования прошлого? Я полагаю, что “перформативный поворот” означает существенный сдвиг в нашей мотивации изучения истории, заменяя созерцание истории и размышления о ней действиями и “в прошлом” и в настоящем для того, чтобы осуществить конкретные изменения в современной социальной и политической реальности» (Доманска, 2011, с. 227).

Итак, понимание прошлого основано на ретроспективной активности людей, наиболее отчетливо проявляющейся в контрфактическом мышлении.

2.6. Контрфактическое мышление

2.6.1. Общенаучный контекст изучения контрафактов и контрфактуалов

В научном основании контрфактического мышления лежит отказ от лапласовского детерминизма, от убеждения в возможности однозначного непротиворечивого описания мира человека и признание неизбежности противоречий в мышлении. В психологии эта мысль наиболее отчетливо представлена в исследованиях диалектического мышления (Веракса, 2021). Диалектическое мышление ориентировано на анализ пространства возможностей или возможных изменений объектов. Согласно этой концепции, «один и тот же объект можно анализировать с различных позиций. Диалектическая позиция характеризуется именно умением “видеть” отношения взаимоисключения. Выявление (видение) противоположностей в каждой единице содержания и составляет основу структурно-диалектического метода анализа» (там же, с. 214). По мнению автора, этот метод позволяет понять логику возможных преобразований или изменений объекта и представляет собой диалектическую логику как логику возможностей. В эмпирических исследованиях структурно-диалектический метод используется для осмысления альтернатив понимаемого материала. Чем больше альтернатив понимаемого выявляет субъект, тем полнее он понимает то, что пытается осмыслить. Если рассмотреть проблему альтернатив более обобщенно, то становится очевидным, что в мыслительной деятельности альтернативные точки зрения помогают познающему субъекту разумно действовать в ситуациях с отношениями противоположностей и «за счет этого предлагать творческие решения проблемно-противоречивых ситуаций. Смена альтернативы — это одно из умственных действий диалектического мышления, позволяющее обнаружить в ситуации новые структурные особенности при помещении ее в новый контекст, благодаря ему происходит переход от одной пары взаимоисключающих свойств, которые характеризуют объект, к другой такой паре (Шиян, 2013, с. 336).

Альтернативность проявляется не только в когнитивной сфере, но и в экзистенциальной, например, при изучении альтернативного опыта субъекта. Психологи под ним понимают «вариативные представления

о том, что произошло бы, если бы кто-то был где-то в другом месте, или что могло бы произойти в другом месте или в контрфактической реальности, или переживания “что, если?” (Зиновьева, Костромина, 2022, с. 194). Эти психологи отмечают, что «настоящее содержит в себе опыт прошлого и опыт будущего, а также “следы прошлого возможного будущего”, которое не реализовалось» (там же, с. 199).

В психологическом основании ретроспективного контрфактического мышления лежит анализ возможных, но не свершившихся вариантов развития изучаемых событий и ситуаций. Контрфактические возможные события это не просто то, чего не было, а то, что действительно могло заменить произошедшее.

Контрфактическое возможностное мышление повышает осмысленность переломных жизненных событий. Размышления об альтернативных путях — как сложилась бы жизнь, если бы они не случились, — способствует формированию более полного и глубокого смысла, чем просто воспоминания и мысли о субъективной значимости события. Построение контрфактических рассуждений может усиливать ощущение того, что реальный жизненный путь был значимым, поскольку контрастные понижающие альтернативы высвечивают ранее скрытые от сознания негативные возможности. Контрфактическая рефлексия включает создание нисходящих контрфактуалов или рассмотрение худших возможных миров (если бы поворотный момент не произошел). Контрфактуальные рассуждения часто используются для объяснения прошлого, оправдания или защиты совершенных действий. Они также полезны для предотвращения повторения нежелательных событий.

В общем виде контрфактуальность можно представить как мышление о прошлом, которое не произошло. Такое мышление направлено на поиск альтернатив реальному, состоявшемуся прошлому: какой сегодня была бы Россия, если бы на выборах Президента РФ в 1996 г. победил Г. А. Зюганов? как изменились бы российско-турецкие отношения, если бы 28 мая 2023 г. президентские выборы выиграл бы К. Кылычдароглу, а не Р. Т. Эрдоган? Контрфактическое мышление обращено в прошлое, оно реализуется как попытка ответить на вопрос: «Что было бы, если?..». «Главная особенность контрфактуалов заключается в том, что они являются ментальными имитациями различных вариантов того, что могло бы произойти в прошлом» (Карпенко, 2017, с. 98). Контрфактическое мышление представляет собой ментальное представление того, каким бы был мир сейчас,

2.6. Контрфактическое мышление

если бы в прошлом все было иначе (Rafetseder, Perner, 2014): если бы я не заинтересовался психологией возможного, то не написал бы этот раздел. Отличительной особенностью контрфактического мышления является «расширение действительного мира посредством представления или воображения того, что могло бы быть» (Карпенко, 2017, с. 106).

Подчеркивая сложность контрфактического мышления для психологического анализа, Т. Герстенберг использует метафору когнитивного подвига: «Контрфактическое рассуждение — впечатляющий когнитивный подвиг. Нужно принять во внимание то, что произошло на самом деле, мысленно перенестись в прошлое, подумать о вмешательстве в ход событий, представить, как бы все развивалось, и сравнить это с тем, что произошло на самом деле» (Gerstenberg, 2022).

Метод отрицания реального положения дел заключается в стремлении ученых представить мир иным, отличающимся от действительного. Общенаучным методологическим основанием контрфактического способа рассуждений является теория возможных миров, в наиболее ясном и полном виде описанная Д. К. Льюисом (Lewis, 1986). «Возможный мир трактуется в философии не как физически достижимый пространственный фрагмент реальности, а как мыслимое потенциальное состояние реального мира, как альтернативный настоящему возможный ход событий» (Клейменова, Щирова, Сергаева, 2023, с. 149). Сегодня методический прием отрицания фактического, реального положения дел для более глубокого и полного понимания познаваемого используется в разных науках: истории (Ткаченко, 2014), политологии (Tetlock, Belkin, 1996), политической лингвистике (Завьялова, Савиновских, 2023), культурологии (Chen et al., 2006), литературоведении (Мартынова, 2004), философии (Бестужев-Лада, 1997), психологии (Щербаков, Хабиров, 2018).

Контрфактическое мышление используется и практиками, например, для бизнеса значим анализ упущенной выгоды. В психологических исследованиях феномен упущенной выгоды анализируется также как синдром, характеризующийся более выраженной депрессией, тревогой, а также более проблемным использованием субъектом социальных сетей и мобильных телефонов. Страх упустить что-то нередко возникает при негативном психологическом фоне, он связан «с усилением негативных эмоций, повышенной утомляемостью, большим стрессом, большими проблемами со сном и физическими

симптомами, но не связан с положительными эмоциями и жизненной силой» (Milyavskaya et al., 2018, p. 731). В общении он проявляется в опасении человеком, что другие могут иметь полезный опыт, которого у него нет. Проводится анализ и применительно к практике генетического консультирования: «Контрфактуалы помогают врачу при обсуждении диагноза обозначить возможные медицинские риски и набросать план того, как их избежать. Сам пациент также будет использовать контрфактуальные высказывания, спрашивая врача о своих возможных ошибках — в будущем или прошлом» (Лаврентьева, 2022, с. 11). Методические приемы контрфактического мышления применяются при анализе причин и обстоятельств преступлений (Gambetti et al., 2017), землетрясений, природных катастроф и других экстремальных событий (Woo, 2019).

Контрфактическое возможностное мышление у современных ученых проявляется при попытках ответить на вопросы в самых разных областях научного познания. Например, Ж. Аттали в книге «Краткая история будущего» пишет: «Если бы в 1799 году генерал Бонапарт не оказал такого влияния на своих современников, Французская революция закончилась бы учреждением парламентской республики на 100 лет раньше. Если бы в июне 1914 года террористу из Сараево что-то помешало осуществить его план, возможно, Первая мировая война не началась бы так быстро и, в любом случае, шла бы иначе. Если бы в июне 1941 года Гитлер не вторгся в Советский Союз, вероятно, он, как и генерал Франко, мирно закончил бы свои дни в собственной постели, оставаясь главой государства. Если бы Япония в том же году атаковала Россию, а не США, Америка могла бы не вступить в войну; Франция, Италия и остальная Европа остались бы под гитлеровским гнетом, по меньшей мере, до конца 1970-х годов. Наконец, если бы в 1984 году скоропостижно не скончался генеральный секретарь Компартии Юрий Андропов и его преемником стал бы не Михаил Горбачев, а Григорий Романов, вероятно, Советский Союз существовал бы до сих пор. А если бы в 2006 году американские банки вели более осторожную финансовую политику, экономический кризис не наступил бы так быстро» (Аттали, 2014, с. 10).

Сегодня ученые самых разных специальностей активно используют контрафакты и контрфактуалы при научном анализе событий и ситуаций. При этом надо иметь в виду, что в русскоязычных публикациях наблюдается смешение понятий «контрафакт» как отрицание

2.6. Контрфактическое мышление

действительно произошедшего и «контрфактуал», характеризующего вытекающий отсюда способ рассуждений. Обычно смешение обусловлено буквальным переводом английского слова «counterfactual» без учета семантического различия этих понятий. В этих условиях принципиальным является применение термина «контрафакт» для описания отрицания фактов, событий, действительно произошедших в эмпирической, социокультурной или экзистенциальной реальностях; отрицание происходит посредством контрфактического мышления. «Контрфактуальность» характеризует не сами факты, а способ рассуждений субъекта, пытающегося понять неопределенную среду. Необходимо пояснить еще один момент. В большинстве литературных источников говорится о «контрфактическом мышлении», я же использую понятие «контрфактическое возможностное мышление». Такое видоизменение названия необходимо, во-первых, для того чтобы подчеркнуть тот факт, что контрфактическое возможностное мышление всегда направлено на анализ возможностей, альтернатив прошлого. Во-вторых, в контексте психологии возможного обращенное в прошлое контрфактическое мышление является одним из видов возможностного мышления (другая разновидность — направленное в будущее проспективное мышление). Именно в таких значениях я буду употреблять в книге названные понятия.

Существенный научный вклад в развитие представлений об альтернативном контрфактическом мышлении вносят историки. В исторической науке сегодня существует междисциплинарное направление контрфактических исследований, «в рамках которого изучается потенциальное прошлое, выраженное в различных альтернативах» (Нехамкин, 2011, с. 102). С точки зрения понимания психологической сути контрфактического мышления важной является классификация разных, функционально дополняющих друг друга видов возможного: «выдвижение альтернативных гипотез (альтернативная история); создание сценариев (виртуальная история); проверка степени их истинности (экспериментальная история)» (там же). Н. Н. Талеб называет такое мышление вероятностным: «Вероятностное мышление, лежащее в основе этой книги, предполагает, что, если бы осуществились альтернативные исходы, мир был бы другим» (Талеб, 2022, с. 20). Далее он так раскрывает его возможностную природу: «Начну с банальности: в любой области (военном деле, политике, медицине, инвестициях) об эффективности нельзя судить лишь по результатам,

нужно учитывать еще и альтернативные издержки (если бы история развивалась по-другому). Такие замещающие последовательности событий называются “альтернативной историей”» (там же, с. 68).

В альтернативной истории выделяются два уровня: персоналистский и событийный. На личностном уровне используются приемы продления срока жизни исторических персонажей (если бы М. И. Кутузов дожил до 1814 г., то он участвовал бы во взятии Парижа); удаления реально существовавших личностей из исторического процесса (если бы Сталин умер в 1940 г., то мировые события развивались бы в ином направлении); приписывание личности иных, отличных от действительных, действий (в 1940 г. Гитлер планировал проведение десантной операции на Британских островах, но отказался от нее). На событийном уровне историки мысленно удаляют реальные события (В. О. Ключевский, считая восстание декабристов 1825 г. исторической случайностью, пытался ответить на вопрос: что было бы, если бы оно не случилось?); изменяют итоги реальных событий (каким был бы сегодня мир, если бы Германия выиграла Вторую мировую войну?); переносят реальные события на временной шкале (фашистский фельдмаршал В. Кейтель полагал, что если бы война с СССР была начата не в июне, а, как планировалось, в апреле 1941 г., то победа под Москвой была бы гарантирована: влияние на такой исход оказали бы отсутствие морозов, лучшее состояние дорог и т.п.). Несомненный интерес для психологов представляет разделение предположений «если бы...» на реально возможные и нереальные, которые при любых условиях не могли реализоваться.

Много показательных примеров контрфактуальных рассуждений можно найти в русской истории. Вот один из них, из записок героя Отечественной войны 1812 г. Дениса Давыдова: «Если б Витгенштейн был проницательнее и преследовал неприятеля с большею настойчивостью, если бы Кутузов обнаружил более предприимчивости и решительности и оба они, соображаясь с присланным из Петербурга планом, направили поспешнее свои войска к Березине, если б Чичагов не совершил своего движения на Игумен, был в свое время усилен войсками Эртеля и поспешил к Студенцу, не ожидая дальнейших известий со стороны Нижнего Березина, — количество пленных могло быть несравненно значительнее; быть может, берега Березины соделались бы гробницей Наполеоновой армады; быть может, в числе пленных находился бы он сам» (Давыдов, 1941, с. 108–109).

2.6. Контрфактическое мышление

Очевидно, что каждое новое «если бы» вводит читателя в способ контрфактуальных рассуждений, указывающих на такое развитие военных действий, которые не произошли, но могли бы произойти.

Необходимость альтернативного осмысления разных вариантов описания исторических событий ясно понимал уже А. С. Пушкин: «Не говорите: Иначе нельзя было быть. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра» (Пушкин, 1950, с. 23).

Российская историография прошла долгий путь — от категорического отрицания альтернативной истории как «игры», «пустого фантазирования» на фоне свершившихся исторических событий до признания научной полезности и даже необходимости такого метода познания. Сегодня альтернативная история получила широкое научное признание: «Закон, т.е. всеобщая, необходимая и существенная связь между явлениями, всегда однозначен, что сближает его с Провидением. Постмодернистский дискурс изменил отношение к ремеслу историка, провозгласив постулат о множественности истолкований и интерпретаций минувших событий. Исследователь-постмодернист стал проводить мысленные и компьютерные эксперименты с неслучившимся или упущенным. Манипулируя с прошлым, историк пытается былое, стремясь узнать не то, как это было на самом деле, но интересуясь преимущественно тем, “как это не произошло в действительности”» (Экшут, 2001, с. 150).

В исторической науке сегодня широко распространена идея о необходимости использования «исторических контрфактуальностей» для внесения ясности в историографические аргументы. Когда связи между прошлыми событиями не поддаются непосредственному наблюдению (а так происходит практически всегда), контрфактуальные рассуждения оказываются своеобразным виртуальным эквивалентом лабораторных экспериментов. Происходит целенаправленное переосмысление прошлого, изменение его условий, чтобы попытаться увидеть, какие из них могут привести к другим результатам. Контрфактуальные рассуждения необходимы для ответа на вопрос: «Как мы можем использовать то, чего не произошло, но что легко могло бы произойти, чтобы понять, что произошло?» (Levy, 2015, p. 378). Подобные вопросы необходимы потому, что «строгое изучение истории такой, какой она на самом деле не была, может помочь

нам понять историю такой, какой она была на самом деле» (*ibid.*, р. 402). Наглядный пример можно найти в анализе воздействия двух факторов — атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. и советского вторжения — на раннюю, неожиданную для всех капитуляцию Японии во Второй мировой войне. «Называя исторические контрафакты “рискованными”, но необходимыми для полного описания капитуляции Японии (Asada, 1998, р. 510), автор в качестве предварительной проверки рассматривает возможный мир, в котором не произошло ни советского вторжения, ни атомных бомбардировок, что означает, что только обычные бомбардировки продолжали оказывать давление на Японию. Основываясь на высокой готовности продолжать борьбу, зафиксированной для большинства фракций в японском военном руководстве до “двойного шока”, Асада убедительно устанавливает контрафакт, что Япония не сдалась бы так рано, если бы не произошло ни одно из двух событий» (Jeong, 2025, р. 14). Попеременное выключение из анализа обоих факторов приводит ученых к заключению о решающем вкладе в решение о капитуляции именно атомных бомбардировок: «По словам Асады, хотя долгожданное советское вступление исключало все результаты, кроме полного поражения Японии, оно не произвело психологического шокового эффекта, который мог бы тронуть самых бескомпромиссных членов японского военного кабинета, которые призывали к “последней жертвенной битве на родине” уже в частичном предвкушении возможного советского вступления (Asada, 1998, р. 494). Если это правда, этот вывод устанавливает атомные бомбы как индивидуальную причину раннего решения Японии о капитуляции и логически исключает возможность сверхопределения» (*ibid.*, р. 14).

В политологии контрфактические рассуждения являются важным методом научного познания. Ф. Тетлок и А. Белкин отмечают, что политики постоянно используют контрфактические рассуждения, создавая мысленные представления о том, как другие отреагируют на тот или иной шаг, и принимая решения на основе таких моделей возможного будущего. При этом возникают типичные психологические проблемы. Одна из них — мотивационная природа предубеждений, возникающих у людей при оценке утверждений о правдоподобном положении дел, т.е. о возможных мирах. Другая проблема — необходимость выяснения когнитивных оснований истинности таких утверждений: очевидно, что контрафакты, лишённые проверяемых последствий в реальном

2.6. Контрфактическое мышление

мире, оставляют нас в гипотетических мирах, созданных нами самими. Еще одна психологическая проблема возникает при воспоминании о приверженности людей к соблюдению норм и сохранению привычного положения дел. Например, люди генерируют больше мыслей «если бы», узнав, что жертва дорожно-транспортного происшествия отклонилась от своего привычного маршрута в офис: легче объяснить несчастные случаи, представляющие собой отклонения от привычного порядка. Отступления от нормы или статус-кво действительно порождают активные контрфактические рассуждения. В политике это принимает форму обсуждения возможных революций, смены лидера, убийства политических деятелей. На основании обсуждения этих проблем Ф. Тетлок и А. Белкин делают обобщенный вывод о том, что контрафакты — не пустые упражнения в фантастике, они являются полезным корректором простых детерминистических форм теории. Контрафакты заставляют ученых отказаться от детерминизма, признав роль случайности, того, что изменение хода политических событий не поддается описанию с помощью простых детерминистических моделей (Tetlock, Belkin, 1996, p. 8).

Контрафакты и контрфактуалы широко применяются в политическом дискурсе. Например, «в ответ на критику после новостей о жестоком обращении с иракцами в американской тюрьме Абу-Грейб некоторые представители СМИ и политики предположили, что обращение с этими заключенными “было бы еще хуже”, если бы бывший президент Ирака Саддам Хусейн все еще был у власти» (Markman, Mizoguchia, McMullen, 2008, p. 650). Это типичный случай проявления нисходящего контрфактического возможностного мышления, направленного на рассмотрение воображаемых альтернатив, которые ухудшают реальность. И надо признать, что такое манипулятивное сравнение достигает цели: в проведенных психологических экспериментах испытуемые по контрасту снижали моральные стандарты и начинали чувствовать меньший моральный дискомфорт по поводу нарушения прав человека в американских тюрьмах.

Политологи давно знают, что в зависимости от партийной поляризации люди, обсуждающие одну и ту же ситуацию, могут расходиться во мнениях относительно того, что могло бы произойти. «Другими словами, партийная принадлежность может влиять не только на факты, в которые верят люди, но и на контрафакты, которые они воображают, а также на выводы, которые они делают на

основе этих контрафактов» (Erpstude, Efron, Roese, 2022). Например, при рассмотрении того, какой была бы экономика США, если бы президент Трамп не снизил налоги в 2017 году, демократы полагают, что экономика была бы лучше, тогда как республиканцы считают, что она была бы хуже. Когда конкретные выводы совпадают с его политическими взглядами, человек с меньшей вероятностью будет требовать подтверждения вывода фактами — ему достаточно контрфактических доказательств. Другими словами, сторонники считают контрафакт более правдоподобным, когда он соответствует их взглядам. Следовательно, «политические взгляды людей предсказывают, какие альтернативы реальности они сочтут наиболее правдоподобными, какие с наибольшей вероятностью они вообразят и будут рассматривать как достаточное доказательство для вывода. Сторонники не только расходятся во мнениях по поводу фактов, но и по поводу контрафактов и их последствий для моральных суждений» (там же).

Заметный вклад в развитие научных представлений о контрфактическом возможностном мышлении вносят лингвисты. А. С. Дружинин и Н. А. Лаврова, выдвигая гипотезу об альтернативности прошедшего времени, пишут: «На основании когнитивного анализа типологических данных русского, английского, болгарского и некоторых других языков выдвигается гипотеза о том, что прошедшее время связано со значением альтернативности и реляционности, благодаря чему прошлое осмысливается как область гипотетических связей и отношений, обуславливающих семантику ирреальности» (Дружинин, Лаврова, 2024, с. 23). Контрфактическое возможностное мышление применяется лингвистами при анализе языковых форм выражения прошедшего времени, таких как плюсквамперфект (значение предшествования в прошлом — указание на то, что ситуация имела место раньше некоторой другой прошлой ситуации, находящейся в фокусе внимания говорящего): «Нарративные употребления плюсквамперфекта, в которых эта глагольная форма обозначает события предшествующего временного плана, непосредственно не связанные с основной линией повествования (отступления, комментарии, ретроспектива и т.п.), оказываются по своей дискурсивной функции практически идентичны показателю контрафактического условия: последний вводит такую ситуацию в альтернативном мире, которая должна была произойти раньше некоторых известных говорящему событий реального мира» (Плунян, 2004, с. 288).

2.6. Контрфактическое мышление

В языковой коммуникации люди используют контрфактические конструкции для того, чтобы указать на несоответствие действительному положению вещей. В английском языке употребление слова *would* «означает возможность “заглядывания назад” на основе памяти о свершившихся событиях как “воспоминание о предстоящем”. Отсюда — “картинка в картинке”, образ в образе» (Новиков, 2024, с. 368). «Вспоминая свой прошлый опыт, говорящий выступает и в качестве активного наблюдателя событий, которые неоднократно случались с ним (как с наблюдателем), а значит, он их предвосхищал: если что-то повторится, то согласно принципу кругообразности мы вправе ожидать этого вновь» (там же, с. 369).

Психологические исследования контрфактического мышления разнообразны и интересны. Если говорить в самом общем виде, то «основная функция контрфактического мышления является подготовительной: воображение лучшего прошлого служит подготовке к лучшему будущему» (Ferrante et al., 2013, p. 23). При этом его отличительной чертой является структурирование мышления на основе поиска существенных ассоциаций и связей понимаемого. Такое направленное в прошлое мышление, независимо от конкретного содержания решаемых задач, положительно сказывается на решении будущих аналитических и творческих проблем (Kray, Galinsky, Wong, 2006).

2.6.2. Функции контрфактического возможностного мышления

В психологических исследованиях представлены конкретные функции контрфактического возможностного мышления, проявляющиеся в поведении и деятельности: когнитивная, смыслообразующая, мотивационная, моральная, аффективно-регулятивная. Рассмотрим их подробнее.

Когнитивная функция. Характерная особенность контрафактов заключается в том, что контрфактические события это не просто то, чего не было, а то, что действительно могло заменить произошедшее. В основе размышлений о контрфактическом прошлом лежит понимание того, что в любой момент времени может произойти множество возможных событий (Beck et al., 2006). «В современных исследованиях контрфактического мышления доминируют два вопроса: (а) как разум вычисляет контрфактуалы, то есть какие виды ментальных репрезентаций и когнитивных процессов лежат в основе

рассуждений о них? и (b) почему разум вычисляет контрфактуалы, то есть какие виды контрафактов создают люди и каковы их функции?» (Byrne, 2017, p. 314).

Психологические исследования показывают, что контрфактические утверждения тесно связаны с причинно-следственными суждениями, размышлениями о том, что стало причиной того, что произошло в конкретной ситуации. Причем их результаты демонстрируют, что причинно-следственные суждения лучше всего объясняются контрфактическими утверждениями, а не гипотетическими предположениями (Gerstenberg, 2022).

Одной из самых значимых проблем психологических исследований контрфактического возможностного мышления является явно выраженный крен в направлении анализа исключительно познавательных характеристик этого феномена: «Однако одним из основных ограничений старых и новых исследований контрфактического мышления является чрезмерно когнитивное описание этого явления как построения и реконструкции ментальных моделей (см. Byrne, 2017). Даже когда эмоции принимаются во внимание — а многие из этих исследований действительно изучают эмоции, — они не рассматриваются вне рамок обработки информации» (Glăveanu, 2018, с. 523).

Различаются два вида такого мышления: «Контрфактуальные суждения могут описывать альтернативные обстоятельства, которые оцениваются либо как более привлекательные, чем действительность (повышающие), либо как более пагубные по сравнению с ней (понижающие)» (Рёзе, 2012, с. 244). Исследования показывают, что, рассуждая, человек чаще прибегает к использованию повышающих контрфактических суждений, чем понижающих. Например, больные раком молочной железы конструируют приемлемые для них альтернативы перед лицом кризисов со здоровьем, сравнивая себя с теми, у кого состояние еще хуже: «Женщина, которой удается избежать мастэктомии, представляет себе женщину с одиночной мастэктомией, которая представляет женщину с двойной мастэктомией, которая думает о женщине, которая не выжила» (Kray et al., 2010, p. 111). Независимо от того, выделяют контрфакты лучшие или худшие альтернативы реальности, контрфактическое возможностное мышление помогает установить причинно-следственные связи между иными разрозненными понятиями и повысить эффективность мыслительной деятельности. «Например, участники исследования,

2.6. Контрфактическое мышление

которые использовали контрфактические мысли перед вступительным экзаменом в юридическую школу, набрали почти на 10% больше баллов, чем участники в исходных условиях. Следовательно, контрфактические размышления являются эффективным инструментом для понимания того, как взаимосвязаны кажущиеся независимыми понятия и события» (там же, с. 107).

Исследования также показывают, что люди считают контрфактические объяснения своих прошлых решений («если бы я попросил меньшую сумму, то заявка на кредит была бы одобрена») более полезными, чем причинно-следственные («заявка на кредит не была одобрена, потому что я запросил большую сумму»). Контрфактические объяснения содержат больше потенциальных вариантов развития ситуаций. Контрфактические утверждения дают познающему субъекту более богатую информацию, чем причинные объяснения, потому что они с самого начала мысленно представлены большим количеством возможностей. Однако они требуют больше когнитивных ресурсов, опять же потому, что у них больше возможностей. Вследствие этого, например, в автобиографических дневниках люди создают меньше контрфактических объяснений, чем причинно-следственных (Celar, Byrne, 2023).

Контрфактическая информация играет важную роль в причинно-следственных рассуждениях и изучении причинно-следственных связей (Fitzgibbon, Murayama, 2022). Она обладает тем, что люди считают фундаментальной полезностью, помогающей строить причинно-следственные модели поведения. А наличие модели мира способствует эффективному принятию решений в условиях неопределенности мира человека. Контрфактичность мышления проявляется в том, что причинные репрезентации могут определяться не только отношениями между antecedентами и результатами, но также и контрафактами — что бы произошло, если бы antecedент не произошел.

Смыслообразующая функция. Некоторые исследователи (Карпенко, 2017; Kray et al., 2010) отмечают, что в человеческом бытии контрфактическое мышление как предоставление возможных альтернатив прошлому взаимосвязано с фундаментальным стремлением к смыслообразованию, в том числе к созданию смысла жизни. Контрфактическое возможностное мышление повышает осмысленность переломных жизненных событий (первая встреча с будущим супругом или трагическая потеря любимого человека). Размышления

об альтернативных путях (как сложилась бы жизнь, если бы они не случились) способствует формированию более полного и глубокого смысла, чем просто воспоминания и мысли о субъективной значимости события: «Другими словами, вопрос: “Какой была бы моя жизнь, если бы этого поворотного события не произошло?” помогает понять значение события в общей картине жизни» (Kray et al., 2010, p. 106). Построение контрфактических рассуждений может усиливать ощущение того, что реальный жизненный путь был значимым, поскольку контрастные понижающие альтернативы высвечивают ранее скрытые от сознания негативные возможности. Контрфактическая рефлексия включает создание нисходящих контрфактуалов или рассмотрение худших возможных миров, если бы поворотный момент не произошел. «Когда люди верят, что их жизнь такова, какой она должна быть, они испытывают удовлетворение от того, что идут “правильным” курсом и выполняют свою жизненную миссию. В конечном итоге это придает реальности — тому, как на самом деле разворачивались события, — повышенную значимость» (там же, с. 110).

После травмирующих жизненных событий, таких как потеря близкого человека, люди часто сообщают, что у них возникают контрфактические мысли. Такие размышления могут быть тревожными и даже лично разрушительными, тем не менее они помогают понять смысл негативных событий и сделать людей более бдительными перед будущими опасностями. Поиск такой информации происходит чаще после негативных результатов развития ситуаций, чем вследствие положительных.

При этом нерешенным остается вопрос, при каких обстоятельствах контрфактическое размышление не может породить смысл и вместо этого просто вызывает повторяющиеся мысли — те, которые постоянно приходят в голову изо дня в день и порождают негативные эмоциональные реакции, такие как сожаление. Интересен и вопрос о том, в какой степени контрфактическое возможностное мышление провоцирует экзистенциальный гнев и служит катализатором для защитного смыслообразования. Еще одна проблема — может ли мысленная отмена некоторых реально случившихся событий усилить убеждение субъекта в осмысленности его жизни.

Мотивационная функция. Что побуждает людей уже после принятия решения искать контрфактическую информацию? Зачем нам знать, как все могло сложиться по-другому, если бы решение было

2.6. Контрфактическое мышление

иным, что вообще делает контрфактические альтернативы для нас такими привлекательными? Ответ — «контрфактическое любопытство» (Fitzgibbon, Murayama, 2022). Любопытство мотивировано потенциальной полезностью контрфактической информации для адаптивного принятия решений и стремления уменьшить неопределенность. Контрфактические размышления снижают неопределенность и помогают развитию способности принятия оптимальных решений. «Мы считаем, что спонтанные контрфактические мысли могут отражать любопытство: люди моделируют или рассматривают контрфактические альтернативы в качестве эпистемического упражнения, чтобы получить информацию о том, что могло бы быть» (Fitzgibbon, Murayama, 2022). Как полагают Л. Фитцгibbon и К. Мура-яма, «информация о контрфактических альтернативах представляет собой мотивационную приманку. Люди спонтанно посвящают время размышлениям об этом и ищут информацию, даже если противоречащая фактам информация не приносит немедленной выгоды и даже если за нее приходится платить» (там же). Контрфактическая информация сейчас может не иметь инструментальной ценности и полезности, но оказаться полезной в будущем — это еще один из источников мотивации ее поиска.

Разные ролевые позиции в коммуникации сказываются на доступности неодинаковой информации о ситуации — роль человека, например, является ли он читателем или героем рассказа, влияет на контрфактическое мышление после принятия решения. «Одна из причин выдвинуть такую гипотезу была связана с пониманием того, что во многих условиях действующие лица и наблюдатели будут иметь разные мотивационные цели. Например, Элстер (Elster, 1999) утверждал, что в случае травмирующих событий акторы будут мысленно модифицировать внешние события, а не свои собственные действия, поскольку акторы в отличие от наблюдателей мотивированы избегать самообвинения за свои поступки» (Giroto et al., 2007, p. 510).

Реальное участие в действиях, закончившихся неуспешно, порождает больше контрфактических рассуждений, чем у людей, которые только слышали или читали о них (опоздавшие пассажиры и люди, которым просто нужно было представить, что они опоздали на поезд). «В целом акторы и читатели производят разные контрафакты, потому что они полагаются на разную информацию, а не потому, что у них разные мотивы» (ibid., p. 515). Объективно плохие результаты

и субъективная неудовлетворенность после выбора (сожаление об упущенных возможностях после принятия решения — «я выбрал неудачный отель во время отпуска, соседний комфортнее и дешевле») способствуют усилению контрфактуального поиска. Когда люди испытывают сожаление, они становятся более склонными искать информацию об упущенных альтернативах (Summerville, 2011). Сожаление — «это негативная, когнитивно-обоснованная эмоция, которую мы испытываем, когда осознаем или представляем, что наше нынешнее положение было бы лучше, если бы мы решили по-другому» (Zeelenberg, 2019, p. 94). Даже если была выбрана лучшая из возможных альтернатив, человек может сожалеть об утрате других возможностей.

Моральная функция. Психологи установили, что моральная ответственность человека зависит от того, были ли у него в конкретной ситуации альтернативные контрфактические возможности. Моральные суждения о том, должен ли был человек действовать иначе, всегда предполагают, что он мог действовать иначе. Приписываемая субъекту моральная ответственность значительно уменьшается, если он явно не мог действовать иначе. Моральные ситуации предполагают альтернативные возможности, и сама мораль является способом их сравнения, чтобы решить, какое направление действий является правильным (Baumeister, Clark, 2024). Принцип альтернативных возможностей гласит: люди несут моральную ответственность за свои действия, если они могли бы поступить иначе (Engelmann N., Hannikainen, 2024).

Мораль направляет поведение человека, определяет, как мы думаем о многих вещах, и ограничивает поле возможностей, которые приходят на ум. В большинстве случаев моральные решения принимаются быстро и бессознательно (Арутюнова, Александров, 2019). Контрфактуальные рассуждения часто используются для объяснения прошлого, оправдания или защиты совершенных действий. Они также полезны для предотвращения повторения нежелательных событий. Сравнение того, как событие произошло на самом деле, с тем, как оно могло бы произойти иначе, лежит в основе моральных суждений, таких как порицание или похвала, а также эмоциональных переживаний — сожаления или облегчения. Люди не склонны представлять себе контрфактическую альтернативу действиям человека, если причина поступка была моральной, такой как обязанность (жена Стивена умерла в то время, когда он задержался после работы,

2.6. Контрфактическое мышление

навещающая престарелых родителей). И наоборот, контрфактические альтернативы объяснения поведения играют существенную роль при социально или морально неприемлемом поступке, прямо или косвенно повлекшим негативные последствия (жена Стивена умерла в то время, когда он задержался после работы, для того чтобы выпить кружку пива в баре). Во втором случае испытуемые говорили: «Все могло бы сложиться иначе, если бы он не зашел в бар выпить пива» (Byrne, 2017).

Во время моральных суждений о прошлых действиях взрослые обычно учитывают степень выбора, который был у совершившего их человека. Например, при оценке поведения, которое привело к негативному результату, человека, у которого было больше вариантов выбора, обычно судят более строго, чем того, у которого выбора вообще не было. Таким образом, включение выбора в моральные суждения предполагает способность к контрфактическому возможностному мышлению, которое относится к способности думать о том, как прошлое могло обернуться иначе (Gautam, 2023).

Аффективно-регулятивная функция. Многие исследования указывают на дисфункциональные последствия контрфактического мышления. В основном именно восходящие (в отличие от нисходящих) контрфактические мысли были связаны с предвзятыми суждениями. Как избыток, так и дефицит контрфактических рассуждений негативно сказываются на психическом здоровье субъекта. Избыток проявляется в чрезмерной сфокусированности на проблеме, беспокойстве, тревоге, депрессии. Психологи выяснили, что некоторые дисфункциональные контрафакты становятся пищей для размышлений (например, когда жертва автомобильной аварии неустанно сосредотачивается на том, как она могла бы избежать аварии, даже если для стороннего наблюдателя авария была полностью приписана другому водителю, который был пьян). Такие контрфактические действия, порождающие самообвинение, могут усугубить негативный аффект, стать фактором риска депрессии, но при этом не принести никакой пользы с точки зрения регуляции поведения. «Напротив, дефицит контрфактического мышления будет связан с дефицитом познания, сфокусированного на проблеме (например, неудовлетворенность, трудность в работе, социальная дисфункция), наряду с отсутствием негативного аффекта» (Epstude, Roese, 2008, p. 182).

Контрфактическое возможностное мышление часто является движущей силой аффективных реакций, вызывая эмоции от сожаления (обычно вызываемого сравнением с лучшими возможными мирами в сторону повышения) до облегчения (обычно вызываемого сравнением с худшими возможными мирами в сторону понижения). Примером может быть «случай, когда бронзовый призер Олимпийских игр понимает, что она едва добралась до пьедестала и поэтому легко могла бы вообще не выиграть медали. В этом примере аффективный контраст, возникающий в результате сравнения вниз, относительно приятен (т.е. возникает чувство “облегчения” от осознания того, что человек мог иметь, но не получил негативного результата). Следовательно, контрфактические мысли могут выполнять функцию восстановления настроения, поскольку люди могут стратегически генерировать нисходящие контрфактуальные мысли, чтобы чувствовать себя лучше» (ibid., p. 171).

Контрфактическая информация может служить регуляции эмоций и сохранению самооценки. Н. Дж. Рёзе, пытаясь ответить на вопрос о том, когда вступает в действие контрфактическое мышление, утверждает, что «основной причиной, которая активизирует контрфактуальное мышление, выступает аффект. А именно, особенно часто контрфактуальные мысли могут быть спровоцированы отрицательными эмоциональными переживаниями. Когда человеку плохо, это может заставить его подумать: “А вот если бы...” Такие мысли по большей части направлены на избегание того, от чего становится плохо, и в результате образуется представление о лучшем контрфактуальном мире. В более общем смысле отрицательная эмоция воспринимается организмом как сигнал угрозы или насущной проблемы» (Рёзе, 2012, с. 246).

Не подвергая сомнению его экспериментальные данные, можно все же усомниться в универсальности такого вывода и предположить, что есть «неэмоциональные ситуации», в которых главную роль играет не аффект, а когнитивное сравнение. Исследования подтверждают это предположение: активизация контрфактического мышления происходит вследствие признания проблемы (расхождения наличного положения с желаемым) и последующего возникновения негативных эмоций, сопровождающих это признание. Контрфактические суждения способствуют формированию намерения, относящегося к будущему исправлению ситуации: после неудачно сданного экзамена

2.6. Контрфактическое мышление

и мысли «если бы я лучше готовился...» студент дает себе обещание впоследствии более серьезно относиться к учебе. Как избыток, так и дефицит контрфактических рассуждений негативно сказываются на психическом здоровье субъекта. Избыток проявляется в чрезмерной сфокусированности на проблеме, беспокойстве, тревоге, депрессии. «Напротив, дефицит контрфактического мышления будет связан с дефицитом познания, сфокусированного на проблеме (например, неудовлетворенность, трудность в работе, социальная дисфункция), наряду с отсутствием негативного аффекта» (Epstude, Roese, 2008, p. 182).

К. Эпстуд и Н. Дж. Роуз, развивая функциональную теорию контрфактического возможностного мышления, предполагают, что контрфактуальные рассуждения лучше всего объясняются с точки зрения их роли в регуляции поведения и повышения производительности. Они анализируют когнитивные эксперименты, показывающие, что контрфактические мысли могут влиять на поведение одним из двух путей: содержательно-специфическим (информационное воздействие на поведенческие намерения, которое затем влияет на поведение) и содержательно-нейтральным путем (косвенные эффекты через аффект, образ мышления или мотивацию). Авторы приводят пример: «Сразу после получения оценок за тест в начале семестра студентов просили записывать любые контрфактические мысли, которые приходили в голову. В частности, их попросили: “Пожалуйста, перечислите все, что могло произойти по-другому, что привело бы к другой оценке на тесте”. Чем больше студенты думали о том, как их только что заверченный тест мог бы пройти лучше (контрфактическое мышление), тем больше они предпринимали действий, чтобы улучшить свою ситуацию (менялись привычки обучения). Эти действия, в свою очередь, соответствовали большему ощущению личного контроля. Наконец, личный контроль соответствовал более высоким баллам в следующем тесте. Таким образом, несколько доказательств сходятся в пользу предположения о том, что контрфактическое мышление влияет на поведение через содержательно-специфический путь» (Epstude, Roese, 2008, p. 175).

Обобщенный вывод заключается в том, что аффективная регуляция поведения возникает из-за эффекта контраста. Контраст при восходящем контрфактическом мышлении: «Я чувствую себя плохо, потому что мог бы сделать лучше». Эффект ассимиляции при нисходящем

контрфактическом мышлении: «Я чувствую себя плохо, когда сосредотачиваюсь на том, как я мог бы сделать это лучше».

Итак, понимание прошлого основано на ретроспективной активности людей, их стремлении понимать прошлое не как реально происшедшее, а как альтернативные возможные события. Наиболее отчетливо такая активность проявляется в контрфактическом мышлении. Оно направлено на анализ возможных, но не свершившихся вариантов развития изучаемых событий и ситуаций. Для психолога контрафакты, возможные события, — это не просто то, чего не было, а то, что действительно могло заменить произошедшее. Контрфактическое возможностное мышление повышает осмысленность переломных жизненных событий. Размышления об альтернативных путях — как сложилась бы жизнь, если бы они случились, — способствуют формированию более полного и глубокого смысла, чем просто воспоминания и мысли о субъективной значимости события. Построение контрфактических рассуждений может усиливать ощущение того, что реальный жизненный путь был значимым, поскольку контрастные понижающие альтернативы высвечивают ранее скрытые от сознания негативные возможности. Контрфактическая рефлексия включает создание нисходящих контрфактуалов или рассмотрение худших возможных миров (если бы поворотный момент не произошел). Контрфактуальные рассуждения часто используются для объяснения прошлого, оправдания или защиты совершенных действий. Они также полезны для предотвращения повторения нежелательных событий.

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

Умение прогнозировать, что может случиться дальше, является неотъемлемой частью любой ситуации — как практической, так и научно-познавательной. Неудивительно, что проблема понимания будущего активно обсуждается в методологии социокультурного познания. В культуре понимание будущего в размышлениях многих мыслителей неразрывно связано с возможным, альтернативными вариантами развития событий. Вот как говорит об этом Ю. М. Лотман: «Будущее предстает как пространство возможных состояний. Отношение настоящего и будущего рисуется следующим образом. Настоящее — это вспышка еще не развернувшегося смыслового пространства. Оно содержит в себе потенциально все возможности

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

будущих путей развития. Важно подчеркнуть, что выбор одного из них не определяется ни законами причинности, ни вероятностью — в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность. Поэтому он обладает очень высокой степенью информативности. Одновременно момент выбора есть и отсечение тех путей, которым суждено так и остаться лишь потенциально возможными, и момент, когда законы причинно-следственных связей вновь вступают в свою силу» (Лотман, 1992, с. 28).

Понимание будущего всегда основано на наших представлениях о реальном или недостижимом возможном, потому что, «когда мы планируем будущее или когда мы готовимся к событиям, которые, как мы думаем, могут произойти, определенный ход событий приводится в движение. Но то, как мы ожидаем, имеет значение, поскольку это влияет на то, как мы думаем и действуем в текущий момент. Следовательно, когда мы думаем о возможностях, то не столько то, что мы делаем в настоящем, формирует будущее, сколько то, как мы используем будущее для формирования настоящего» (Damhof, Gulmans, 2023, p. 52).

В наше время наблюдается смещение фокуса внимания ученых с «того, что есть» на «что могло бы быть». Такое изменение научной точки зрения означает, что исследователи делают акцент не столько на реальном положении дел, сколько на действиях, предпринимаемых людьми для понимания будущего. При этом будущее оказывается матрицей возможного: оно конструируется не как предсказание того, что обязательно произойдет, а как набор альтернативных возможностей для событий, результатов и действий. Понимая будущее, человек должен предсказывать не столько то, что произойдет, сколько определять точки, в которых возможны и несовместимы несколько различных результатов, некоторые из которых сбудутся, а другие нет. Следовательно, для понимания будущего важнее предсказать точки выбора, а не конечные результаты. «Люди думают о будущем не как о попытке предсказать, что должно произойти, а как о ряде точек, в которых события могут развиваться в разных направлениях. Будущее — это не столько то, что нужно знать, сколько то, что нужно формировать и направлять среди множества альтернативных возможностей» (Baumeister, Maranges, Sjøstad, 2018, p. 234).

Обобщая точки зрения многих ученых, В. Главяну, главный редактор нового журнала «Исследования возможного и общество», пишет:

«Независимо от того, говорим ли мы о реальных или нереалистичных возможностях, в основе этого понятия лежит приверженность идее, что мир еще не закончен, что он находится в непрерывном процессе становления и что это становление — постольку как мы могли бы предвидеть это — не совсем предсказуемо. Помимо “того, что есть сейчас”, есть место для “того, чего еще нет, но будет”, “того, что могло бы быть” и “чего никогда не будет”. И царство возможного не ограничивается будущим, оно также помогает нам представить, “что могло бы быть” в прошлом и что существует “как будто” в настоящем. Вовлечься в возможное означает наполнить “то, что есть” новыми перспективами и тем самым радикально преобразовать его» (Glaveanu, 2023, p. 3).

В методологии социокультурного познания осознание учеными «незаконченности мира» привело к переосмыслению роли теории в научном познании. Ранее функция теории как понимания исследуемых фрагментов мира заключалась в том, чтобы синтезировать и интегрировать результаты эмпирической работы. С изменением взглядов на сущность детерминизма теория стала рассматриваться как создание, формирование нового понимания мира: «Скорее, теория в значительной степени стала рассматриваться как инструмент интерпретации или перспектива для понимания. В этом смысле теория не столько отражает мир, как он есть, сколько создает упорядоченное ощущение того, что происходит» (Gergen, 2023, p. 83). Следующий шаг научного познания в направлении уточнения соотношения теории и фактов в понимании мира связан с современным развитием систем искусственного интеллекта, в частности нейросетей. Этот шаг требует переосмысления методологии познания теории и факта: «Люди строят теории и на их основе делают предсказания. Нейросети эксплицитных теорий не строят, и хотя предсказывать могут в некоторых случаях успешнее, чем мы с нашими теориями, из них бывает непросто даже извлечь отчет о признаках, послуживших основой прогноза» (Ушаков, 2023, с. 189). Отсюда следует задача изучения предсказания в условиях отсутствия теоретических описаний действительности.

В научной литературе непрогнозируемое отличается от непредвиденного: «Катастрофы, вызванные природой, — это “территория” непрогнозируемого. В то время как мы можем оценить вероятность их приближения, мы не можем ни предотвратить их наступление, ни модифицировать ход их движения по мере того, как они развора-

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

чиваются. С другой стороны, катастрофы, вызванные человеком, не прогнозируемы — они непредвиденные. Их приближение происходит из человеческой ошибки, из злополучного смешивания событий, в которых акторы — как жизнеспособные, мыслящие и действующие *существа* — не заметили угрожающего развития ситуации, а возможно, даже ускорили ее приближение» (Бомар, 2014, с. 70).

В этом научном контексте психологи пытаются конкретизировать психологические механизмы понимания будущего и подчеркивают, что оно основано на тех прогнозах, которые делает человек. Предвидение, предвосхищение, гипотезы — это важные составляющие мышления как прогнозирования. Предвидение — это самая простая и даже примитивная форма прогнозирования. Легко можно предвидеть, что зимой в Москве выпадет снег, а весной он растает. По А. В. Брушлинскому, предвидение возникает тогда, когда настоящее целиком повторяет прошлое, когда имеет место жесткая лапласовская детерминация и результат можно легко увидеть. В астрономии так обстоит дело с расчетами траекторий движений планет, которые всегда движутся по одним и тем же строго определенным орбитам (Брушлинский, 1979). (Почти через полвека после высказывания этого мнения А. В. Брушлинским математики обнаружили недетерминированность, нестабильность в движении планет в модели Солнечной системы — *Cepelewicz, 2023.*) Предвидение представляет собой утверждение о том, когда точно произойдет некоторое определенное во всех деталях событие. Следовательно, результатом научного предвидения является описание конкретных событий, которые должны произойти в определенном месте, в определенное время и иметь определенные характеристики. Как правило, такие события происходят в природе. Между тем социогуманитарное познание, в том числе психология, имеет дело с открытыми саморазвивающимися социальными системами, внутренняя динамика и структурные перестройки которых также вносят вклад в формирование их будущего состояния. Неопределенность, множественность влияющих факторов, а также динамика их развития приводят к тому, что прогнозирование социальных систем не может указывать на их конкретное положение в определенный промежуток времени — прогноз отражает только тенденции, направления движения. Однозначное и точное описание открытых систем, в частности психологических структур (Максимова, Александров, 2023), прогноз их точного положения и состояния в будущем оказывается недостижимым.

Таким образом, «предсказание нацелено на установление некоторого факта (ради него самого или ради проверки какой-то гипотезы), в то время как прогноз фиксирует некий объект в его перспективном развитии» (Пирожкова, 2016, с. 118). Прогнозирование направлено не столько на познание как отображение будущей реальности, сколько на понимание будущего, осмысление различных возможных и невозможных вариантов его развития.

В отличие от предвидения прогнозирование менее определено, динамично и само является психическим новообразованием. Используя язык современной психологии понимания, можно утверждать, что предсказание более эффективно в эмпирической реальности, а прогнозирование в социокультурной и экзистенциальной (Знаков, 2016). Однако и в основании понимания, казалось бы, очевидных эмпирических фактов больше возможностей, чем причинно-следственных связей. На это указывал К. Ясперс, обсуждая вопрос о виновности немцев и политической ответственности Германии за преступления во время Второй мировой войны. Он писал: «Никакой ход событий историческая наука не может считать просто неизбежным. Так же как эта наука никогда не может дать точного прогноза (как это бывает, например, в астрономии), она и ретроспективно, задним числом, не может признать неизбежности ни всего происшедшего, ни отдельных действий. В обоих случаях она видит пространство возможностей, только в отношении прошлого картина эта богаче и конкретнее» (Ясперс, 1999, с. 72).

С психологической точки зрения, прогнозирование одновременно является и продуктом предшествующей деятельности, и внутренним условием последующей, более сложной деятельности. В мышлении в качестве желаемого выступает прогнозируемое искомое будущее решение. Оно в течение длительного периода времени остается неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. В процессе решения задачи человек постепенно прогнозирует искомое и благодаря этому ищет, открывает тот способ решения, который на определенной стадии процесса выступает, по его мнению, как наиболее подходящий. Это детально проанализировано в книге А. В. Брушлинского «Мышление и прогнозирование» (Брушлинский, 1979). Искомое связывает известное из прошлого опыта и прогнозируемое неизвестное. Мыслящему субъекту представляется, что искомое уже изначально указано и определено в исходном требовании задачи.

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

Вместе с тем искомое прогнозируется именно вследствие того, что оно «вначале действительно неизвестно и потому и вообще определяется по ходу всего мыслительного процесса» (Брушлинский, 2006, с. 420). Решая мыслительную задачу, субъект устремлен в возможное будущее: он ищет неизвестное, которого пока еще не знает, потому что оно для него из-за своей неопределенности не существует, но он надеется его открыть в будущем — на последующих стадиях мыслительного процесса.

Анализ искомого как связующего звена между адаптивным возможным и преадаптивным невозможным (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) обнаруживает два обстоятельства. С одной стороны, оно явно связано с предыдущей мыслительной деятельностью субъекта, возникает на ее основе. С другой стороны, искомое как возможное будущее отличается неизвестностью, неопределенностью, изначальной нечеткостью: «На различных стадиях процесса мышления неизвестное, но постепенно прогнозируемое индивидом искомое возникает, формируется, развивается и фиксируется в виде очень нечетких, как бы диффузных, недизъюнктивных и под конец все более дифференцирующихся образований, которые принципиально отличаются от заранее и непосредственно данных промежуточных и конечных состояний, необходимых для обратных связей» (Брушлинский, 1979, с. 109). В этом контексте «важно отметить, что цель прогнозирования не столько в том, чтобы предсказать, что обязательно произойдет, сколько в том, чтобы подготовиться к действию в ситуациях, определяемых набором несовместимых альтернативных вариантов, каждый из которых может сбыться, а может и не сбыться» (Baumeister, Maranges, Sjästad, 2018, p. 223).

Анализируя прогностическую направленность образа мира, С. Д. Смирнов пишет, что абсолютное большинство ученых изучает психологические процессы построения образа будущего как начинающиеся с отражения настоящего и связывания его с прошлым, а также с ожиданиями относительно ближайшего будущего. «Эта схема почти не подвергается сомнению и кажется самоочевидной истиной. Она соответствует обобщениям когнитивной "перспективной" теории, но не учитывает конкурирующие интерпретации со стороны предполагаемых в теории деятельности механизмов порождения образа мира. В самом деле, разве можно сомневаться в том, что для построения модели будущего предварительно нужно

оценить настоящее и проанализировать его через призму прошлого опыта?» (Смирнов, 2016, с. 6). Тем не менее он подвергает сомнению традиционное представление о том, что для построения образа будущего сначала необходимо проанализировать настоящее через призму прошлого опыта. С. Д. Смирнов предлагает альтернативную модель, согласно которой психический образ возникает как результат апробации познавательной гипотезы. Гипотезу познающий субъект генерирует навстречу внешним воздействиям, без нее построение образа настоящего не начинается, а образ мира человека представляет собой целостную, многоуровневую и динамическую систему гипотез. Другими словами, образ окружающего мира носит прогностический характер. Образ мира отражает не столько состояние дел в данный момент, сколько прогноз на будущее. Прогностический характер образа мира приводит к тому, что «мы воспринимаем и оцениваем настоящее сквозь призму того будущего, которое оно в себе таит, а не строим образ будущего, отправляясь от первоначально выстроенного образа настоящего» (там же, с. 8). В соответствии с предлагаемой моделью автор делает обобщенный вывод: «Такая интерпретация образа мира позволяет переосмыслить идею построения образа будущего как анализа настоящего сквозь призму вероятностной структуры прошлого опыта. Будущее присутствует в любом образе с самого начала (с момента его зарождения) в виде вектора прогнозируемого изменения реальности и соответствующего ему изменения чувственных данных. Механизм построения образа в виде “встречного уподобления”, представляющего собой циклический процесс непрерывного синтеза и апробации гипотез, вырастающих из контекста текущей деятельности и актуализированной части образа мира, и представляет собой основную форму познавательной активности субъекта. Одновременно эта активность выступает как форма преодоления неполноты, неточности, ограниченности и других аспектов неопределенности нашего образа мира» (там же, с. 12).

В мышлении человека прогнозирование одновременно является и продуктом предшествующей деятельности, и внутренним условием последующей, более сложной деятельности. В мышлении в качестве желаемого выступает прогнозируемое искомое будущее решение, которое в течение длительного периода времени остается неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. В процессе решения задачи человек постепенно прогнозирует искомое

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

и благодаря этому ищет, открывает тот способ решения, который на определенной стадии процесса выступает, по его мнению, как наиболее подходящий (Брушлинский, 1979). Следует заметить, что специфика прогнозирования событий и управления ими зависит не только от наших представлений об их происхождении и внутренней природе, но и от приблизительной оценки, а иногда даже точного знания последствий их осуществления.

На прогнозировании основано понимание будущего — реалистичного и не реализуемого, но логически возможного. В XXI веке в методологии социогуманитарного познания не как единичным и случайным, а как общепризнанным и необходимым признается анализ альтернативных вариантов возможного развития событий в мире человека. В социальной психологии это проявляется, например, в исследованиях феноменов социального воображения (Нестик, 2023) и проспективного сценарного мышления (McKiernan, 2017). В творчестве прогнозирование будущего воплощается в замысле. С. Лем писал о нем: «Замысел — нечто неустойчивое, упорядоченное как будто бы многомерно и внутренне противоречиво. В нем скрывается как бы множество возможных структур, а выбор той конкретной, которая будет реализована, отчасти зависит от случая» (Лем, 2023, с. 69).

Прогнозирование, ориентация на будущее проявляются как на уровне индивидуального поведения, так и коллективного.

Наиболее типичным для индивидуального уровня является проактивное поведение (Старикова, Маничев, 2019). Проактивность — это предвосхищающие действия, которые люди осуществляют, чтобы воздействовать на них самих или окружение. Такие действия описываются через предикторы поведения, его содержание и последствия (Grant, Ashford, 2008). «Несмотря на различные ярлыки и теоретические основы, концепции, которые относятся к проактивному поведению на индивидуальном уровне, обычно фокусируются на самоинициированном и ориентированном на будущее действии, которое направлено на изменение и улучшение ситуации или себя» (Parker, Williams, Turner, 2006, p. 636). Иначе говоря, субъект, ведущий себя проактивным образом, характеризуется инициативой, направленной на изменение статус-кво, улучшение текущих обстоятельств, а не пассивную адаптацию к ним. В качестве результирующего можно привести такое определение этого феномена: «Проактивное поведение — действия по собственной инициативе, ориентированные на

будущее или направленные на изменение ситуации, ее улучшение или на самого себя. В этой области поведения люди проявляют активность и прогнозирование: они думают, планируют, рассчитывают и действуют заранее, предвосхищая события до того, как те произойдут» (Буш, 2022, с. 431). Из такого определения очевидно, что для реализации проактивного поведения субъект должен ориентироваться на будущее и, следовательно, применять перспективное возможностное мышление.

На уровне изучения коллективного обыденного сознания социально-психологические исследования показывают, что анализ альтернативных вариантов развития событий, даже невозможных, необходим для понимания будущего. Рассмотрение альтернатив характеризует «нормальное» понимание будущего. И наоборот, убеждение в безальтернативности и предопределенности возможного будущего своей страны «связано с переживанием угрозы, потребностью в когнитивной завершенности, фаталистическими установками, социальным цинизмом и нетерпимостью к представителям других социальных групп» (Нестик, 2023, с. 3). Предикторами понимания будущего России как безальтернативного являются уровень депрессии, тревога по поводу будущего и социальный цинизм. «Напротив, не содействуют такому восприятию субъективный контроль, т.е. оценка своей способности контролировать свою жизнь, эмоциональная саморегуляция с помощью когнитивной переоценки и социальная сложность, а именно толерантность к неопределенности и принятие сложности человеческого поведения» (там же, с. 9). Т. А. Нестик выдвинул и обосновал «предположение о том, что признание вероятными двух и более сценариев коллективного будущего определяется мотивационными и когнитивными факторами. С одной стороны, сценарное мышление поддерживается ориентацией на будущее и эмоциональной значимостью для личности коллективного будущего, которая усиливается при переживании тревоги, когда эта тревога сочетается с коллективной самоэффективностью. С другой стороны, сценарное мышление становится возможным благодаря сформированности убеждения в сложности и противоречивости человеческого поведения, а также благодаря вере в существование множества путей достижения одной и той же цели. Такого рода убеждения могут быть как индивидуально, так и культурно обусловленными» (там же, с. 5–6).

2.7. Прогнозирование и понимание будущего

Культурная обусловленность прогнозирования собственного будущего отчетливо проявляется при сравнении жителей разных континентов. Например, в одном исследовании сравнивались учителя из Тайваня и Латинской Америки. О том, какие факторы принимаются во внимание при прогнозировании будущего, свидетельствует высказывание одного из них: «Я чувствую, что есть силы, которые толкают нас в общем направлении. Погода, старение, здоровье, новые знакомства, друзья, которые мигрируют, новые работы и т.д. У нас есть возможность контролировать, как мы реагируем и что мы с этим делаем, но мы не можем контролировать все, что происходит» (Abdullah, Cruz, Arrazola, 2024, p. 29). Учителя из Тайваня и Латинской Америки демонстрируют позитивный взгляд на будущее, «хотя и признают неотъемлемую неопределенность в формировании жизненных результатов. Тайваньские учителя используют метафору “бросания игральные кости”, чтобы символизировать непредсказуемость жизни и отсутствие контроля, в то время как их латиноамериканские коллеги используют метафору “открытого моря”, чтобы изобразить будущее, полное возможностей» (ibid., p. 29). Следовательно, обе группы учителей признают влияние внешних сил и факторов на их будущие личные траектории. «Тайваньские учителя приписывают это влияние общественным ожиданиям и установленным правилам, тогда как латиноамериканские учителя ссылаются на такие силы, как погода, старение, новые знакомства и возможности трудоустройства» (ibid., p. 31). Авторы исследования делают такой итоговый вывод: «Эти различные точки зрения могут быть обусловлены их соответствующим культурным происхождением. Осторожный и созерцательный взгляд, выраженный латиноамериканскими учителями, соответствует культурной ценности, которая поощряет рассмотрение множественных точек зрения и сценариев, позиция также основана на опыте жизни в определенных контекстах и системах, как упомянул один из учителей: “Гватемала научила меня импровизировать”. Напротив, размышления тайваньских учителей о последствиях и неисчислимой природе изменений резонируют с мировоззрением, которое подчеркивает причинно-следственные связи и веру в естественные процессы» (ibid., p. 32).

При анализе проблемы понимания будущего нужно учитывать, что, прогнозируя будущее, человек тем самым изменяет его: «Предсказывая будущее, я влияю на него, потому что оглашением прогноза

меняю человеческие установки, иначе говоря, тем самым могу сделать прогноз самоуничтожающимся. Если же учту и влияния высказанного предсказания на будущее, то отредактированное таким образом предсказание вызовет и иные изменения установок. Вследствие этого я должен был бы заранее внести в прогноз еще ряд поправок, и т.д.» (Лем, 2023, с. 378).

Сегодня в социогуманитарном познании проблема понимания возможного будущего занимает видное место. Неудивительно, что ученые пытаются строить модели, обобщающие представление о компонентах психики субъекта, думающего о будущем. В этом контексте, безусловно, значимой является пятифакторная модель, разработанная финскими и швейцарскими учеными. Она состоит из следующих компонентов: временная перспектива, субъективные убеждения, открытость альтернативам, системное восприятие и забота о других. *Временная перспектива* позволяет понимать прошлое, настоящее и будущее, а также ценность долгосрочного мышления. Понимание течения времени и осознание завтрашнего дня являются основными предпосылками для осознания будущего. *Субъективные убеждения* отражают веру человека в свою способность влиять на будущие события. Ключевым вопросом является управляемость, то есть в какой степени люди могут формировать ход будущих событий. *Открытость альтернативам* позволяет критически подвергать сомнению устоявшиеся истины и видеть возможности, которые могут принести изменения. Открытость субъекта альтернативам дает ему возможность принимать и ценить изменения, видеть ценность альтернативных путей и подвергать сомнению устоявшиеся истины. *Системное смысловое восприятие* ситуаций помогает увидеть взаимосвязь между человеческими и природными системами, а также сложные последствия решений. Системные и целостные подходы считаются особенно применимыми при работе с человеческими культурами и обществами, а их сложность затрудняет и иногда делает невозможным предвидеть все последствия принимаемых решений. Следовательно, в таких познавательных ситуациях всегда существует вероятность неожиданных воздействий: могут возникать конфликты при определении того, что хорошо или лучше всего, потому что оптимальное решение для одной части системы может не быть лучшим для системы в целом. *Забота о других* побуждает человека стремиться к лучшему миру для всех. Как только человек становится способным

2.8. Проспективное возможностное мышление

к долгосрочному мышлению, он оценивает разнообразие и непредсказуемость потенциального будущего, критически анализирует свое окружение и понимает сложность общества и действий, возникает вопрос: что с этим делать? К какому будущему следует стремиться? Забота о других объединяет характеристики, отражающие ценности, мораль и этическое мышление. Понимание будущего требует, чтобы человек был озабочен направлением, в котором он хочет видеть будущее (Ahvenharju, Minkkinen, Lalot, 2018).

Таким образом, понимание будущего является сложной комплексной проблемой, для решения которой понимающий субъект должен применять возможностное мышление.

2.8. Проспективное возможностное мышление

Понятие «проспективный» для психолога не является новым. Согласно разным словарям, это слово отражает ориентацию на будущее, что-то ожидаемое, предположительное, предвидимое, указывающее на последующий элемент структуры, относящееся к движению вперед, связанное с будущей ситуацией. В социальной психологии используется термин «проспективная рефлексия» (Нестик, 2023). Давно известна и проспективная память (от лат. *prospectus* — вид, обзор), запоминание намерений (Квавилашвили, 1988). Проспективной памятью называется намерение субъекта вспомнить, какое действие планировалось осуществить в будущем: не забыть вернуть библиотечные книги к сроку, принять лекарства перед сном или встретиться с другом после работы. При слушании музыки такая память связана не только с предвосхищением повторяющейся темы, прогнозируемой последовательности звуков, но и со способностью и склонностью предвидеть будущие музыкальные события — музыкальным предвкушением (Tsai, 2023). При осмыслении взаимосвязей прошлого и будущего такая память тесно связана с проспективным мышлением, развиваемом в сценарном подходе в стратегическом менеджменте (McKiernan, 2017).

Таким образом, использование термина «проспективный» в современном научном контексте, безусловно, оправданно. Тем более уместным я считаю применение термина «возможностное мышление»: с помощью этого феномена можно понять и объяснить широкий круг прошлых и будущих ситуаций. Проспективное мышление не уни-

версально, оно актуализуется не во всех познавательных ситуациях, а только в тех, которые требуют от познающего субъекта осуществления прогнозов, обращенности в будущее. Например, на прогностических рассуждениях основано мышление людей, работающих в пожарной инспекции: они обязаны предвидеть, что может случиться, если на предприятии отсутствуют средства пожарной автоматики, оповещения, сигнализации, пожаротушения, дымоудаления. По этому признаку проспективное возможностное мышление отличается от контрфактического, потому что оно направлено в будущее, а ретро-спективное контрфактическое — в прошлое.

Одним из инструментов проспективного возможностного мышления является гипотетическое моделирование, предполагающее воображение возможного будущего. Для такого моделирования не нужно возвращаться в прошлое и мысленно менять то, что уже произошло (Redshaw, Ganea, 2022). Понимая будущее, познающий субъект использует «матрицу возможного» (Baumeister, Alquist, 2023). Социальные ситуации всегда можно описать в терминах матрицы возможностей, потому что поведение человека обусловлено не только реальностью, но и возможностями, включая и те, которые никогда не реализуются. Понимание того, как человек поведет себя в той или иной ситуации, в значительной степени зависит от того, что субъект воспринимает в ней как возможное и допустимое. Рассуждая о понимании будущего, Р. Ф. Баумайстер и Дж. Л. Алквист пишут: «Таким образом, сущность агентства заключается в том, чтобы действовать в среде, которая содержит множество возможных вариантов действий. Разные действия вызывают разные возможности и непредвиденные обстоятельства. Будущее, таким образом, противостоит агенту как матрица возможного: различные варианты выбора и действия приведут к различным возможным будущим событиям, которые, в свою очередь, приведут к дополнительным наборам возможностей, а также к различным результатам, некоторые из которых лучше других» (ibid., p. 16). Р. Ф. Баумейстер, Х. М. Маранжес и Х. Шастад утверждают, что «основной упор в размышлениях о будущем заключается не столько в том, чтобы предсказать, что произойдет, сколько в том, чтобы предсказать точки, в которых возможны и несовместимы несколько различных результатов (таким образом, некоторые из них сбудутся, а другие нет) — и, что крайне важно, что вы сами можете контролировать, какие из них сбываются. Важно предсказать точки выбора,

2.8. Проспективное возможностное мышление

а не конечные результаты. Иными словами, цель исследования не столько в том, чтобы предсказать будущую реальность, сколько в том, чтобы предсказать будущие возможности — особенно ситуации, основанные на предложении конкурирующих, несовместимых возможностей» (ibid., p. 224).

Понимание будущего происходит с помощью проспективного возможностного мышления. Одним из современных вариантов его исследования является так называемое сценарное мышление (McKiernan, 2017; MacKay, McKiernan, 2018). Сценарное мышление направлено на преодоление неопределенности, неизвестности, непредсказуемости будущего в разных областях человеческой деятельности — бизнесе, стратегическом управлении, биологии, политике и других. «Сценарии описывают основные движущие силы в определенных картинах будущего и их связь друг с другом. Они раскрывают и различные возможные пути развития в виде альтернативных картин будущего. В итоге возникает более точное понимание перспектив развития, существующих возможностей и границ решения проблем» (Минкс, Бельке, 2008, с. 8). Сценарный подход — одно из наиболее перспективных направлений развития социогуманитарного познания, а сценарий — это образ возможного будущего. «Разнообразные подходы к пониманию сущности термина “сценарий” обеспечили всестороннее рассмотрение этого термина как представления информации о возможном будущем. Сценарии позволяют “предвидеть” развитие событий и управлять проактивно, что обеспечивает скорость реакции на изменения среды бизнеса при принятии решений» (Никитинс, Чернова, Чернов, 2024, с. 125). При этом надо иметь в виду, что сценарии включают разные возможные истории развития социальной или технической системы, отражающие предполагаемые варианты ее потенциального будущего, но не содержат их вероятностей, приоритетных направлений. Следовательно, сценарий — это не прогноз того, что обязательно произойдет, а понимание картины возможного будущего, включающей разные варианты.

Сегодня сценарный подход является одним из наиболее значимых, главных в социогуманитарных науках: «Отличительным фактором сценарного анализа, который применяется во многих сферах от экономики до технологий и медицины, является возможность учитывать факторы, которые влияют на изменение состояний системы. Сценарный анализ позволяет учитывать факторы и зависимости,

связанные с различными условиями и состояниями, в том числе неопределенностью, что позволяет работать в ситуации, когда на результат моделирования влияют факторы, изменяющиеся во времени или в зависимости от действий участников процесса» (Баркалов, Чернов, Фейзов, 2024, с. 69).

Возникновение сценарного мышления во многом обязано стратегии корпорации RAND и Гудзонского института Герману Кану (Kahn, 1962). Он призывал думать о «немыслимом» применительно к таким темам, как развертывание ядерной войны, загрязнение продуктов питания, рост раковых заболеваний и т.п. Во всех этих случаях сценарное мышление основано на представлениях о множественности, неоднозначности и во многом случайности будущего в мире человека: «Долгосрочное прогнозирование, основанное на сценариях, требует, чтобы мышление сместилось от этой единственной ограниченной мысли к мышлению с различных точек зрения на множественные варианты будущего, и это расширяет существующее мышление» (MacKay, McKiernan, 2018, p. 38). Процессы проспективного сценарного мышления позволяют руководителям и менеджерам задуматься о неопределенном и непредсказуемом, но понятном будущем. При этом будущее оказывается временным горизонтом, который выходит далеко за рамки того, к чему они привыкли в своей повседневной оперативной деятельности. «Затем, после того, как умы откроются как для обыденного “очевидного”, так и для удивительного “немыслимого”, станут возможными более эффективные и творческие организационные реакции, и план может быть разработан и принят» (там же, с. 41).

При обсуждении сценариев ориентированное на будущее проспективное возможностное мышление работает в четырех режимах: моделирование (создание подробного ментального образа будущего), прогнозирование (оценка вероятности данного события и возможных реакций на него), намерение (кодирование будущей цели) и планирование (организация шагов, необходимых для достижения цели) (Copa et al., 2023). При размышлении о будущих сценах, основанных на прошлом опыте, у людей доминирует эпизодическая память, но, когда они думают о незнакомых вещах в будущем (по словам Кана, мыслят о немыслимом), у них доминирует семантическая память. «Следовательно, лучшим подходом к созданию “воспоминаний о будущем” может быть создание будущих сцен с помощью семан-

2.8. Проспективное возможностное мышление

тической памяти, но на основе коллекции ранее существовавших эпизодических воспоминаний» (там же, с. 41). Чем чаще испытуемые вспоминают сценарии, основанные на их эпизодической памяти, тем они кажутся им правдоподобнее, т.е. отражающими то, что произойдет в будущем.

Психологические исследования обнаружили, что понимание будущего зависит от возрастных и демографических факторов. Возможность конструировать будущие события определяется способностью получать доступ к деталям, хранящимся в эпизодической памяти, и рекомбинировать их (Schacter, Addis, Buckner, 2007). Известно, что память делится на семантическую (общие знания о свойствах событий и ситуаций), процедурную (навыки и привычки) и эпизодическую (воспоминания о прошлом). Молодые люди, как правило, лучше вспоминают детали прошлых событий (кто, когда, где), чем пожилые люди. Последние лучше усваивают более общую внешнюю информацию, такую как сравнение фактов в различных вспоминаемых событиях, например, свадьбах (Addis et al., 2008). Было показано, что процесс старения влияет на тип деталей воспоминаний: пожилые люди используют больше неэпизодических семантических знаний и меньше личностных эпизодических знаний, чем молодые люди (Schacter et al., 2015). Пожилые люди вспоминают меньше конкретных эпизодических деталей и отдают приоритет предоставлению контекстуальной информации, молодые люди предпочитают подробные описания. «Таким образом, стиль повествования и цели поиска могут лежать в основе, по крайней мере частично, соотношения эпизодических и неэпизодических деталей, и это может быть особенно верно для пожилых людей» (Li-Chay-Chung et al., 2024).

Итак, контрфактическое возможностное мышление является психологическим основанием понимания прошлого, а проспективное возможностное мышление — будущего.

Глава 3

ТРУДНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ АКТУАЛИЗАЦИИ ВОЗМОЖНОСТНОГО МЫШЛЕНИЯ

3.1. Невозможное

Проблема невозможного так же, как и возможного, является общенаучной. Об этом свидетельствует тот факт, что наряду с семантикой возможных миров (Lewis, 1986) и рассуждениями психологов о возможном, опирающимися на теорию возможных миров (Johnson-Laird, Ragni, 2024), ученые активно обсуждают проблемы существования невозможных миров (Карпович, 2021; Моисеева, 2022; Хинтиikka, 1980). «Если возможные миры представляют собой то, какими вещи могли бы быть, то невозможные миры представляют собой то, какими вещи не могли бы быть: они изображают нечто абсолютно невозможное как имеющее место» (Berto, 2017, p. 1280). Неудивительно, что проблема невозможного оказывается в фокусе внимания физиков (Каку, 2019; Собельман, 1974), философов (Микиртумов, Фролов, 2024; Финогентов, 2010), психологов (Костенко, Гришутина, 2018).

Возможное есть и нечто невозможное, потому что любая возможность может осуществиться, а может и нет (Мулюкова, 2014). В науке различается фактически возможное и значительно большее по объему и содержанию понятия логически возможное. Их соотношение видно на следующих примерах:

«(1) Возможно ли через секунду переместиться в галактику Андромеды, а через две секунды вернуться к себе на кухню?

(2) Возможно ли иметь рост в один километр?

(3) Возможно ли встретить гору из урана?

Все из названных событий являются логически возможными. В то же время, будучи логически возможными, (1) и (3) невозможны физически (согласно законам физики), а (2) невозможно биологически» (Анкин, 2016, с. 81).

3.1. Невозможное

Сегодня мир рассматривается учеными как веер возможностей. Возможное, безусловно, оказывается центральной проблемой современной науки, и устремленность психологии возможного (Знаков, 2022) в будущее соответствует одной из важнейших тенденций ее развития. В этой связи научно значимая задача психологии возможного — содержательный анализ не только понятия «возможное», но и его семантического антипода, т.е. «невозможное». Исследование психологических характеристик невозможного для психологии возможностного мышления является актуальной научной проблемой.

Прежде чем исследовать разграничение возможного и невозможного, необходимо сказать несколько слов о диалектическом соотношении понятий и подвижных границах между ними. Можно выделить, по меньшей мере, три стороны этой проблемы.

1. Мир человека состоит из большого множества людей, в нем невозможное для одного субъекта вполне возможно для другого: уровня достижений великих музыкантов или спортсменов не могут достичь любители. Для психологов, в частности исследующих мотивацию, здесь необъятное поле деятельности: как люди оценивают возможное для себя и стремятся к нему или понимают, что высокий уровень при их знаниях, умениях, навыках недостижим.

2. Историческая подвижность границ между возможным и невозможным. Развитие науки и техники делают ранее невозможное возможным: в девятнадцатом веке были невозможны полеты на самолетах, в двадцатом — разговоры по телефону во время пешей прогулки по лесу и т.п. Следует отметить, что в дальнейшем обсуждении, говоря о невозможном, я буду обсуждать преимущественно то, что считается таковым сейчас, в наше время.

3. Продолжая развивать проблематику временных границ при анализе обсуждаемых понятий, необходимо осознавать, что «развитие науки может смещать границу между возможным и невозможным в противоположном направлении, то есть может переводить нечто из разряда возможного в разряд невозможного. Так, до проведения известных опытов Л. Пастера многие ученые придерживались гипотезы о возможности самопроизвольного зарождения жизни (гипотезы абиогенеза). И только эти опыты достаточно строго обосновали невозможность абиогенеза» (Финогентов, 2010, с. 52).

Современный способ интерпретации, например квантовой механики, состоит в том, чтобы считать действительность пространством

возможностей. Ученые знают, что, «когда содержание настоящего меняется, меняется и наше ощущение того, что было и будет возможным. В этом отношении нет ничего такого, что должно было бы навечно оставаться невозможным, поскольку подходящее событие могло бы решительно изменить пространство возможностей. Но точно так же то, что было возможным, впоследствии может стать невозможным» (Фуллер, 2021, с. 270).

Такие области науки, как квантовая механика, побуждают ученых задумываться над проблемами соотношения возможного, невозможного и воображаемого: «Воображаемое невозможное можно различить в невозможном, которое мы можем вообразить и которое часто является двигателем возможности (оно движет и вдохновляет нас), и невозможное, что невообразимо и навсегда останется неизвестным. Первое, очевидно, стимулирует творчество, подталкивая нас к исследованиям, творчеству, инновациям, выходу за пределы границ, дисциплин... Но есть еще кое-что в этой практике. Невозможное, которое мы можем себе представить, также служит зеркалом, сталкивающим нас с нашими ответами на широкий спектр (не) возможных сценариев» (Damhof, Gulmans, 2023, p. 52).

3.1.1. Общенаучный контекст изучения невозможного

О проблеме невозможного сегодня можно услышать от представителей самых разных областей естествознания. «В знаменитой книге Д. Хоргана, содержащей ряд интервью с авторитетными физиками, приводится множество высказываний, свидетельствующих об этом. Так, А. Эйнштейн прямо утверждал, что “наше знание микрокосма всегда будет неточным”. Математик Б. Мандельброт обращал внимание на то, что многие явления “невозможно предсказать”, а одно из следствий теоремы К. Геделя связано с констатацией невозможности полного последовательного математического описания реальности. С точки зрения Д. Хоргана, особенности современной науки во многом обусловлены тем, что сегодня ученые не столько решают возникающие перед ними загадки, сколько обнаруживают и формулируют вопросы, ответы на которые пока получить невозможно» (Гусев, 2014, с. 85). В математике сегодня большую роль играют невозможные объекты — геометрические или топологические конструкции, которые визуально или концептуально бросают вызов основным правилам физического

3.1. Невозможное

пространства. Треугольник Пенроуза, куб Неккера, лестница Эшера, лента Мёбиуса, бутылка Клейна и другие конструкции противоречат нашим эмпирическим представлениям о пространстве и тем не менее способствуют возникновению нового теоретического знания о мире. Границы того, что возможно в математике, не ограничены физической реальностью, а определяются внутренней логикой самих математических систем. Такие объекты хотя и логически обоснованы, настолько контринтуитивны, что кажутся невозможными: «В этом контексте “невозможный” не означает недействительный или неправильный — это просто означает, что концепция не может проявиться в рамках нашего обычного понимания трехмерного пространства или логики реального мира» (Youvan, 2024). Такие научные представления расширяют понимание того, что возможно в абстрактной вселенной математики, и раздвигают границы логики, разума и воображения.

Одной из наиболее фундаментальных междисциплинарных работ, в которой анализируются и социогуманитарные, и естественнонаучные аспекты проблемы возможного, является статья М. Д. Хаузера в журнале «Nature». От эволюционной биологии до многообразия культур автор выстраивает единую картину «возможности невозможного» и пытается найти общие механизмы, в соответствии с которыми некоторые возможности развития не могут быть реализованы потому, что их место уже «занято» другими альтернативами (Hauser, 2009). Сравнивая фактические и возможные формы развития живых организмов, используя инструменты и теории молекулярной биологии, математики, физики, экологии, анатомии, ученый пытается понять, почему в пространстве возможностей эволюционного развития существуют пробелы и какую роль они могут играть в эволюционном процессе. Согласно эволюционной биологии, увеличение и развитие различных форм животных возникает в результате основных молекулярных операций по генерации вариаций (например, перестановка, повторение, увеличение и деление — с каждым из этих процессов связано дальнейшее изменение и ограничение в зависимости от времени и величины опыта).

Понимание соотношения возможных и невозможных альтернатив развития в биологии порождает аналогию из истории формирования естественных и искусственных языков: «Важно отметить, что эта перспектива породила идею невозможных языков: то есть лингвистических структур, которые никогда не будут рассмотрены, или,

если они будут рассмотрены и выражены, не могут быть изучены» (ibid., p. 191). Исследования в области генеративной лингвистики показывают, что, как и разнообразие форм животных, чувство неограниченной вариации в лингвистических формах иллюзорно, потому что скрывает набор универсально поддерживаемых, биологически инициированных механизмов для генерации вариации, в том числе освоение и ограничение пространства возможных языков.

Затем следует переход от языка к культуре. Автор предполагает, что большая часть изменений, наблюдаемых в человеческой культуре, очень ограничена, поскольку пространство возможных культур мало населено, оставляя лишь несколько пробелов, которые составляют невозможные культурные формы: «Эта перспектива, с ее параллелями в работе над теоретической морфологией и расширением общего подхода, который мотивировал работу в области генеративной лингвистики, подразумевает, что некоторые культурные формы никогда не будут развиваться или, если они есть, быстро вымрут, потому что они не обучаемы или изучены с большим трудом. Эта точка зрения имеет интересные последствия как для изучения культуры, так и для биологии (гены, нервные цепи и когнитивные процессы), она облегчает и ограничивает приобретение и передачу культурного опыта» (ibid., p. 194). Идея о том, что существуют культурные пробелы, вызывает те же вопросы, что и суждение о том, что такие же пробелы есть в формах животных. При этом необходимо понимать, что порождает вариации в культурных формах и почему некоторые теоретически возможные формы никогда не реализуются. Хаузер считает, что люди рождаются с умственным «набором инструментов» для создания и особенно для понимания культурных различий (в лингвистике, музыке, морали). Набор инструментов состоит из программ развития, которые генерируют вариации, «сырье» для избирательного процесса, который кристаллизует конкретную форму выражения. Когда культурные формы кристаллизуются, могут появиться пробелы, потому что люди в культуре не могут представить альтернативы из-за бедности воображения.

По мнению Хаузера, подобные сравнительные методы анализа открывают перед наукой беспрецедентные возможности для понимания вопросов эволюции и когнитивных способностей. Они показывают, как теории, технологии и результаты молекулярной биологии, эволюционной биологии, нейробиологии, когнитивной психологии,

3.1. Невозможное

лингвистики и антропологии могут быть продуктивно объединены для понимания одной из самых глубоких проблем интеллектуальной жизни — как эволюционировал уникальный генеративный мозг человека (ibid., 2009).

Применительно к естественным наукам продуктивную попытку классификации невозможных событий и процессов предпринял американский физик М. Каку. Он выделил три типа невозможного. К первой категории относятся технологии, сегодня пока еще невозможные, но не нарушающие известные науке законы природы (телепортация, двигатели на антивеществе, телепатия, телекинез). Вторая категория включает невозможности другого типа: это технологии, лишь недавно возникшие в научных представлениях о физическом мире. Если они вообще возможны, их реализация может растянуться на тысячи или даже миллионы лет (машины времени, возможность гиперпространственных путешествий и путешествия сквозь кротовые норы). Последнюю категорию американский физик называет невозможностями третьего типа: «Это технологии, которые нарушают известные нам физические законы. Удивительно, но невозможных технологий этого типа оказалось очень мало. И если когда-нибудь окажется, что они тоже возможны, это будет означать фундаментальный сдвиг в наших представлениях о физике» (Каку, 2019, с. 21–22). К этой категории невозможного относятся вечный двигатель и предвидение будущего.

Из классификации М. Каку следует, что люди характеризуют что-то как невозможное либо по причине недостаточности современных знаний и отсутствия соответствующих навыков, либо вследствие внутренних свойств самого объекта познания. Вот как об этой взаимосвязи человеческого разума и противостоящего ему мира писал Н. Н. Талеб: «Сейчас мы попробуем разобраться в том, что не принято афишировать: в структурных ограничениях нашей возможности предсказывать. Эти ограничения накладываются не человеческой природой, а природой самой этой деятельности — слишком сложной не только для нас, но и для любых инструментов, которые есть или когда-либо окажутся в нашем распоряжении. Отдельные Черные лебеди вечно будут неуловимы, значит, удач в прогнозировании нам не ждать» (Талеб, 2016 с. 275–276).

Типы невозможного. Прежде чем анализировать понимание невозможных событий и ситуаций, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки обсуждаемого феномена.

В современной научной литературе представлены по меньшей мере шесть значений категории «невозможное», зависящих как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта.

1. Невозможность — это существующее у субъекта противоречие между логически допустимым (не противоречащим законам логики) и физической недопустимостью действия (противоречием законам природы). В частности, невозможно привезти из леса на легковом автомобиле большую новогоднюю ель высотой 50 метров.

2. Как невозможные человек понимает и воспринимает «беспричинные» события — те, единственную причину возникновения которых определить нет никакой возможности. Следовательно, такие события невозможно предсказать. Между тем их немало, и они значимы для человечества. К ним относятся Первая мировая война, Великая депрессия в США 1929–1933 гг., распад СССР и др. В XXI веке высокоразвитая наука и медицинские технологии не помогли ученым предсказать возникновение пандемии COVID-19. Все эти события до их наступления оценивались людьми как невозможные. Типичным примером является теракт, произошедший в США в сентябре 2001 г.: «11 сентября — событие невозможное, невообразимое. Оно произошло прежде, чем стало возможным (даже фильмы-катастрофы его не антиципировали, наоборот, они лишь исчерпали наше воображение). 11 сентября относится к порядку радикальной непредсказуемости (когда обнаруживается парадокс, согласно которому нечто становится возможным лишь после того, как оно произошло)» (Бодрийяр, 2017, с.191).

Н. Н. Талеб называет такое невозможное событие Черным лебедем, обладающим тремя характеристиками: «Во-первых, оно аномально, потому что ничто в прошлом его не предвещало. Во-вторых, оно обладает огромной силой воздействия. В-третьих, человеческая природа заставляет нас придумывать объяснения случившемуся после того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» (Талеб, 2016, с. 14). Обобщающим утверждением автора служит положение о том, что миром движет аномальное, неизвестное, неправдоподобное, невозможное с точки зрения наших нынешних знаний. При этом он приводит весомые аргументы против связи причин и следствий, которые свидетельствуют о том, что у каждого события может быть бесконечное число возможных причин (там же, с. 30, 100).

3.1. Невозможное

В мире человека принципиально невозможно определить причины или последствия многих событий и ситуаций. Например, мэры мегаполисов ни при каких условиях не могут знать, где именно может прорваться труба, а руководители спецслужб — обо всех готовящихся терактах. Примеры подтверждают очевидное: существуют такие сложные многомерные ситуации, в которых люди никогда не смогут узнать все причины их последующего изменения. Иначе говоря, причины непознаваемы.

Наряду с «беспричинностью» нужно иметь в виду, что в мире человека случаются события, причины которых искать не только безрезультатно, но и бесполезно: они произошли «не из-за прошлого, а для будущего». Сегодня во всем мире происходят теракты в местах больших скоплений людей. И пострадавшим бесполезно спрашивать: «Почему я, за что мне это?» Ни за что: он (она) стал(а) жертвой не потому, что до этого поступал(а), вел(а) себя неправильно. Террористы его (ее) даже не знали и о нем (ней) не думали. Цели террористов всегда устремлены в будущее, их задача — запугать и заставить выполнить свои требования не пострадавшего, а совсем других людей. Другими словами, целью является не наказание, а предупреждение.

3. Невозможное часто отождествляется с неправдоподобным. В науке появление невозможного может служить индикатором кризисного состояния принимаемой сообществом ученых парадигмы: при увеличении не соответствующих ей, неправдоподобных, маловероятных данных возникает вопрос о ее переосмыслении. Более общий контекст понимания невозможного как неправдоподобного нетрудно найти в истории человечества. Как известно, она полна не только несбывшихся прогнозов, но и, наоборот, реализации того, что незаурядные умы считали невозможным. Лорд Кельвин говорил, что летательные аппараты (самолеты) тяжелее воздуха и никогда не взлетят. «Он считал рентгеновские лучи обманом и был уверен, что у радио нет будущего. Лорд Резерфорд, открывший атомное ядро, отрицал возможность создания атомной бомбы и сравнивал любые попытки такого рода с "погоней за солнечным зайчиком"» (Каку, 2019, с. 15). Подобных примеров множество, и они порождают необходимость отличия невероятного, неправдоподобного от действительно невозможного.

Трудности понимания некоторых событий и ситуаций человеческого бытия также связаны с нередко возникающими у современного

человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью. Показательный пример есть в книге В. А. Шкуратова о событиях 11 сентября 2001 г. Собеседник журналиста «рассказал о впечатлениях своего знакомого. Тот ехал из нью-йоркского аэропорта и смотрел на горящие небоскребы. Он видел пожар, но не мог признать его за реальность. Это был вымысел. Признать подлинность зрелища оказалось крайне трудно. В этих отрывочных впечатлениях просматриваются контуры смещенной онтологии, в которой реальность и вымысел поменялись местами. В спорах между сторонниками социального конструкционизма и доктрины отражения, похоже, наступает решающий перелом. Картина перед глазами человека фиктивна (сконструирована) и в то же время перцептивно реальна. Она вынесена за пределы той условной рамочности, которая позволяла воспринимать ее в качестве “как бы реальности” и помещена туда, где раньше находилась реальность без “как бы”» (Шкуратов, 2002, с. 22).

Отсутствие новых событий в предыдущем опыте человека способствует их восприятию как неправдоподобных, невозможных. Типичный пример есть в воспоминаниях о бывшей узнице фашистского концлагеря Иде Гринспан: «Вскоре после прибытия в лагерь другие заключенные сказали Иде, что здесь есть газовые камеры, но ей казалось, что это просто невозможно. “Никто им не верил, — вспоминает Ида. — Никто из нас в это не поверил. Это было уму непостижимо! Мы говорили, что это сплетни, глупая молва”. А потом вновь прибывшие почувствовали тошнотворный запах из крематория Биркенау» (Рис, 2018, с. 391).

4. Нередко невозможным считается неизвестное: «У невозможности тоже эпистемический аналог — неизвестность, непознаваемость, непостижимость, немыслимость, непредставимость, недопустимость. Если незнание — это отсутствие знания, то непознаваемость, немыслимость и другие синонимы этого модального ряда указывают на принципиальную невозможность знания, то, что описывается философски как агностицизм» (Эпштейн, 2001, с. 207). На первых этапах решения творческих задач неизвестное часто кажется субъекту невозможным. Хороший пример содержится в статье о деятельностном потенциале категории «незнание». Преподаватель обсуждает со студентами

3.1. Невозможное

проблему устойчивости небоскреба, построенного с большим углом наклона: «Падающая башня Абу-Даби — футуристический небоскреб в столице Объединенных Арабских Эмиратов. Это уникальный небоскреб, примыкающий к Национальному выставочному центру. Еще на этапе строительства небоскреб был внесён в Книгу рекордов Гиннеса как здание с самым большим наклоном в мире. Здание имеет статус “наиболее сложного архитектурного и инженерного проекта”. При значительном смещении вертикальной оси здание обладает высокой устойчивостью и безопасностью, а его гибкая волнообразная форма помогает создать необходимое затенение» (Чарикова, Каргапольцев, Лихненко, 2019, с. 80). Наклон здания значительно больше, чем у знаменитой Пизанской башни в Италии, — 18°, а не 4°, как в Пизе. Затем в статье приводится суждение профессионала: «Инженер по конструкциям Мона Васингх, описывая работу над проектом Capital Gate, говорит: “Когда я увидела проект, подумала, что его невозможно построить! Архитекторам нарисовать здание проще, чем нам воплотить его в реальность. Это на грани возможного. Без озарения здесь не обойтись”» (там же, с. 81–82). И такая реакция — не редкость, неизвестное во многих областях кажется нам невозможным.

5. В психологии невозможным часто называют то, что не имеет смысла, для чего его трудно найти. В теориях В. Франкла и Ф. Е. Василюка потеря смысла жизни переживается субъектом как такое невозможное, которое нужно преодолеть. В частности, «переживание есть особая деятельность, назначение которой состоит в преодолении ситуаций “невозможности”, в восстановлении или порождении осмысленности жизни» (Василюк, 2007, с. 466). В экзистенциальной реальности в таком психическом состоянии человек оказывается во время кризисной ситуации — невозможности жить, реализовать внутренние необходимости своей жизни. Напомню, что Ф. Е. Василюк понимал критические ситуации именно как внутреннее состояние невозможности реализации субъектом своих стремлений, мотивов, ценностей. При этом типам состояний невозможности и реализуемости многих ситуаций соответствуют свои типы состояний возможности (Василюк, 1984). Невозможность проявляется не только в кризисе: экзистенциально невозможным является желание человека стать, к примеру, директором института, противоречащее его реальным знаниям, умениям и навыкам. Другой пример — нереализуемое ни сейчас, ни в обозримом будущем желание субъекта стать обладателем очень дорогого автомобиля Ferrari.

Исследование психологических характеристик невозможного для экзистенциальной реальности является актуальной научной проблемой. Изучая ее, ученые имеют дело не с массовыми явлениями, а с настолько маловероятными, неправдоподобными событиями, что они кажутся невозможными (в приведенном выше эпизоде из книги В. А. Шкуратова человек видел горящие небоскребы, но неправдоподобность увиденного мешала ему признать происходящее реальностью). Неправдоподобность событий препятствует адекватному осмыслению, порождению их смысла. После событий 11 сентября 2001 г. потребность многих американцев в совладании с их психологическими последствиями привела к появлению большого числа теорий заговора, большинство из которых по своей сути иррациональны: «Теория заговора всегда является иррациональной из-за нарушенной доказательной базы. Согласно теории познания, подобные объяснения могут складываться из-за параноидального выражения бессилия в ситуации, когда факты и их логика становятся психологически непонятными и невыносимыми. Теоретик заговора пытается сохранить последние остатки убедительности своих объяснений, видя, что кто-то относится к нему неуважительно, хотя они не должны были относиться так. “Они” хотят причинить нам вред — и это тоже важный секрет. При этом довольно неясно, кто такие “они”» (Airaksinen, 2009, p. 124). Убеждения теоретиков заговоров являются до крайности неправдоподобными: согласно одной из них, американцы изначально умнее и лучше арабов. Арабы не могли незаметно спланировать теракт и взорвать башни, значит, это сделало американское правительство: «События 11 сентября слишком значимы, и их сложно понять, используя наши повседневные модели понимания. Таким образом, это было невозможное событие. Масштабы разрушений, очевидно, были понятны и хорошо задокументированы. Тем не менее люди не могли поверить в эти факты. Подобный когнитивный диссонанс был достаточно болезненным, и чтобы его преодолеть, необходимы некоторые механизмы снижения тревоги» (ibid., p. 127–128).

6. Психологические исследования показывают, что обычно люди склонны представлять аморальные или иррациональные действия как невозможные. Особенно это относится к ситуациям с дефицитом времени на обдумывание. В психологических экспериментах испытуемые считали, что аморальные события невозможны, когда не имели времени на рефлексивное размышление, и нередко

3.1. Невозможное

признавали их возможными после обдумывания. Получается, что из-за нехватки времени люди с меньшей вероятностью считают возможным поступить аморально или иррационально. Следовательно, мораль ограничивает стандартное представление о том, что возможно или невозможно (Phillips, Cushman, 2017).

3.1.2. Психологические исследования невозможного

В современной психологии уже появились исследования, направленные на анализ невозможного как компонента человеческой психики. В наши дни уже типичными становятся исследования невозможного Я как неотъемлемого составляющего личности. В человеческом бытии существуют ситуации, когда возможности субъекта переживаются им самим как «невозможности». В них актуализуется невозможное Я как проявление значимого возможного Я, которое испытывает влияние руминации — непреодолимой привычки все переосмысливать: повторяющиеся переживания, совершенные ошибки, пережитые обиды и т.п. В эмпирическом исследовании выявлены связи невозможного Я с высоким уровнем нейротизма, негативизма, а также выраженной тенденцией к самообвинению (Гришутина, Костенко, 2019). Невозможное Я — это желаемое Я (то, к чему человек стремится), но недостижимое по объективным или субъективным причинам.

Н. С. Пряжников анализирует когнитивные и мотивационные барьеры, фильтры, возникающие у человека, осознавшего появление в его деятельности «запретного» и «невозможного». На когнитивном уровне анализа он строит модель соотношения этих феноменов, представленного пересекающимися координатами: «1) критерии, относящиеся к “запретному” (на одном полюсе — разрешено, на другом — запрещено); 2) критерии, относящиеся к “невозможному” (на одном полюсе — возможно, на другом — невозможно)» (Пряжников, 2021, с. 70). В результате анализируются четыре варианта соотношения: разрешенное и реальное; запрещенное и невозможное; разрешенное, но невозможное; запретное, но реальное. В деятельности существенную роль играет внутренний настрой человека, его убежденность в возможности преодоления моральных и социальных запретов: «Сложность определения субъективного в контексте “запретного” и “невозможного” определяется следующим противоречием. С одной стороны, если какие-то внутренние запреты или убежденность в абсолютной

невозможности каких-то дел у конкретного человека достаточно сильны, то эти дела действительно для него становятся почти не реализуемы. Но с другой стороны, если человек готов не только настроить себя на решение сложных задач, но и соответственно подготовиться к этому, то многие ранее невозможные и даже запретные дела становятся для такого человека вполне достижимыми. Например, он может и в МГУ поступить, и статью написать, и даже успешно торговать на рынке... Но “выпить море” или “переубедить образованного дурака, убежденного в своей непогрешимости, да еще и остепененного”, даже у него не получится...» (там же, с. 72–73). Противоречия между запретным (и потому невозможным) и допустимым, ограничения и внутренние барьеры имеют не только психологическое, но и социокультурное и религиозное происхождение.

Для психологов проблема невозможного является значимой не только в когнитивном смысле, но и в мотивационном, потому что в ситуациях столкновения с чем-то новым, ранее неизвестным для людей невозможное является более лично значимым, чем возможное: «Оказалось, что как дети, так и взрослые проявили гораздо более сильное стремление к риску ради исследования явления, представленного им как невозможное, магическое, чем к исследованию этого же явления, представленного как возможное, физическое» (Субботский, 2014). Понимание невозможного положительно сказывается на онтогенетическом формировании способностей людей к познанию: демонстрация детям магических, невозможных событий увеличивает их способность отличать фантастические изображения от реальных. В исследованиях, проведенных на подростках и взрослых, было показано, что включение торговых брендов в контекст невозможного способствует последующему распознаванию брендов в значительно большей степени, чем включение аналогичных брендов в контекст равно интересных возможных событий. «Результаты показали, что как подростки, так и взрослые распознали значительно больше брендов, включенных в контекст невозможных событий, чем в контекст возможных событий. Причина, на мой взгляд, проста: невозможные события актуализируют воображение, мышление и эмоции участника и усиливают отпечаток ассоциируемого с ними коммерческого бренда в памяти участника. Возможные же события актуализируют только узнавание; поэтому коммерческий бренд, ассоциированный с этими событиями, запоминается хуже» (Субботский, 2014).

3.1. Невозможное

Способность классифицировать события как возможные или невозможные различается у взрослых и детей, потому что они используют разные стандарты доказательств для оценки события как невозможного. Взрослые отрицают возможность события («я не могу проходить сквозь стены»), если они могут определить факты о мире, которые исключают возникновение события (прочность стены и т.п.). Дети могут не признавать событие возможным всякий раз, когда они не могут представить себе обстоятельства, которые позволили бы событию произойти. «Например, ребенок, который утверждает, что люди не могут проходить сквозь стены, может делать это либо на основе знания того, что один объект не может пройти сквозь другой, либо на основе незнания того, как такое событие может произойти. Другими словами, маленькие дети могут отрицать возможность события не потому, что они не могут придумать причинный принцип, который предотвратил бы событие, а потому, что они не способны придумать обстоятельства, которые позволили бы событию произойти» (Shtulman, 2009, p. 295).

Актуальность психологических исследований невозможного обусловлена тем, что в сознании современных людей возможное, допустимое по законам физического и социального миров, непротиворечиво уживается с невозможным — магией, верой в чудеса и т.п. Так происходит во всех странах. В просвещенном технологичном XX веке вера в колдовство, хиромантию, НЛО, лохнесское чудовище проявляется не в меньшей степени, чем в прошлые столетия. В нашем отечестве миллионы россиян верили в то, что А. В. Чумак удаленным способом может заряжать воду, наделяя ее целебными свойствами, а А. М. Кашпировский способен излечивать физические недуги на расстоянии (в 2024 г. 85-летний «целитель» вернулся в российское публичное пространство и по-прежнему собирает полные залы своих фанатов). У их адептов, воспринимающих такие «чудеса», дифференциация между воображаемым и действительным не абсолютна, граница между ними весьма неустойчива. Во время просмотра телепередач невозможные объекты и события пересекают границу и внедряются в сферу обыденной действительности. Результаты психологических исследований дают основание «предположить, что вера в непermanентность существования и вера в реальность необычных явлений представляют собой ветви одного дерева — наличия в психике современного человека особой потребности, которую мы называли “потребностью в необычном” или “потребностью в трансцендентном”.

Для удовлетворения этой потребности индивид стремится не просто к чему-то новому, а именно к необычному, нарушающему основы современной научной картины мира, выходящему за рамки возможного. Можно думать также, что неудовлетворенность этой потребности в современных рационализированных культурах лежит в основе повышенного интереса современного человека к сказкам, мифам, фантастическим произведениям, исследованиям необычных явлений и всему тому, что удовлетворяет "трансцендентальный голод"» (Субботский, 2007, с. 390).

Мир, в котором мы живем, развивается по определенным законам, согласно которым объективно существует не только возможное, но и невозможное: человек не может свободно проходить сквозь каменную стену, предметы не могут сами перемещаться в пространстве без внешних воздействий и т.п. «Возникает вопрос, какую роль подобные "невозможные" феномены могут играть в обыденной жизни человека. Используя термины гештальтпсихологии, можно предположить, что их наиболее очевидная функция состоит в создании "фона". Действительно, характеризуя невозможные феномены как "ложные", человек все же нуждается в них, поскольку они составляют оппозицию тому, что он считает истинным. Таким образом, если возможные феномены рассматривать как "фигуру", то невозможные займут положение "фона". Помимо того, что невозможные феномены постоянно воспроизводятся воображением, они культивируются в альтернативных, необыденных реальностях, таких как цирк (институт "цирковых волшебников" и фокусников), сновидения, визуальная и виртуальная реальности» (там же, с. 361). Невозможные феномены, помимо роли «фона», выполняют и другие функции в жизни субъекта. «В тех ситуациях, в которых рациональное мышление неприменимо или неэффективно, современный человек может прибегать к магическим манипуляциям с целью взять под контроль свои страхи и переживания (например, при мысли о возможности собственной гибели или гибели близких). Эта защитная, терапевтическая роль невозможных феноменов, будучи иллюзорной, тем не менее значима в жизни индивида» (там же, с. 368). Нерациональные и бесполезные с когнитивной точки зрения невозможные феномены оказываются психологически полезными в эмоциональной сфере понимающего мир субъекта.

Невозможное как один из психологических механизмов формирования и развития личности отчетливо проявляется в исследованиях

3.1. Невозможное

альтернативных жизненных историй. Некоторые нереализованные шансы, альтернативные варианты развития событий не смогли воплотиться в жизнь, но они сохраняются в психике субъекта, его подсознании. Они отражают хотя и неосознаваемый, но возможный жизненный сценарий, основанный на непринятой, отвергнутой человеком смысловой картине мира (Аванесян, 2018). Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор — это своего рода развилка, пройдя которую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своем прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию — в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке "перегиба" и связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер, эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует ее» (Аванесян, 2019, с. 267–268).

С точки зрения психологии возможностного мышления основная причина определения некоторых событий и ситуаций как невозможных заключается в принципиальной невозможности их предсказания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека. В какой-то момент психолог становится способным честно сказать:

«Я знаю, что этого не знаю и вряд ли когда-нибудь смогу узнать». Это значит, что он достиг ведающего, умудренного неведения, о котором говорил еще Н. Кузанский (2000). Иначе говоря, психолог осознал непостижимость предмета своего исследования.

Пониманию субъектом невозможных событий препятствуют трудности, испытываемые им при объединении элементов в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Ведь понимание — это всегда соотнесение нового с известным, включение предмета понимания в структуру личностного знания понимающего субъекта. А когда мы имеем дело с невозможным, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений — они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом.

Иногда понимание человеком жизненных обстоятельств как невозможных происходит из-за низкой самооценки своих психологических ресурсов. Невообразимым и невозможным человеку кажется то, что, по его мнению, он не способен выполнить, на что у него нет ресурсов. Комендант Освенцима Р. Гесс рассказывал о приказе Гимmlера об уничтожении евреев: «Он мог и переслать мне этот приказ, и я выполнил бы его, никуда бы не делся. У нас ведь было одно-единственное право — безоговорочно исполнять все поступавшие сверху приказы. Вот так. Часто он требовал от нас невообразимого — в нормальных условиях такое и представить себе трудно. Но как только приказ отдан, сразу же бросаешься его выполнять. И вот, что еще совсем недавно казалось тебе неосуществимым, оказывается вполне осуществимо, если поднапрячься. Вот такой пример. Я рассчитывал соорудить Вислинскую дамбу в Освенциме за три года, а он отпустил нам год, и мы ее соорудили» (Гилберт, 2021, с. 269).

На понимании событий как невозможных сказываются и моральные суждения познающего субъекта. В условиях дефицита времени люди склонны рассматривать аморальные события как невозможные, но когда они медленно обдумывают их, то нередко невозможность исчезает. «Когда суждения о моральной допустимости принимаются быстро, участники с большей вероятностью решали, что невероятные, иррациональные и невозможные действия недопустимы, что указывает на то, что представления о допустимости по умолчанию могут отражать представления о возможности» (Acierno et al., 2022).

3.1. Невозможное

В онтогенезе понимание невозможности событий формируется не одновременно, а постепенно. Маленькие дети склонны считать невозможные и невероятные события «неправильными» и заслуживающими наказания. Дети в возрасте 4–6 лет обычно отрицают возможность возникновения странных и маловероятных событий, они не могут представить себе обстоятельства, которые могли бы сделать их возможными. «Например, дети этого возраста отрицают, что у человека может быть домашняя зебра, и они могут отрицать это, потому что не могут смоделировать обстоятельства, которые позволили бы человеку приобрести ее. Например, хотя дети обычно отрицают возможность невероятных событий, таких как владение домашней зеброй, эта трудность может быть связана не с неспособностью моделировать. Вместо того чтобы пытаться (но безуспешно) смоделировать обстоятельства, которые могли бы привести к наступлению результатов, дети могут использовать эвристику, основанную на памяти, чтобы проверить, знают ли они о подобных результатах. С этой точки зрения дети отрицают возможность иметь домашнюю зебру, потому что не знают о подобных событиях» (Goulding et al., 2022). Маленькие дети используют эвристику подобия: они сравнивают то, что нужно понять, с похожими известными событиями, чтобы определить, возможно ли понимаемое. «Один из способов, с помощью которого дети могут судить о том, возможны ли события, — это использовать эвристику сходства. Услышав о событии или результате, дети могут искать в своей памяти примеры похожих событий. Если этот поиск в памяти успешен, дети приходят к выводу, что событие может произойти. Но если поиск не приводит к событию, достаточно похожему на целевое событие, дети могут отрицать, что оно возможно» (Goulding, Friedman, 2021, p. 662). Существуют возрастные различия в вере детей в реальность невозможных событий в зависимости от источника информации — из первых рук (участников событий) и из вторых рук (слухи): «Дошкольники выразили большую уверенность, основанную на слухах, по сравнению с их убеждениями, основанными на заявлениях из первых рук, и по сравнению с убеждениями базовой группы. Напротив, дети старшего возраста выражали меньше убеждений, основанных на слухах, по сравнению с их убеждениями, основанными на утверждениях из первых рук, и по сравнению с убеждениями базовой группы» (Lane et al., 2018, p. 1133).

Итак, постановка проблемы понимания возможных и невозможных событий и ситуаций обусловлена развитием новой области психологических исследований — психологии возможностного мышления. Она направлена не на поиск проявлений этого феномена в конкретной деятельности, а на анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым. В этой области психологической науки возможное интерпретируется как анализ альтернатив, потенциально или реально присутствующих в ситуациях человеческого бытия. Задача психолога — изучить, как, по каким основаниям субъект выбирает одни варианты возможных ходов, варианты жизни и т.п. и отвергает другие. Как возможное, так и невозможное представляют собой неочевидное, скрытое, латентное, психологический анализ которого очень актуален для психологии возможностного мышления. Исследование названных феноменов должно основываться на таком переосмыслении детерминации психического, согласно которому случайное следует рассматривать как закономерное проявление научной картины мира. Невозможное является неотъемлемой частью экзистенциального опыта понимающего мир субъекта. Актуальная задача психологических исследований — определить, как из онтологической случайности и неупорядоченности мира может возникать гносеологическая упорядоченность возможного и невозможного. Сегодня нельзя понять мир без анализа такого мысленного структурирования. Поскольку мир рассматривается учеными как веер возможностей, то «возможное» и «невозможное», безусловно, оказываются центральными проблемами современной науки.

Необходимо подвести предварительные итоги постановки и решения новой проблемы анализа психологических механизмов понимания невозможного. Можно выделить, по меньшей мере, шесть категориальных признаков, значений категории «невозможное». Значения зависят как от объективных обстоятельств, так и от знаний и ожиданий познающего субъекта: противоречие между логически допустимым и физически недопустимым; «беспричинность» события; неправдоподобие; неизвестное как невозможное; бессмысленность «ситуаций невозможности»; моральная оценка возможности-невозможности. Исследования понимания невозможного находятся еще в самом начале, но их научная значимость и перспективность не вызывают сомнения.

3.2. Невыразимое

Невыразимость — одна из важнейших характеристик знания. То, что мы знаем, но не можем выразить, в менеджменте и организационной психологии называется «подразумеваемым знанием»: «Что отличает подразумеваемые знания от объективных знаний, так это их характерное качество, свойство *непередаваемости*. Многие исследования повесток дня директоров, правительственных решений, а также решений, принятых в *чрезвычайных, внезапно возникнувших ситуациях*, показывают, что решения принимают в значительной степени на подразумеваемой основе» (Бомар, 2014, с. 54). Объем вербализуемых рациональных знаний у человека всегда меньше того, что он может или хочет сказать: «Мы не только знаем больше, чем действительно *хотим* выразить; мы знаем больше, чем *можем* выразить, и этот массив *невывказанных знаний* дополняет те знания, которые мы можем выразить в наших отношениях с теми, кто нас окружает, даже до той степени, что может вытеснить их [знания, которые мы можем выразить] » (там же, с. 139). В более широком культурном плане невыразимость является характеристикой этического, морального мышления человека, всегда испытывающего трудности с точным определением добра и зла: «Моральное мышление не может выразить то, что оно не может помыслить — о том, что не производно от него, не порождено им. Но одновременно моральное мышление и не о том, о чем оно способно высказаться — не о нормах, ценностях, идеях, добре и зле. Моральное мышление — не о том, о чем оно высказывается, а о том, о чем оно не может высказаться, но что человек не может обойти поступая. Моральное мышление есть незнающее знание о том, что твои моральные вербальные конструкции и весь багаж культуры не имеет значения — ты совершенно обнажен подобно Адаму перед данностью своего поступка» (Зубец, 2023, с. 48).

Одним из самых значимых оснований существования невыразимого является невербализуемость экзистенциального опыта субъекта. Анализируя экзистенциальную реальность мира человека, исследователи очень часто сталкиваются с невозможностью понимания психологических проблем, основанного только на познавательном знании. В частности, вербально невыразимый травматический опыт нельзя понять на основе знания, его можно только пережить и преодолеть. Подобные проблемы возникают в исследованиях когнитивного и аффективного бессознательного при понимании чужого человека

как врага, при анализе принятия или отвержения моральной допустимости абортов, эвтаназии, осознания и переживания терактов и т.п.

Понимание фактов и событий экзистенциальной реальности нередко воспринимается понимающим мир субъектом как невозможное, которое нельзя выразить только словами, нужны еще интуиция, озарение, созерцание — постижение в полном смысле этого слова. Сомнение в достаточности слова для описания предмета собственных исследований типично для представителей социогуманитарных наук и деятелей искусства (в театрах ставятся пьесы А. П. Чехова, основанные на одних и тех же сценариях, но очень различающиеся по образно-изобразительным средствам). События и ситуации экзистенциальной реальности невозможно описать с помощью логически непротиворечивого и вербально выражаемого знания. Поступок или происшествие становятся для человека субъективно значимым событием только в результате осмысления, освоения его на основе экзистенциального опыта. Естественно, что психологически событие формируется где-то на границе достоверного осознаваемого вербализованного знания и экзистенциального опыта субъекта. Ситуация приобретает событийное значение, если она воспринимается как значимая и эмоционально переживаемая человеком. Событийность следует понимать как одну из важнейших характеристик совместной жизни людей в обществе, их события. Событийность характеризуется насыщенностью эмоционально окрашенными переживаниями и открытиями, значимыми для конкретной личности. Основная характеристика событий и ситуаций в экзистенциальной реальности — их непредсказуемость, внезапность.

Неудивительно, что непредсказуемость мира отражается в языке, которым мы его описываем. В русской культуре часто употребляется частица «авось», означающая, что связанное с ней выражение описывает события, имеющие ничтожно малые шансы на их осуществление. Когда мы ее используем, то имеем в виду непредсказуемость жизни: поскольку она нами не контролируется, бесполезно строить какие-то планы и пытаться их осуществлять — остается только положиться на удачу: «Таким образом, русская частица “авось” подводит краткий итог теме, пронизывающей насквозь русский язык и русскую культуру, — теме судьбы, неконтролируемости событий, существованию в непознаваемом и не контролируемом рациональным сознанием мире. Если у нас все хорошо, то это лишь потому, что нам просто повезло, а вовсе не потому, что мы овладели какими-то знаниями или умениями

3.2. Невыразимое

и подчинили себе окружающий нас мир. Жизнь непредсказуема и неуправляема, и не нужно чересчур полагаться на силы разума, логики или на свои рациональные действия» (Вежбицкая, 1997, с. 79).

Невыразимость некоторых событий и ситуаций связана с ограничениями не только языка, но человеческого воображения: «Как уже отмечалось ранее, мыслимое и воображаемое в повседневной жизни пересекаются до такой степени, что понимаются почти как синонимы. Но эти две конструкции расходятся, когда мы подходим к таким понятиям, как необъятность Вселенной или поведение субатомных частиц, включая 10 (или 11, или 26) измерений теории струн. Эти взгляды относительно хорошо продуманы, с математическими теоремами, конкретными предсказаниями, постоянно растущим списком частиц и взаимодействий и горячо обсуждаемыми ограничениями. Однако они невообразимы. Они не относятся к повседневному чувственному опыту и не соответствуют метафорам, достаточным для передачи понятий тем, кто не следовал математическим, экспериментальным и космологическим данным, которые привели к теориям (“цепочкам отсчета” в терминах Латура)» (Hanson, 2023, p. 92).

3.2.1. Неожиданность и невероятность экзистенциальных событий

Мы живем в таком мире, в котором психологические исследования критических, изменяющих жизнь событий приобретают большое не только научное, но и практическое значение. Трудность и неоднозначность понимания людьми критических событий проявляется во многих сферах человеческого бытия, в которых присутствует конфликт фактов и оценочных суждений. Главная проблема состоит в том, что очень часто факты и мнения невозможно четко дифференцировать, точно определить то и другое. Примерами критических событий изобилует медицинская этика: пересадка органов, реанимация пациентов, умирающих от старческого слабоумия, и т.п. Особое и, пожалуй, центральное место в психологии человеческого бытия имеют события, возникающие в критические периоды жизни субъекта, т.е. тогда, когда происходит разрыв привычного существования. Это бывает при опасной болезни, утрате близких, страхе смерти у летчиков-испытателей или у обычных людей, которые оказались на месте теракта или техногенной катастрофы. Научно значимыми в этом контексте являются исследования понимания разными

категориями людей моральной допустимости эвтаназии, рациональных и эмоциональных оснований выбора у женщин, принимающих экзистенциально трудное решение об искусственном прерывании беременности, самопонимания хирургов, выполнивших неудачную операцию (Знаков, 2005; 2016). Критические события в жизни каждого из нас (тяжелое заболевание, неожиданная смерть близкого человека и т.п.) имеют очень значимый субъективный смысл. Критическими, нарушающими экологию внутренней среды являются также экстремальные природные факторы — стихийные бедствия и катастрофы, в том числе события, порожденные деятельностью человека, например, неосторожное обращение с огнем (Харламенкова, Никитина, 2020). Событие оказывается для субъекта критическим, если оно внезапно и коренным образом изменяет привычное течение жизни и потому требует от человека принятия решений о качественной реорганизации его бытия, а произошедшие изменения сопровождаются не кратковременными эмоциями, а стойкими аффективными реакциями.

А. О. Прохоров называет такие ситуации необратимыми. Он изучил характерные признаки психических процессов, возникающих у людей, попадающих в такие ситуации: «Так, неравновесное состояние, вызванное необратимой утратой, начинается остро и мощно. Многие описывают начальную стадию как ощущение шока, удара или притупления ощущений (“пустота, все кончено, тяжело, пусто”). В обратимой ситуации ощущения носили менее интенсивный характер: утнетенность, досада, болевые ощущения. В необратимой ситуации субъекты отмечали, что “жизнь как будто разделилась на до и после этого события”, “все воспринималось как кошмарный сон”, “все в тумане”, “все это происходит не со мной”» (Прохоров, 1998, с. 30). Наблюдаются изменения в психических процессах. Для *памяти* в необратимой ситуации характерна амнезия («ничего не помню», «память отключена») или концентрация воспоминаний на объекте утраты («вспоминала все, что связано с моим братом», «все, что связано с дочкой, ее игрушки, где играла, что носила», «вспоминала глаза, которые хотели жить»). «При необратимых ситуациях (в острый период) опрашиваемые отмечали резкое ухудшение *мышления*: “мысли путались, ни на чем не могла сосредоточиться”, “ничего не соображала”, “черные мысли о целесообразности существования”» (там же, с. 30). В необратимых ситуациях у людей возникает сумбуренность *речи*, трудность в подборе слов, причитания, иногда заикание или невозможность говорить.

3.2. Невыразимое

Внимание характеризуется высокой концентрацией на объекте или ключевых элементах ситуации: для необратимых ситуаций характерна погруженность в боль, утрату, горе. «Интересны различия в динамике психических процессов у *мужчин* и *женщин*. В отличие от женщин течение психических процессов у мужчин было менее эмоционально окрашено. При этом описания мужчин были более логичны, рациональны. Однако для них были характерны более крайние мысли — о самоубийстве и нежелании жить» (там же, с. 32).

В человеческом бытии наиболее распространенные критические события связаны со здоровьем. Например, «онкологическое заболевание несет в себе витальную угрозу. Как показывает опыт общения с онкологическими больными, неожиданность и непонятность возникновения и течения болезни способствуют восприятию ее больным как фатального события его жизни, его существования. Вследствие этого у людей, как здоровых, так и больных, представление о раке сопровождается такими предрассудками и мифами, которые усугубляют драматизм ситуации болезни» (Чулкова, Моисеенко, 2009, с. 151).

Внезапное осознание смертельного заболевания обычно вызывает у человека шок, а невозможность выхода из критической экзистенциальной ситуации часто приводит к различным формам психической дезадаптации. «После шока, вызванного сообщением о диагнозе, больному, чтобы существовать в изменившемся для него мире и принять болезнь, необходимо пройти несколько стадий: отрицание, агрессию, депрессию, попытку “сговора” с судьбой, принятие» (там же, с. 154). В таких случаях характер угрозы является внезапным, неизбежным и неотделимым от экзистенциальной ситуации человека.

Наиболее часто угроза осознается на стадии постановки диагноза опасного для жизни заболевания: «Ситуация постановки диагноза “онкология”, воспринимаемого обществом смертельно опасным, является психотравмирующим событием. Травмирующее воздействие такой ситуации, как и любого психотравмирующего события, сопряженного с угрозой жизни, обладает рядом характеристик:

- нарушает базовую потребность в безопасности, вплоть до угрозы жизни;
- не поддается контролю;
- имеет непредсказуемый результат;
- превосходит возможности человека самостоятельно прекратить это воздействие.

Подобное событие является колоссальной нагрузкой для психики человека из-за чрезмерно переживаемых чувств беспомощности и собственного бессилия» (Голубева, Голубев, 2018, с. 33).

Внезапность, неожиданность диагноза может вызвать у больного страх, возникновение тревоги и отчаяния (Иосифян, Арина, Николаева, 2019). В современной медицине ситуация онкологического заболевания никогда не является до конца ясной для врачей, в ней возможны самые разные варианты течения болезни: «Характер угрозы является неизбежным, неотделимым от человека, внезапным» (Никитина, 2021, с. 110). Неудивительно, что для этой экзистенциальной ситуации типична неопределенность прогнозов на будущее, боязнь скорого смертельного исхода, а также страданий и рецидива. Ситуация тяжелой болезни актуализует в сознании пациента иррациональные формы мышления, потому что она связана с опасностью для жизни, неопределенностью, непредсказуемостью.

Неверно было бы считать, что непредсказуемое, неожиданное происходит только в медицине, такие ситуации характерны и для других областей человеческой жизни, в частности для бизнеса. Очень показательным в этом отношении является название книги У. Бернштейна «Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному». Лейтмотивом книги является идея, что жизнь успешного бизнесмена должна проходить в состоянии «опережения непредсказуемых изменений» (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018) — как реакции на возможное внезапное снижение курса валют, обвал фондового рынка, разорение компании и т.п. Бизнесмен просто обязан ожидать таких изменений: «К примеру, для тех, кто знаком с крахом Long-Term Capital Management, недавний обвал рынка не был неожиданностью. Предсказать подобные злоключения попросту невозможно, однако важно понимать, что время от времени они случаются, и учитывать это, выстраивая свою долгосрочную инвестиционную стратегию» (Бернштейн, 2010, с. 14).

Готовность к восприятию неожиданных возможностей очень важна в творчестве, рассматриваемом под углом зрения преодоления хаоса как такого преобразования незавершенности мира, которое способствует творческому совершенствованию субъекта: «Хаос в окружающем мире и во внутреннем мире человека — явление амбивалентное. Он может быть результатом распада тех или иных форм жизни и культуры, но он же несет в себе и предвосхищение будущего,

3.2. Невыразимое

неисчерпаемые возможности изменений, обновления, создания еще не бывшего» (Мелик-Пашаев, 2020, с. 25).

Обобщая, можно утверждать, что «человек должен быть готов к восприятию неожиданных возможностей. Большинство людей придерживается жестких стереотипов, заданных генетическими программами и социальной средой, и потому не замечает возможности выбрать другой курс. Жить, руководствуясь исключительно генетическими и социальными инструкциями, можно до тех пор, пока все идет хорошо. Но неизбежно настает момент, когда биологические или социальные потребности индивида оказываются фрустрированы и ему нужно формулировать новые цели, создавать новые возможности для переживания состояния потока, иначе его энергию поглотит внутренний хаос» (Чиксентмихайи, 2011, с. 311–312). И наоборот, если у человека нет установки на восприятие и понимание неожиданного, то многие социальные ситуации могут вызвать у него не только стресс, но и психические отклонения. Неспособность прогнозировать возможное может приводить к неврозогенезу. На этом положении построена антиципационная концепция неврозогенеза В. Д. Менделевича. В ней ведущим понятием является антиципационная несостоятельность, играющая значимую роль в патогенезе невротических расстройств. «Антиципационная состоятельность (прогностическая компетентность) — это способность личности с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и собственные реакции на них, действовать с временно-пространственным упреждением. В свою очередь антиципационная несостоятельность характеризует низкий уровень способностей личности к предвидению развития ситуаций и собственные поступки, в том числе при фрустрации» (Граница, 2018, с. 31). Неожиданность сообщений или неожиданный поворот событий нередко становится поводом для возникновения психической травматизации. В. Д. Менделевич выделяет неспособность прогнозирования событий в угрожающих ситуациях в качестве ведущего механизма неврозогенеза. В рамках этой концепции осуществляется психологический анализ антиципационной несостоятельности у здоровых и больных, мужчин и женщин, людей с выраженной и невыраженной способностью к интуиции и т.п.

Таким образом, неожиданность, невероятность и непредсказуемость — это неизбежные, неустраняемые характеристики критических экзистенциальных ситуаций.

3.2.2. Невыразимость экзистенциального травматического опыта

В современной научной литературе наиболее ярким проявлением такого опыта считаются свидетельства выживших узников нацистских лагерей смерти. Холокост, описание его причин, всегда был и остается для стороннего наблюдателя типичным проявлением невыразимого. Вот как пишет об этом один из наиболее глубоких исследователей этой человеческой катастрофы З. Бауман: «Я осознал, что действительно не понимал того, что происходило в “том мире, который не был моим”. Ибо произошедшее там нельзя объяснить тем простым и доступным образом, который я по своей наивности считал достаточным. Я понял, что Холокост не просто зловец и ужасен. Это событие абсолютно непостижимо в привычных “нормальных” понятиях. Оно зашифровано особым образом, и чтобы понять его, требуется взломать шифр» (Бауман, 2010, с. 8). Свидетельства жертв Холокоста принято анализировать в терминах посттравматического стресса и травмы. Такой фокус анализа позволяет лучше понять, почему свидетели не могут точно выразить, а нередко и не хотят думать о чудовищных обстоятельствах, которые повлияли на формирование их невыразимого опыта. Такой невыразимый и невыразимый опыт является не только индивидуальным, но и коллективным. Рассмотрим эти два основания подробнее, но сначала скажу о трех значениях слова «невыразимый», которые приводит Т. Трезис в работе, ставшей уже классической для этой области исследований. Что люди имеют в виду, когда говорят, что Холокост невыразим?

1. Слово «невыразимый» означает «словесно непредставимый», «неописуемый». Сказать, что Холокост невыразим, значит заявить, что это травмирующее историческое событие просто превосходит все имеющиеся в нашем распоряжении средства его вербального представления.

2. «Невыразимое» означает «плохое», «нежелательное» или даже «ненавистное». Его употребляют для характеристики социально неприемлемых явлений или моральных суждений, например, когда люди говорят о «чудовищных злодеяниях Гитлера». То, что невыразимо, — плохо, нежелательно или ненавистно.

3. «Невыразимое» — то, что нельзя произносить. Здесь невыразимое квалифицирует «священный» объект, т.е. объект, о котором нельзя говорить либо потому, что он находится за пределами профанного

3.2. Невыразимое

мира и его языка, либо, потому что говорить на этом языке было бы профанацией (Trezise, 2001).

В традиции отечественной теоретической мысли, начало которой заложено в работах А. А. Потебни (1989), при анализе произведений литературы и искусства отчетливо выражено стремление выразить невыразимое, выйти за границы изреченного, прочитанного и узнанного. «Невыразимое» традиционно занимает видное место в российской философской и литературоведческой проблематике. «Семантика невыразимости является парадоксальным вербальным способом выразить невыразимое, потаенные смыслы, “рационально не постигаемое начало мира”» (Сырица, 2009, с. 294). Для человека опыт невыразимой словами психической травмы — это опыт конфликтного отрицания: с одной стороны, он не может его вербализовать, с другой — не может не пытаться сделать это.

Российские и зарубежные ученые неоднократно анализировали проявления невыразимого в произведениях русских писателей и поэтов. «Можно отметить различные по содержанию проявления невыразимого в лирике русских поэтов XIX века. У В. А. Жуковского невыразимое приравнено к божественно-тайному, единству, недостижимому в земной жизни, и подобные смутные ощущения доступны для чувственной сферы каждого человека. Представление о том, что поэты способны ощущать сверхреальное, в отличие от “обывателей”, происходит позже, у Любомудров» (Гатаулина, 2022, с. 71). В лирике М. Ю. Лермонтова «мотив невыразимого порождается чувством разобщенности внутреннего мира человека: поэт отделен от жизни общества, но ему доступно звучание, которое не услышит непосвященный... У Ф. И. Тютчева же невыразимое возникает при столкновении души говорящего с непонятным для него внутренним миром “другого”, а также с целым мирозданием. Поэт намеревается сохранить собственный внутренний мир и вернуть прежнюю целостность мира, он старается проявить эмпатию при сохранении индивидуального» (там же, с. 72).

Интересная книга Портера Эббота, посвящена непознаваемому и невыразимому в литературе (Abbott, 2013). Он утверждает, что читатели всегда должны пытаться разрешить двусмысленности и неопределенности в литературных текстах. Однако в любом значительном литературном произведении есть идеи, остающиеся за пределами нашего понимания, существуют пробелы, которые нельзя

заполнить, разумы персонажей, не поддающиеся познанию. Эббот считает, что неотъемлемой частью опыта чтения являются и намеренно вызванные состояния незнания. В литературном произведении существуют принципиально незаполняемые пробелы (Эбботт называет их «вопиющими пробелами»), «пробелы, которые мы просто не можем заполнить, но которые требуют заполнения, чтобы завершить повествование» (ibid., p. 112). Есть «мудрость в том, чтобы принять с полным когнитивным осознанием тот факт, что есть вещи, которые мы просто не знаем и не можем знать» (ibid., p. 115).

Почему так важно не пытаться заполнить пробелы и каковы преимущества пребывания в когнитивной двусмысленности? Эббот пытается рассмотреть проблему непознаваемого и невыразимого в контексте самотождественности Я как единстве Я эмпирического и Я трансцендентального. Ссылаясь на Э. Левинаса, он утверждает, что прежде всего важно признать, что другой — это абсолютно другой, который не может быть сведен к роли или функции в моем мире. Ученый считает, что для Левинаса глубинным мотивом, стоящим за потребностью читать других, является страх потерять целостность своего Я «под чарами другого». У читателя есть личная заинтересованность в том, чтобы не уменьшать и не упрощать другого. При этом таинственность, непроницаемость разума другого человека определяется закономерным незнанием: «Наше постоянное отсутствие знаний включает в себя больше, чем то, чего мы не знаем и не будем знать о том, что происходит в умах других людей. Загадки Я, которые я рассматривал в первой и второй частях, — это загадки, которые всегда с нами и поэтому всегда, в этом смысле, доступны, если их легко игнорировать или заменить тем, что считается знанием. Умы других людей, включая загадки собственного Я, которые должны пребывать в этих умах, представляют собой другой вид непознаваемости. Это непознаваемость, которая приходит вместе с вашим существом, в какой-то степени запертым от умов других. Его тоже можно легко игнорировать или описывать с уверенностью» (ibid., p. 151).

Эббот пытается рассмотреть проблему невыразимого в контексте самотождественности Я, он анализирует ее как единство эмпирического Я и Я трансцендентального. В прошлом веке ту же проблему решал русский символист Вяч. Иванов. Для него трансцендентальным является понятие Другого, которое «в учении Иванова рассматривается в двух значениях: Другой как инаковость (другое вообще) и Другой как

3.2. Невыразимое

другое лицо моего “Я”. Оба понятия объединяет идея самопонимания индивида. Понятия сосуществуют, объясняя друг друга: инаковость Другого открывается через понимание себя и наоборот. Основная мысль рассуждений Вяч. Иванова: человек для самосознания должен постоянно стремиться понять Другого, который находится не только рядом, но внутри собственного мира личности» (Царева, 2019, с. 68–69).

В целом можно сказать, что содержание книги П. Эбботта далеко выходит за узкие рамки литературоведения: проблемы неизведанного и невыразимого обсуждаются в ней в широком антропологическом социогуманитарном контексте.

Общим как для писателей, так и для ученых является представление о невыразимости в языке сути вещей и явлений, невозможность передать гармонию природы и жизни человеческой души. Невыразимое указывает на то, что невозможно выразить в словах, и находится на границе, за которой скрывается тайное. Невыразимость мира посредством языка является одной из фундаментальных характеристик научного мышления, проявляющейся, в частности, в историческом познании. В «Метаистории» Х. Уайта описываются четыре способа осмысления прошлого, основанные на разных когнитивных схемах понимания и осознания идеи истории. Например, «лингвистический тип иронического сознания отражает сомнение в способности самого языка адекватно воспроизвести то, как природу реальности передает восприятие и конструирует мышление. Он развивается в контексте осознания фатальной асимметрии между процессами реальности и любой вербальной характеристикой этих процессов» (Уайт, 2023, с. 272). Ироническая схема рассуждений эффективна не всегда: «Иронический стиль в целом преобладал в периоды борьбы с суевериями, объявлялись ли суевериями наивная религиозная вера, монархические привилегии аристократии или самоудовлетворенность буржуазии. Ирония представляет завершение эпохи героев и способности верить в героизм. Антигероизм и делает иронию “антитезой” романтизма. Однако, когда она возникает как другая сторона трагического восприятия мира, как обзор того, что осталось *после агона* (борьбы, состязания. — В.З.) героя с богами, судьбой или своими собратьями, то стремится подчеркнуть темную изнанку жизни, взгляд “снизу”» (там же). В европейской исторической мысли XIX века типичным представителем иронического стиля иронического познания был Я. Буркхардт: «Воззрение Буркхардта на историю зародилось в том состоянии иронии, в котором остановился

взгляд Токвиля. Энтузиазм романтизма, оптимизм комедии, смирение трагического мировосприятия были не для него. Буркхардт обозревал мир, в котором добродетель, как правило, была поругана, талант извращен, а власть обращена на службу низменным потребностям. Он находил в своем времени очень мало достоинств и ничего такого, чему можно быть безоговорочно преданным» (там же, с. 274). Неудивительно, что такое мировоззрение способствовало приверженности Буркхардта ироническому стилю познания, в основе которого лежало убеждение в невыразимости и непостижимости мира: «Он рассматривал объект своего изучения — историческое поле — иронически, как поле, смысл которого неуловим, неопределим и воспринимаем только рафинированными интеллектуалами, слишком тонок, чтобы пробиваться к нему силой, и слишком возвышен, чтобы его игнорировать» (там же, с. 292).

В исторической науке невыразимость мира, пожалуй, наиболее ярко проявляется при анализе введенного во французской Школе «Анналов» понятия «ментальность». По своей природе оно является неопределенным, расплывчатым и даже двусмысленным. «Внедрение в историческое исследование понятия “ментальность” представляет важнейшее научное завоевание. Историки предшествовавшего времени на слово верили текстам источников, ограничиваясь формальной критикой их достоверности. Изучение ментальностей, т.е. такого слоя человеческого сознания, который не прорефлектирован, не осознан полностью, потаен от самих его носителей, открывает новые перспективы. Историк получает возможность проникнуть в тайники общественного сознания, увидеть в нем то, о чем, возможно, не догадывались сами обладатели этих тайн. Тем самым исследователи ближе подходят к подлинным побудительным причинам поступков людей, не ограничиваясь декларируемыми ими заявлениями, которые вполне могут быть не только намеренным обманом, но и самообманом, иллюзией; историки вскрывают социально-культурные автоматизмы поведения индивидов и групп» (Гуревич, 1991, с. 538).

3.2.3. Невыразимый опыт как компонент психологии возможностного мышления

На индивидуальном, личностном уровне осмысления невыразимого опыта субъект сталкивается с недоступностью своих видений прошлого, кошмаров для сознания и памяти. В лагерях смерти произошли

3.2. Невыразимое

события, о возможности которых раньше никто не мог подумать, они не только изменили привычные способы осмысления мира человека, но и впоследствии качественно преобразовали научные знания о травме. Как отмечает К. Карут, «травма — это не просто патология, но способ или попытка выражения истины. Травматические образы и повторы — это не искажения реальности; скорее, они возникают как следствие чрезмерности увиденного» (Травма: пункты, 2009, с. 561). Сознание выжившего не справляется с осмыслением чудовищности произошедших событий, они являются для него бессмысленными и потому непостижимыми: «Особенность видений из прошлого в том, что они — не просто прямая репрезентация события, подобно буквальному смыслу, но скорее что-то вроде отпечатка или воспроизведения, у которого нет смысла. То, что передается здесь, — это не просто событие, т.е. нечто, что может быть рассказано обычным образом, но неспособность события обрести смысл, стать частью сознания. Чтобы видеть, надо не осознавать. Видение из прошлого фактически говорит: ты должен видеть, но ты не можешь знать. Видимая “буквальность” образа поэтому есть не репрезентация события, но сила его непостижимости или сопротивляемости осмысливанию. Образ на самом деле говорит: есть что-то, что ты еще не понял» (там же, с. 565).

Коллективный уровень осмысления невыразимого опыта состоит в осознании того, что индивидуальные следы травмы можно и нужно связывать с предшествующей травматизацией родственников травмированного. К. Карут пишет: «К примеру, о ветеранах Вьетнама можно сказать, что они травмированы не только войной, но и теми детскими травмами, для которых военные события стали спусковым крючком; в свою очередь, эти травмы детства имели связь с военными травмами их собственных отцов. В более широком масштабе в одном исследовании было обнаружено, что вероятность травматизации израильских солдат — участников войны в Ливане была на 75 процентов выше, если их родители пережили Холокост» (там же, с. 573). К коллективным причинам не только неумения, но и нежелания рассказывать о пережитом относится и ориентация на принятый в общественном сознании императив молчания о Холокосте, замалчивания прошлых актов насилия. Отказ свидетельствовать является следствием также неспособности друзей и читателей верить в правдивость рассказываемого. Вместе с тем у последних есть групповые основания сокрытия истины: «Можно сказать, что история, которая мне не принадлежит,

есть история молчания. И это молчание не является моей собственностью, но несет в себе историю других» (там же, с. 578).

В искусстве, особенно в немногочисленных фильмах о Холокосте, невыразимый опыт представлен как то, с чем невозможно справиться в одиночестве и о чем, может быть, даже не стоит говорить. На поверхностном уровне анализа прошлого это нередко проявляется в попытках не допустить возникновения у зрителя негативных переживаний, заменив их изложением сюжета: «Таким образом, возникшая индустрия фильмов о Холокосте приводит к вытеснению и забвению трагедии, формируя то, что Э. Сантнер называет “нарративным фетишизмом”» (Травма: пункты, 2009, с. 389–407). «“Нарративный фетишизм” — способ, который предполагает отказ от скорби. Вместо этого он стирает следы травмы, заменяя траур сюжетным оформлением» (Дремова, 2021, с. 223).

3.2.4. Молчание и осмысление как способы понимания невыразимого

Практически все свидетели ощущают недостаточность возможностей языка для выражения опыта пережитого. Во время свидетельства выжившие узники сталкиваются с невыполнимой задачей: вообразить невообразимое и описать неопишваемое. В результате важнейшей составляющей дискурса становится несказанное, воплощенное в молчании. Анализируя еврейско-американскую и арабо-американскую литературу о Холокосте, М. А. Аль-Агбери пишет: «В процессе он пытается преодолеть разрыв между миром, который читатель способен постичь, и миром, который никогда не видел, даже в кошмарах. Чтобы достичь этого, дискурс Холокоста выходит за рамки структурных ограничений языка и превращается в передаваемый метадискурс молчания» (Al-Aghberi, 2015, p. 61). Молчание выживших само по себе является важным источником информации для психологов: свидетели осознают, что должны говорить, но не знают, как это сделать, потому что после произошедших событий у них нет никакой рассказанной истории, есть только «замороженный» невыразимый опыт. Обращение к опыту трудно еще и потому, что такое действие способствует повторному переживанию того, что хочется забыть: «Учитывая, что у Холокоста две жертвы (те, кто умер, и те, кто выжил), рассказ о травмах для выживших становится своего рода повторным проживанием события; поэтому они умирают дважды.

3.2. Невыразимое

Склонность к невыразимости дает выход, хотя и не может скрыть напряжения между двумя импульсами: импульсом сказать и дать миру знать и противодействующим импульсом подавить рассказ и забыть, чтобы жить нормально. В этот момент проявляется важность молчания как попытки проникнуть в тень переживания» (там же, с. 63). Молчание, разумеется, вызывает трудности в общении, но тем не менее не способствует утрате у говорящего надежды на понимание. Парадоксальность такой надежды отмечает Е. Г. Трубина: «Невыразимость и непостижимость происшедшего часто толкает выжившего на парадоксальную реакцию, в которой неверие в способность окружающих понять то, что он пережил, совмещается с надеждой на такое понимание» (Травма: пункты, 2009, с. 908).

Еще одной причиной молчания как следствия взаимного непонимания являются разные значения слов в пределах одного и того же языка (например, немецкого), которые имеют в виду выжившие и их аудитория. В частности, в нацистских концлагерях врач — это не тот, кто помогает и лечит, а тот, кто намеренно причиняет вред больным и раненым вместо того, чтобы исцелять их. Непонятно, вообще уместно ли слово «врач» в таком случае. «Основная трудность выживших заключается в том, чтобы найти язык, повествование, стиль, который не позволит их свидетельствам, а значит, и им самим оказаться за пределами нашего сообщества. Чтобы выразить словами свой ужасный опыт, выжившие должны выступить против наших моральных убеждений» (Kusch, 2019, S. 989). В качестве примера можно привести высказывание Э. Визеля, одного из самых известных узников Холокоста: «Мне нужно было многое сказать, но у меня не было слов, чтобы это выразить. Болезненно осознавая свои ограничения, я беспомощно наблюдал, как язык становится препятствием. Но как уметь реабилитировать и трансформировать слова, которые враг предал и развратил? Голод, жажда, страх, транспорт, отбор, огонь, дымород; все эти слова имеют внутреннее значение, но в те времена они обозначали нечто иное» (цит. по: Kusch, 2019, S. 982–983). В результате у рассказчика возникает «языковое отчаяние»: «Различные размышления о том, что я называю “лингвистическим отчаянием”, связаны со знаменитой — или, возможно, печально известной — темой “невыразимости” страданий, перенесенных людьми, пережившими Холокост. Легко понять, как возникает эта связь: когда два мира — или планеты — очень различны и, возможно, несоизмеримы, имеют

несоизмеримые языки, то невозможно описать события “мира смерти” языком “мира жизни”» (ibid., S. 985).

О том, что язык может не способствовать, а препятствовать пониманию мира, свидетельствует не только психология травматического опыта, но и литературоведение: «Иногда говорят, что эта новая проза есть именно предприятие в области языка и что будущее литературы лежит в признании ею принципиальной невозможности адекватно представить себе мир, если наивно и неограниченно доверять языку. Но когда читаешь такие утверждения, то легко прийти к выводу, что литературные произведения должны представлять собой произведения языковые, не имеющие денотатов в сфере действительности — ни непосредственных, ни косвенных, ни идиографических, ни трансформированных. Однако вскоре обнаруживается, к немалому удивлению, что это совсем не так» (Лем, 2023, с. 230–231).

Ученые отмечают, что психология молчания изучает широкий круг психологических феноменов. Они включают молчание как способ саморегуляции, молчание как выражение чувств, молчание как отказ от взаимодействия, молчание, связанное с погружением в себя для саморефлексии или творчества, и другие виды умственной активности (Ожиганова, 2016). За молчанием понимающего мир субъекта скрывается и рациональное, и интуитивное знание (осознанное и бессознательное). По признаку отсутствия интенции выделяется «опустошенное молчание» вследствие того, что душевные силы покидают человека (опустошенный — лишенный нравственных сил, не способный к творческой, активной жизни) и «аффектное молчание», вызванное сильными эмоциями: человек в приступе сильного нервного возбуждения (ярости, ужаса, отчаяния) или состоянии кратковременного сильного нервного возбуждения не способен к речевым и неречевым коммуникативным действиям. «Аффектное молчание, как и опустошенное, не носит деятельностный характер, не обладает интенциональностью. Но если опустошенное молчание говорит о *нежелании* субъекта вступать во взаимодействие, то аффектное молчание — о *невозможности* совершить какое-либо действие, как речевое, так и неречевое. Опустошенное молчание продолжительно, длительно. Молчание вследствие невозможности совершить действие — мимолетно, кратковременно. Субъект речи достаточно быстро возвращается к контролю над своей деятельностью. Аффектное молчание — не интенциональное, но значимое для коммуникации:

3.2. Невыразимое

оно позволяет коммуниканту считывать состояние собеседника» (Копылова, 2022, с. 13).

Во время молчания у субъекта происходит «переключение внимания, временное прекращение мыслительного процесса, после чего, как правило, возникает понимание, другое видение, открывается новый путь к решению проблемы, создается возможность для того, чтобы сформулировать рекомендацию, дать совет» (Ожиганова, 2020, с. 90). В дидактике подчеркивается, что молчание по своей природе диалогично, оно направлено на поиск нового смысла путем сопоставления разных смысловых позиций общающихся людей: «Молчание — это всегда “цель” в языке, через которую видна новая реальность. Граница слова и молчания — колыбель, в которой рождается новое знание. Молчание есть пауза, зазор между смысловыми позициями, словами. Человек создает контекст возле некоей лакуны, чтобы ее заполнить. Однако заполнить можно только *выйдя за пределы*, края этой лакуны, совершив “прыжок”. Молчание — “переход”, “прыжок” от одного смысла к другому. Во время “прыжка” нет мысли, лишь после него этот разрыв тут же заполняет мысль, а значит, речь — внутренняя и внешняя» (Король, 2019, с. 9).

Философы и методологи социогуманитарного познания указывают на то, что молчание — неотъемлемый признак мудрости. Молчание важно для мудреца, потому что он понимает, что бытие глубже сознания человека, его слов и мыслей. Мудрец говорит о том, что есть, т.е. о бытии мира и вещей. Обычно мудрец хранит свою мудрость в уединении, для него важно хранить ее. Большею частью он молчит, а говорит, лишь когда захочет или когда случается что-то из ряда вон выходящее. «В сущности, мудрец мудр и сам по себе, ему не нужно говорить. Ничто не понуждает его говорить, ничто не обязывает его распространять свою мудрость, учить ей или выказывать ее. Этим объясняется то, что мудрец, так сказать, структурно молчалив. А если и говорит, так только если кто-то обратился к нему с вопросом или если в государстве чрезвычайная ситуация» (Фуко, 2014, с. 26–27). Связь молчания с глубинными проблемами человеческого бытия, отражающимися в невыразимом опыте, подчеркивал А. Ф. Лосев: «Мудрецы обошли всю землю и небо, познали все тайны и могут помочь просящему о помощи только одним — молчанием. В этом заключается их мудрость, ибо молчат они не потому, что им нечего сказать, а потому, что им известна суетность всякого слова и мысли,

что жизнь гораздо глубже слова и мысли, что и бытие глубже самого человеческого сознания» (Лосев, 1979, с. 374).

Молчание является важной составляющей человеческой коммуникации. «Безмолвие не является полной противоположностью речи, а зачастую становится необходимой паузой в процессе коммуникации, позволяющей собеседникам обдумать услышанное и понять, в какое русло далее направить разговор или какие наиболее точные слова подобрать к выражению собственных чувств и умозаключений» (Гатаудлина, 2022, с. 75). В разговоре молчание возникает по разным причинам. О некоторых событиях человек не может рассказать другим, потому что они слишком личные, смущающие или непристойные. «Некоторые личные переживания, которые можно назвать необычными, по той же причине невыразимы, поскольку смущают рассказчика и слушателей. Некоторые истории могут также посвящать на частную жизнь третьих лиц, как мы видим в бульварной прессе. Подробности болезней и медицинских процедур, сексуального поведения, фантазий и т.д. не имеют места в историях, рассказываемых в вежливой беседе многими людьми в большинстве языковых сообществ. Точно так же, как истории должны сообщать о событиях, выходящих за рамки повседневного опыта, они не должны слишком отходить от стандартов сообщества. Кроме того, истории об изменах, проступках и преступлениях могут быть откровенно опасными — из-за страха, что пострадавшие лица или власти узнают об этом и потребуют возмездия» (Norricks, 2005, p. 323–324).

В диалогах существуют и «невыразимые истории» (Ochs, Capps, 2001). Есть события, которые недоступны для повествования, потому что они слишком болезненны: о них не может быть рассказано из-за избирательной памяти, которая фильтрует опыт, детскую амнезию или травму. «В ходе разговора некоторые рассказчики могут утверждать, что они могли бы рассказать примечательную историю, но по какой-то причине они этого не сделают, потому что, например, они обещали кому-то, что не будут» (Baroni, 2014, p. 838). Вместе с тем надо иметь в виду, что в общении молчание не только индивидуально, но и коллективно: молчание и замалчивание какой-то темы как культурно обусловленные практики никогда не являются просто вопросом личного выбора, они основаны на общих оценках и ресурсах поведения, которые считаются приемлемыми или желательными в любой конкретной ситуации. В частности, верующих

3.2. Невыразимое

можно заставить следовать традиционным речевым моделям, которые определяют форму и содержание их личного религиозного опыта. С одной стороны, это приводит к замалчиванию и маргинализации альтернативных интерпретаций, а с другой — может стать предварительным условием для того, чтобы вас приняли в религиозную общину. «Специфичным для русского языка является большое количество единиц, репрезентирующих молчание как духовную практику, указывающих не только на факт добровольного отказа от речи как некий церковный ритуал (как, например, *silencio*), но и на молчание как на отшельнический образ жизни, как на состояние человека, связанное с духовной созерцательностью, молитвенным состоянием духа, с успокоением, душевной гармонией, душевным состоянием благости (*тишина, тихота, тихость*)» (Копылова, 2022, с. 21–22).

Обобщая, можно сказать, что «молчание касается тайны и священного, слишком фундаментальных, чтобы их можно было раскрыть, а также вещей, слишком очевидных, чтобы их можно было заметить и о которых можно было бы говорить. Из этого неоднозначного пространства, одновременно очень личного и коллективного, молчание возникает как важнейшая составляющая социальной жизни и культурного творчества» (Seljamaa, Siim, 2016, p. 11).

В XXI веке совершенствование технологий, широкая распространенность гаджетов породили проблему, с которой сталкивался каждый университетский преподаватель: студенты перестали задавать вопросы. Нередкой является коммуникативная ситуация, в которой ответом на призыв профессора задавать вопросы является молчание аудитории. У современных молодых людей культура устного общения в значительной степени заменилась установкой на обмен короткими текстовыми сообщениями. «Так, проведенный в 2017 г. опрос жителей США и Великобритании выявил, что подавляющее большинство (70%) респондентов, относящихся к поколению Z и миллениалам, отдают предпочтение не телефонным звонкам, а виртуальному общению посредством текстовых сообщений [Stockwell, 2016] » (Клейменова, Щирова, Сергаева, 2024, с. 148). Мозаичность интернетной картины мира, доступность посредством гаджетов самой разнообразной информации порождает иллюзию легкости ее понимания. В результате не возникает чувства непонимания, побуждающего человека задавать вопросы. Непонимание предполагает осознание пробелов в своей картине мира, а этому как раз препятствует иллюзия доступности и

понятности получаемого из интернета знания. «Очень хорошим примером является использование калькулятора вместо устного или хотя бы письменного счета. Если простым нажатием кнопок получаешь результат, то, во-первых, незадействованными оказываются мыслительные механизмы, а во-вторых, не формируется представление о порядках чисел. Но то же самое происходит в отношении любого другого познаваемого фрагмента реальности. Какие-то вполне случайные знания добавляются, но не встраиваются в общую картину, поскольку отсутствует умение располагать их в системе родовидовых отношений. Все сказанное ведет к тому, что не возникает ключевой для вопрошания ситуации непонимания. Только чувство непонимания может вести к настоящему интересу, вопросам и в конечном счете к серьезному знанию» (Донских, 2018, с. 113). Конечно, не только современные технические устройства «виноваты» в молчании студентов. «Невопрошающее молчание» студентов на лекции или семинаре следует рассматривать как коммуникативную неудачу, имеющую несколько социальных и психологических причин: гносеологическую неозабоченность, отсутствие интереса к предмету; незаинтересованность в преподавателе; отрицательное или равнодушное отношение к предмету; опасение показаться глупым, невежественным или некомпетентным и т.д. (Дащинский, 2024). Все они представляют собой серьезные проблемы для современного образования.

Таким образом, приведенные выше психологические и культурные причины, по которым люди не хотят или не могут описать словами свой экзистенциальный опыт и формулировать вопросы к нему, следует считать попытками выражения невыразимого либо, наоборот, нежелания выразить его. Для психологов они представляют очень значимый материал, приоткрывающий завесу над пониманием того, что первоначально кажется принципиально непостижимым.

3.3. Таинственное

В философии, антропологии, психологии распространенным является мнение о том, что любой человек — это тайна, загадка, без разгадывания которой его невозможно понять. Для современной социогуманитарной науки символичным и вместе с тем типичным является название статьи П. С. Гуревича: «Тайна человека — вечная проблема» (Гуревич, 2018). Классическим стало суждение Ф. М. До-

3.3. Таинственное

стоевского, написавшего в 1839 г. брату Михаилу: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (Достоевский, 1987, с. 317).

Многие крупные ученые обсуждают тайну не в литературном и мистическом ключе, а как реальный научный феномен. В частности, Д. Чалмерс говорит о внутреннем единстве двух тайн (таинственными являются сознание и квантовая механика), он полагает, что между двумя этими наиболее загадочными проблемами может существовать какая-то глубокая связь. Чалмерс пытается вывести «закон минимизации тайны»: «Если есть две тайны, то соблазнительно предположить, что у них имеется общий исток. Это искушение усиливается тем обстоятельством, что проблемы квантовой механики кажутся тесно сопряженными с понятием наблюдения, сущностным образом предполагающим отношение между опытом какого-то субъекта и всем остальным миром» (Чалмерс, 2013, с. 413).

Проблемы непостижимого и таинственного занимали умы многих ученых. Например, К. Поппер не сомневался в существовании непостижимых тайн, сравнивая теологический и атеистический способы познания мира, он говорил: «Мы можем знать, как мало мы знаем, но это не должно оборачиваться позитивным знанием о существовании непостижимых тайн. В мире неизмеримо много непостижимо таинственного, но я считаю неприемлемым как выводить теологию из недостатка знания, так и оборачивать наше неведение в нечто вроде позитивного знания. Некоторые виды атеизма бездумны и самонадеянны, они должны быть отвергнуты, но агностицизм — признание незнания и исследование — это правильный путь» (Буров, 2014).

Само понятие тайны указывает на отсутствие однозначных знаний о человеке: тайна — это вопрос без ответа. Экзистенциальная сфера нашей жизни обычно строится на отсутствии достоверных знаний или хотя бы согласованных мнений. Л. И. Анцыферова писала: «Главное же, что должен понять человек, выстраивающий свою жизнь в этой действительности, это то, что миру свойственно неожиданное и невероятное, мир полон тайны» (Анцыферова, 2004, с. 22). Следствие объективной таинственности мира состоит в том, что важной частью экзистенциального опыта субъекта является не только непостижимое, но и тайна. По существу, осознание «непостижимого для нас» (Франк, 2007) означает признание того, что некоторые стороны

экзистенциального опыта хотя и реальны, но непостижимы и даже таинственны. Некоторые компоненты психики человека непостижимы и таинственны не вследствие слабости наших познавательных способностей, разума и рассудка, а потому, что их невозможно представить в понятийном знании.

В человеческом бытии есть немало тайн, в которые люди непосредственно вовлечены и которые следует рассматривать только в контексте экзистенциальных ситуаций. Это является следствием того, что «современный человек живет в двух различных мирах — реальном, действительном, не зависимом от субъекта и познаваемом им, и в ирреальном, не существующем в действительности, не доступном разумному познанию, загадочном, мистическом, таинственном мире. Стремление человека к необычному, непознанному заложено изначально и продолжает оставаться неуничтожимой парадигмой взаимоотношения рационального и иррационального. Он не может и не хочет искоренить свое природное любопытство, свою извечную потребность в познании предельных, абсолютных начал бытия, в том числе и самого себя» (Колениченко, Калинина, 2019, с. 157).

С психологической точки зрения, необходимо различать познавательные и экзистенциальные тайны.

3.3.1. Познавательные тайны

В обыденной жизни типичным примером скрытых от понимающего субъекта возможностей, которые есть в социальных ситуациях и которые необходимо раскрыть, являются *познавательные тайны*. В психологии их анализ представлен, в частности, в одном из двух видов интерпретации, используемых психологами при обсуждении личностных проблем. А. А. Пузырей проиллюстрировал эти виды интерпретации на примере анализа Л. С. Выготским трагедии о Гамлете (Пузырей, 2005).

Первый вид интерпретации, когнитивный, познавательный, раскрывается указанием на попытки читающего пьесу У. Шекспира выявить сокрытое в тексте, т.е. разгадать загадку, понять, в чем секрет. Иначе говоря, для адекватной содержательной интерпретации субъект должен преобразовать возникшую проблемную ситуацию в задачу, которую нужно решить. Когнитивную (познавательную) интерпретацию мы используем каждый раз, когда пытаемся осмыслить какое-то явно

3.3. Таинственное

осознаваемое содержание нового знания: точка кипения воды 212 градусов — это по шкале Цельсия или Фаренгейта? Осмысление требует от субъекта преобразования проблемной ситуации в задачу, в которой уже уточнены ее условия: знание различий названных шкал, обращение к энциклопедии и т.п. Именно такой вид интерпретации нетрудно обнаружить в рассуждениях авторов приведенных выше публикаций о возможных Я. В психике людей анализ возможных вариантов Я (я пишу диссертацию, я веду ребенка в школу, я отдыхаю на черноморском берегу) обычно завершается осознанным выбором конкретных поступков. Как в детективном романе, когнитивная интерпретация направлена на преобразование проблемной ситуации в решаемую задачу, замещение содержания загадки интерпретируемым: «Понимание “секрета” упраздняет его “реальность”; понятый или “раскрытый” секрет как таковой уже не существует. Существует же теперь — как некая “позитивность” понимания — его “разгадка”, некий позитивный, лишенный “характера требования”, обращенности к нам, “вопрошания”, ясный и прозрачный для рационального сознания, ему “соразмерный” смысл. “Секрет” — это то, что содержит или, наоборот, что “держит”, на чем “держится” всякий детектив — обычный, “нормальный” детектив, который всегда содержит загадку, с самого начала уже имеющую или предполагающую свою разгадку или известный — и именно рациональный — “ответ”» (Пузырей, 2005, с. 308).

Что такое тайна как познавательный, а не мистический и фантастический феномен? О. Михайлова и Т. Снигирева так отвечают на этот вопрос: «Инвариантное значение слова *тайна* связано с оппозицией “знание-незнание”. Во-первых, тайна — это незнание, отсутствие знания в силу его интеллектуальной недоступности; это либо еще непознанное, которое дает стимул к познанию и в будущем может стать понятым, известным, либо принципиально непознаваемое. Во-вторых, тайна связана и с другим членом оппозиции — знанием, поскольку тайна — это чье-то знание, но известное не всем; знание, которое намеренно, сознательно скрывается от других» (Михайлова, Снигирева, 2021, с. 583).

Обычно в словарях тайна определяется только в познавательном ключе: как нечто неразгаданное, еще не познанное или как скрываемое от других, известное не всем, секрет (Ожегов, 1988, с. 642). «В русском языке термин “тайна” имеет два смысловых значения: нечто абсолютно неизвестное всем и нечто относительно неизвестное для какого-либо

круга лиц. Итак, в лексическом значении тайна включает в себя сведения как никому не известные, так и те, которые лицо сообщило или доверило другому» (Трофимова, 2013, с. 682). Следовательно, познавательной тайной является все, что сейчас скрыто от посторонних, но затем может быть раскрыто: врачебная, юридическая, тайна усыновления и т.п. Иначе говоря, как загадка или секрет, для разгадки которых у понимающего мир субъекта нет необходимых знаний, умений и навыков. Для разгадки секрета необходима мыслительная деятельность субъекта, побуждаемая познавательной мотивацией. То же относится и к тайнам природы: то, что сегодня науке неизвестно, завтра может быть раскрыто учеными.

Типичным примером когнитивного секрета является юридическое понятие государственной тайны. Другой типичный пример — тайна исповеди. Он приобретает остроту и социальную значимость в дискуссиях о том, надо ли разрешить священнослужителям раскрывать тайну в тех случаях, когда они на исповеди узнали о готовящихся терактах, насилии над детьми и других общественно опасных преступлениях. В разных странах этот вопрос решается по-разному: в Австралии с марта 2019 г. священники, сохранившие тайну исповеди о совершении сексуального насилия в отношении детей, подлежат ответственности, а в США тайна исповеди сохраняется, т.е. священник имеет право отказаться от дачи показаний; он также имеет право предотвратить передачу сведений другим лицам. В нашем государстве этот вопрос активно обсуждается во всем диапазоне возможных вариантов. Между полярными решениями «разрешить-запретить» находятся, например, такие суждения: «Тайна исповеди — профессиональная тайна, так же как и врачебная, адвокатская, недопустимо ее раскрытие. Тем не менее важно отметить то, что таким образом можно предотвратить будущие преступления или помиловать тех, кто незаконно был привлечен к ответственности. По нашему мнению, стоит ввести пункт в федеральное законодательство, позволяющее священнослужителям взаимодействие с правоохранительными органами о сообщении готовящегося правонарушения, но это не будет как допрос, и священнослужители не будут иметь процессуальный статус, как свидетель. Это анонимное сообщение, а правоохранительные органы должны самостоятельно раскрыть правонарушение, собрать доказательства. То есть священнослужитель самостоятельно будет выбирать ситуации, при которых ему стоит обратиться в правоохранительные органы» (Осипова, Воронина, Савощикова, 2019, с. 155).

3.3. Таинственное

Примерами проблем, загадок, которые нужно разгадывать, изобилует наука. Одной из самых актуальных для человечества проблем сегодня является глобальное потепление: не миф ли это? А если так, то каковы его причины? В этом случае ученые, условно говоря, противостоят природе, и потому уместно говорить о том, что в начале XXI века человечество столкнулось с проблемой глобального потепления.

Содержательно познавательная тайна раскрывается в описаниях событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, что бывает, но необъяснимо. Познавательная тайна — это то, что объективно существует, но недоступно пониманию и объяснению субъекта (по крайней мере, до тех пор, пока не откроются какие-нибудь новые обстоятельства). В русской классической литературе это отражено в таком жанре (группе произведений, объединенных совокупностью формальных и содержательных свойств), как «таинственные повести» (Лазарева, 2005; Сенькина, 2008).

В психологии когнитивной тайной, секретом является феномен скрываемой идентификации — специфического процесса, при котором субъект, опасаясь социального порицания, скрывает некоторые свои личностные характеристики (грубость, эгоизм, аутизм и т.п.) или особенности поведения и увлечений (общение с определенными людьми, любовь к боевикам, мультсериалам и т.п.). «В когнитивном подходе избегание и сокрытие рассматриваются как факторы хронификации тревоги (Beck, Emery, Greenberg, 2005), а связанная с избеганием пассивность считается фактором хронификации депрессии (Бек и др., 2003). Независимо от того, насколько реалистичны при этом опасения человека, “тайна” нарушает регуляторные процессы, не давая возможности получить обратную связь от окружающих (Carver, Scheier, 1998): говоря метафорически, человеком управляют его догадки и домыслы без возможности их проверить, и чем больше он избегает “раскрывания”, тем больше опасается негативных последствий» (Рассказова, Тхостов, Емелин, 2019, с. 121).

Исследования познавательных тайн, секретов в психологии хотя и не многочисленны, но, безусловно, интересны. В психологических публикациях отмечается, что тайна занимает заметное место во внутреннем мире человека, она может играть позитивную или негативную роль в его саморазвитии и личностном росте. Познавательные тайны отделяют внутреннее Я от внешнего: субъект, имеющий секрет и скрывающий его, может думать одним способом, а вести себя другим.

С одной стороны, раскрыть тайну — значит разоблачить себя перед другими. С другой стороны, тайны бывают темными и отрицательными, ведущими к конфликтам во внутреннем мире, нарушению целостности личности. «Например, у человека есть чувство гнева по отношению к своей семье, но оно не реализовано, и в то же время у него есть нормативная ценность “ненавидеть свою семью — это нехорошо”. Тогда он откажется от переживания гнева либо искажает и скрывает его, так что гнев становится секретом. То есть люди теряют и эту часть себя. Я в это время больше не является законченным Я, а является расщепленным и сломленным Я» (Zhihong, 2020, p. 55).

Таким образом, обычно тайны помогают формированию личности и построению самосознания. Однако темные болезненные секреты, познавательные тайны разрушают внутренний мир, они влияют на наше физическое и психическое здоровье, становясь препятствием на пути к саморазвитию и самореализации.

Секрет, тайна соответствует тому, что в психологии мышления называется задачей, проблемой. Различие между проблемой и тайной очень отчетливо понимал и выражал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Действительно, кажется, что фундаментальное различие между проблемой и тайной состоит в том, что с проблемой я сталкиваюсь, я обнаруживаю ее перед собой, но я могу ее охватить и разрешить; а тайна есть нечто, во что я сам вовлечен, следовательно, она мыслится лишь как сфера, в которой теряется смысл различия между “во мне” и “передо мной” и его изначальная значимость» (Марсель, 1994, с. 99).

Вполне удовлетворительное определение познавательной тайны можно дать, опираясь на данные современной психологии мышления, в которой различаются проблемная ситуация и задача (загадка). А. В. Брушлинский писал: «Необходимо различать *проблемную ситуацию* и *задачу*. *Проблемная ситуация* — это довольно смутное, еще не очень ясное и мало осознанное впечатление, как бы сигнализирующее “что-то не так”, “что-то не то”. Например, летчик начинает замечать, что с мотором происходит нечто непонятное, однако он пока не уяснил, что именно происходит, в какой части мотора, по какой причине, и тем более летчик еще не знает, какие действия надо предпринять, чтобы избежать возможной опасности. В такого рода проблемных ситуациях и берет свое начало процесс мышления. Он начинается с анализа самой этой проблемной ситуации.

3.3. Таинственное

В результате ее анализа возникает, формулируется задача, проблема в собственном смысле слова. Возникновение задачи — в отличие от проблемной ситуации — означает, что теперь удалось хотя бы предварительно и приблизительно расчлнить данное (известное) и неизвестное (искомое). Это расчленение выступает в словесной формулировке задачи» (Брушлинский, 1998, с. 444–445).

Следовательно, с позиций психологии мышления познавательная тайна — это такая проблемная ситуация, которую *субъект не может преобразовать в задачу*. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков, и потому сознательно отказывается от ее решения.

Различение и описание признаков двух видов тайн в значительной мере является категориально-классификационным: в психологии они представляют собой скорее некоторый континуум, чем два дизъюнктивных полюса. В реальной жизни познание неотделимо от отношений и соблюдения норм морали. Например, в уголовном праве одним из оснований негативной оценки обществом действий по разглашению тайны является моральная ответственность за нарушение этических норм, в соответствии с которыми разглашение чужих тайн считается безнравственным поступком. «Тайна предполагает не просто информацию, а ее определенное состояние, правовой режим. Мы скрываем информацию потому, что она неблагоприятным для нас образом может повлиять на мотивацию поступков, на поведение и мнение других субъектов. Защищая те или иные сведения, мы прежде всего защищаем самих себя, свои собственные интересы. Вне этих интересов тайны не существует» (Селезнева, 2013, с. 97). При этом тайна как правовое явление рассматривается как запрещение доступа к информации, разглашение или иное использование которой может повлечь возникновение ущерба.

Если говорить точнее, то тайну как правовое явление следует называть «секретом», потому что в этом контексте речь идет не о таинственном, непознаваемом, непостижимом, а о сведениях, которые по тем или иным соображениям следует скрывать от большинства людей. Секретами являются военная, банковская, медицинская, коммерческая, персональная, служебная, налоговая и другие виды тайн. В юридической литературе выделяются три группы секретов — общественно-бытовые, социально значимые и социально опасные.

К *общественно-бытовым* относятся секреты, основой применения которых являются морально-этические отношения в социальном обществе. По направленности в них различают секреты самозащитные, доброжелательные и злонамеренные. «Самозащитными секретами являются такие состояния, факты, события, имеющие место в жизни физических или функционировании юридических лиц, обладание сведениями о которых посторонними лицами не может нанести вреда инициаторам секрета, но является для них нежелательным» (Сериков, 2011, с. 124). Ожидаемой реакцией от *доброжелательных* секретов (неожиданные подарки, организованные встречи и т.п.) является их положительная оценка теми, от кого ранее информация о планируемых событиях скрывалась. Цель *злонамеренных* секретов — поставить человека в неприятное положение, ввести в нежелательное заблуждение, вызвать отрицательные эмоции.

К группе *социально значимых* секретов относятся государственные тайны, имеющие общегосударственное значение; служебные тайны, соблюдение которых является необходимым условием для выполнения функций в рамках полномочий, предоставленных государством; гражданские тайны, касающиеся прав и свобод всех граждан и применяющиеся ими в целях защиты своих интересов от конкурентов, преступных элементов и иных злоумышленников.

Социально опасные секреты: их существование и применение обусловлено наличием противостояния между людьми, когда некоторые физические лица (пользователи, инициаторы секретов) пытаются достичь своих целей посредством умышленного применения секретов для реализации преступных замыслов (совершения действий преступным путем). «Секретами этого вида являются способы, приемы, методы и средства, используемые злоумышленниками при осуществлении преступных действий (обман, воровство, грабежи, взятки, коррупция, физические и психологические воздействия, угрозы, убийства и др.)» (там же, с. 125).

Включение познавательных тайн в более широкий культурно-мировоззренческий контекст дает основания говорить о различиях в их понимании в западной и восточной цивилизациях. В европейской цивилизации, основания которой заложили древние греки, тайна — это приобщение человека к чему-то иному: непостижимому миру, не имеющему чувственных пространственно-временных границ. «В других цивилизациях этого не произошло. Считается, что Восток —

3.3. Таинственное

это мир тайн. Но на самом деле это только поверхностное мнение, потому что, например, во всех основных китайских учениях тайны принципиально раскрываемы, поскольку они принадлежат этому миру. Возьмем ли мы конфуцианство, буддизм или даосизм, везде предполагается раскрываемость тайны... Нет непостижимых тайн, потому что все они находятся в этом мире» (Гильмутдинова, 2020, с. 129–130).

Таким образом, понимание тайны как познавательной проблемы, как чего-то принципиально раскрываемого соответствует восточной культурно-мировоззренческой традиции. Европейскую культуру, ориентирующуюся на сокровенное, непостижимое, в большей степени характеризует экзистенциальная тайна.

3.3.2. Экзистенциальные тайны

В экзистенциальные ситуации субъект включен так, что для психолога чрезвычайно трудно дифференцировать его внутренний мир и внешние обстоятельства, в которых он находится. И здесь речь идет уже о другом, содержательно более глубоком *экзистенциальном* виде тайны. В его основании лежит не познавательное стремление к решению задачи, а наоборот, осознанный человеком отказ от разгадывания, принятие ее как субъективной ценности. Это такие тайны, которые не внутри нас, а те, в которые мы вовлечены как субъекты человеческого бытия: «Но тайну отличает именно семантика, связанная с непроницаемостью, недоступностью для осознания. Причем наблюдается двойственное отношение к тайне: с одной стороны, желание ее открыть, постичь, с другой — невозможность, недопустимость или опасность ее раскрытия» (Кордас, Николаева, 2016, с. 103). По своей психологической сути экзистенциальная тайна такова, что она может приоткрываться только субъекту, способному к интеллектуальному и духовному напряжению. Этот феномен формируются в психике человека как соотношение возможного и невозможного. В частности, в социогуманитарных науках существует обоснованное суждение о том, что «тайна — возможное знание, но знание, к которому еще не найден ключ, язык понимания» (там же, с. 104).

Необходимо разобраться в возможных контекстах возникновения тайны, я имею в виду социальные и коммуникативные обстоятельства, в которых может порождаться тайна. Сначала о философском и мировоззренческом контекстах тайны. В самом общем смысле

человеческое бытие неотделимо от тайн: «Бытие как таковое, т.е. в его безусловности, и тайна есть просто одно и то же. При этом "тайна" означает здесь не загадку, которая требует разрешения (хотя бы это разрешение фактически было для нас невозможно), а "таинственное" по самой своей природе, т.е. трансрациональное — то, что по своему существу противоположно всему постижимому» (Франк, 2007, с. 134).

Фундаментальный философский анализ этой проблемы представлен в работе преподавателя Белградского университета Ч. Д. Копровицы (Цибизова, 2019). В ней тайна анализируется как основополагающая для философии и неотделимая от проблемы знания. «Фоном» анализа стали авторитетные позиции платонизма и просветительства. Тайна понимается ученым как одна из противоположностей знания не только на предметном уровне, но и на метауровне — широком контексте социального и антропологического статуса истинного знания. Таинственность не просто равнозначна незнанию, она является его позитивным антиподом: «Открытая тайна — то, что появляется из таинственного, — вызывает уважение. В таком случае отношение к таинственности меняет не свой действительный характер, но лишь модальность пребывания относительно возможности знания. При сведении сущности таинственного к незнанию открытое теряет свою ценность. Это линия разграничения между аутентичным и неаутентичным отношением к таинственному» (там же, с. 135). С этой позиции тайна представляет собой не просто концентрированное выражение того, что немислимо и непостижимо. Неприятие тайны оказывается последствием неограниченной самоуверенности разума, опирающегося на просветительский постулат о человеке как мере всех вещей: «Просветительская позиция не различает три случая непознанны: еще не открытого фактического состояния — настоящего или будущего (какой силы было разрушительное землетрясение в античности), сущности некоего уникального объекта (например, сущность-тайна красоты «Давида» Микеланджело), сущности-тайны целостности (тайна возможности совокупности всего, что составляет целостность бытия)» (там же, с. 137). По мнению автора, просветительский здравый разум — это не отправная точка для возвышения с целью мысленного обозрения мира, а самоабсолютизированное неистинное мнение человека. Просветительство не признавало и не верило в символическое, трансреальное, таинственное. Просветители не понимали, как вещное, предметное может быть воплощением чего-то духовного,

3.3. Таинственное

сущностного, и потому платонизм для них — суеверие: «То, что вещное воплощает сущностное, непонятно, таинственно и неприемлемо, так как человек — мера всех вещей, а Мнение/Мышление — единственная мера и возможность Знания. Просветительство заключает в себе результат неприятия мышлением собственной ограниченности, точнее, ограниченности абсолютизированной позиции здравого разума, из которого проистекает данное движение. Это последствие неограниченного самомнения мышления, считающего себя всемогущим: если устранить ограничения, ему будут мешать лишь внешние препятствия» (там же, с. 141).

Однако сегодня, на этапе постнеклассической науки, ученым ясно, что тайна есть не раскрытая действительность, находящаяся за внешней границей, которую нужно стремиться преодолеть. Открытие вещей, выявление в них не только возможного, но и невозможного делает их не только видимыми, но и понятными. Следовательно, тайна — антипод не только открытости, но и понятности. И наоборот: неприятие, игнорирование тайны — последствие неограниченной самоуверенности разума, опирающегося на постулат о человеке как мере всех вещей.

Иное понимание тайны представлено в религиозном мировоззрении. Для верующих людей тайна это принципиально непознаваемое, находящееся за пределами возможностей человеческого познания. Тайна превосходит потенциал человеческого разума в силу своей чрезмерной сложности, принципиальной абсурдности либо отделенности от познания непреодолимыми препятствиями. Поскольку Бог принципиально непознаваем, непостижим, то все священное является тайной, ценность которой — в ее закрытости.

Анализ тайны имеет глубокий смысл в современном литературоведении. Для отечественной литературной традиции антропологический контекст описания тайны является очень характерным и даже типичным. В кратком метафорическом виде этот контекст выразил поэт Г. И. Чулков: «Мир, в котором живет душа поэта, прост и реален, но за этой видимой простотою, за этой ясностью образов и мыслей таится незримый мир, полный тревоги и тайны» (Чулков, 2001, с. 405). «Тайна» как поэтическое слово и отражение мировоззрения творца отчетливо и даже выпукло представлено в поэзии А. А. Ахматовой. Тайна — это характеристика ее психологического автопортрета, получающего в поэзии и литературоведческих произведениях смысловое наполнение на биографическом, лично идентификационном и

собственно поэтическом уровня творчества: «Комплексный анализ слова и образа тайны в творчестве Анны Ахматовой показал, как настойчиво она создавала ауру тайны вокруг своей судьбы. Намеренная двойственность даты рождения, моделирование образа детства как времени осознания своей личности, легенда о рано появившемся даре видения и предвидения соотносимы с ахматовскими ликами лирической героини (Кассандра — дева Луны — колдунья — чингизидка), коррелируют с основными сферами ее поэзии: Античность, магическая власть поэзии, история» (Михайлова, Снигирева, 2021, с. 577). Одновременно тайна — это и неотъемлемая составляющая описываемого ею человеческого бытия, проявляющаяся в том, что «в поэзии Анны Ахматовой возникает образ тайны, не всегда обозначенный словом, но вырастающий из создаваемой атмосферы стиха и сопредельный с тайным страхом и мистическим ужасом. Тайное как иррациональное, необъяснимо страшное почти обязательно присуще стихам о времени и месте, в которых осуществляется повседневная жизнь поэта» (там же, с. 587). Как точно подметила Н. Ю. Смирнова, «именно живое чувство “тайны” обуславливало в сознании Ахматовой понимание этого слова как обозначения непостижимости законов поэзии, как, впрочем, и законов мира, в который погружено человеческое “я” — от личного, любовного чувства до общечеловеческого бытия» (Смирнова, 2004, с. 11).

Ахматова всегда чутко улавливала иррациональные моменты бытия, отражающиеся и в науке, и в философии, и в настоящей поэзии. Для нее мир без тайны, без несказанного, неизреченного был безжизненным призраком, мертвой схемой: «“Геометрически точное”, по определению К. Чуковского, мышление А. Ахматовой сочеталось в ней не только с интуицией, но и с редкостным даром создавать в стихах и вокруг стихов атмосферу тайны. Притом что многочисленные признания Анны Андреевны о “соре, из которого растут стихи, не ведая стыда”, о “рифм сигнальных звоночках” и тому подобное, казалось бы, призваны были развеять самую искусную завуалированность. Из этого сочетания предельной четкости и осмысленности процесса стихотворчества-ремесла и его загадочности, необъяснимости-тайны возник один из самых значительных циклов ахматовской поэзии: “Тайны ремесла”. Именно из этих двух компонентов частично состоит концепция творчества А. Ахматовой, причем легко прослеживаются и истоки, питающие эти тенденции» (Крюкова, 1998, с. 18).

3.3. Таинственное

Ахматова использовала обсуждаемое понятие не только в цикле стихов «Тайны ремесла», для нее «тайна» в подлинном смысле слова — выражение и бытия, и творчества, например, А. С. Пушкина: «Кто хоть сколько-нибудь знает пушкинскую *“тайнопись”*, и даже тот, кто ее совсем не знает, не может не догадаться, о ком идет речь. Это просто очередной *“арапский профиль”* и кудрявая голова на полях рукописи. А тайнопись у Пушкина была. Не знаю, довольно ли сказано в науке о величайшем поэте XIX века (во всяком случае) про эту его особенность и так ли легко довести эту мысль до рядового читателя, воспитанного на ходячих фразах о ясности, прозрачности и простоте Пушкина» (Ахматова, 2019, с. 78). Тайна занимала в творческом мировоззрении поэта настолько значимое место, что она считала ее отсутствие, полную договоренность серьезным недостатком стихов (в частности, М. Цветаевой): *«Пушкинская тайнопись... И все-таки “Дубровский” — неудача Пушкина. И слава Богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать. Это, в противоположность “Пиковой даме”, вещь без Тайны. А он не мог без Тайны, она одна всегда влекла его неудержимо. “Дубровский”, оконченный, по тому времени был бы великолепно “чтиво”»* (там же, с. 98).

На основании анализа произведений поэта и приведенных цитат можно заключить, что в творчестве А. А. Ахматовой тайна была не познавательной загадкой, секретом, а выражением концептосферы, словесного образа русской культуры как целостной системы. Иначе говоря, можно и нужно говорить о сопричастности тайны к экзистенциальным глубинам бытия или в широком смысле — к русской ментальности. Ее инвариантными свойствами и неизменными константами являются неосознаваемость, нерелефированность, логическая невыевляемость, сокровенный характер. «В число таких свойств ментальности входят также консерватизм и инерционность, сопротивляемость воздействию со стороны социальных образований» (Постовалова, 2021, с. 13).

Социально-психологические аспекты тайны представлены, прежде всего, в исследованиях общения людей в малых группах. Фундаментальный комплексный анализ проблемы применительно к семейным, в частности межпоколенным, отношениям проделала Н. И. Олифинович (2016). В ее книге тайна рассматривается не как индивидуальный, а как коммуникативный феномен. Она выделяет

семь характеристик семейных тайн: системность, парадоксальность, поддержка гомеостаза, конфликт между формой и содержанием, непредсказуемость, интроективный характер, цикличность.

Прежде чем обращаться к конкретному содержанию характеристик, необходимо уточнить: действительно ли в книге идет речь о тайне или можно сказать, что это «потаянные семейные секреты»? Ответ на этот вопрос автор дает в самом начале книги, описывая тайну как точку бифуркации, риска для человека и его семейной системы. Тайна рассматривается как экзистенциальный феномен, воздействующий на судьбу человека, побуждающий его к выбору (знать или не знать), концентрирующий энергию подавления, отрицания, сокрытия секретных сведений для защиты семьи от болезненной и разрушительной реальности. Тайна в книге анализируется как не только знание о чем-то, но и эмоциональное переживание факта, запускающее определенное поведение.

«Чтобы событие стало семейной тайной, необходимы следующие условия.

1. Невозможность принятия и открытого проговаривания данного события вследствие его несоответствия личным, внутрисемейным или социальным нормам и правилам.

2. Отсутствие внутрисемейных ресурсов для проживания данного события.

3. Сильные эмоции и переживания, сопровождающие данное событие: гнев, обида, страх, стыд, презрение, зависть.

4. Опасения по поводу возможного осуждения, отвержения или полного разрушения семьи вследствие раскрытия факта события.

5. Прямое или косвенное влияние тайны на остальных членов семьи» (Олифинович, 2016, с. 10).

Автор выделяет несколько видов семейных тайн. Страшной тайне сопутствует страх или даже ужас: хранители тайны боятся, что ее разглашение будет разрушительным для членов семьи. Постыдная тайна основана на стыде, вызванном нарушением моральных или нравственных норм, совершением социально осуждаемого поступка. Печальная тайна — преобладают негативные эмоции (тоска, уныние, грусть), воспоминание о ней сопровождается депрессивным фоном у родственников. Святая тайна: ее хранению сопутствует чувство гордости, ощущение правильности происходящего. Мрачная тайна сопровождается ощущением обреченности, предрешенности, невозможности изменить ситуацию.

3.3. Таинственное

Таким образом, с экзистенциальной точки зрения, в книге речь идет, безусловно, не о секретах, а о тайнах. Выяснив это, кратко опишу семь характеристик семейных тайн.

Системность проявляется в том, что семейная тайна никогда не принадлежит одному человеку, она касается всех членов системы, сложившихся отношений — ее рассекречивание может приводить к изменению образа семьи. Тайные сведения о каком-то члене семьи (бесплодии, алкоголизме, проблемах с законом и др.) не раскрываются по причине боязни разрушения сложившихся отношений, правил, благ, утраты социального статуса семьи и т.п. Важную роль в отказе от разоблачения тайны играют защитные психологические механизмы подавления и отрицания.

Парадоксальность: тайна одновременно и защищает, и разрушает семью. Тайна — это то, что может дестабилизировать или нарушить жизнь семейной системы. Тайные сведения не положено знать и одновременно их очень важно узнать.

Поддержка гомеостаза: семья нуждается в стабильности, порядке, предсказуемости, а раскрытие тайны может приводить систему к семейному кризису. Тайна выполняет функцию поддержки гомеостаза в системе, вследствие чего семья охраняется и оберегается даже тогда, когда уже утрачен первоначальный смысл ее сохранения — хранители тайны стоят на страже привычного порядка.

Конфликт между формой и содержанием: тайна порождает «постоянное напряжение в попытке замаскировать неприглядное содержимое красивым фасадом. Чаще всего форма — это мертвая внешняя оболочка, через которую пытается прорваться наружу опасная, неприятная, стыдная, разрушительная сущность семейной тайны» (там же, с. 138).

Непредсказуемость. Этот пункт системного анализа семейной тайны прямо соотносится с постнеклассическими взглядами И. Пригожина: «Никто не знает, к чему на самом деле приведет как сохранение, так и раскрытие тайны. Само возникновение семейной тайны маркирует точку бифуркации, в которой система либо переструктурируется и перейдет в более упорядоченное состояние (мы связаны навек этим страшным секретом), либо подвергнется разрушению и распаду. Тщательная охрана тайны связана именно с этим страхом: никто не знает, как на самом деле будет лучше для семьи и что случится, если информация станет доступной. Нужно ли бездетному из-за болезни

мужу знать, что он воспитывал не своего ребенка? Нужно ли рассказывать счастливо живущей в браке женщине, что у мужа до встречи с ней была другая семья?» (там же).

Интроективный характер. Интроекция — помещение вовнутрь того, что было внешним. Семейные тайны чаще всего оказываются маркерами интроектов: прародители, родители, другие хранители тайны вербально и невербально сообщают о том, что тайна опасна, ее нужно хранить любой ценой, а раскрыв тайну, человек утрачивает право на членство в семье.

Цикличность. «Процесс жизни семьи подчиняется не линейной, а циклической логике. Иногда упрощенное видение ситуации (она была легкомысленной, поэтому забеременела и родила ребенка, и ее выгнали из дома) мешает заметить важные взаимосвязи и взаимовлияния в семье. Когда проблема исследуется системно, оказывается, что все были вовлечены в проблему и каждый вносил свой вклад. И самое удивительное: когда нам удастся восстановить цикл, в который вовлечены различные родственники, мы можем обнаружить повторение этого цикла в других семейных отношениях. Семейная тайна, появившись в одном поколении, имеет тенденцию повторяться. Аксиома осмысления семейной тайны — это отказ от поиска правых и виноватых. Все и виноваты, и не виноваты одновременно» (там же, с. 138). В семье, в которой кто-то из ее членов хранит какую-то тайну, через некоторое время происходит разграничение, разделение на «правых» и «виноватых», на обвинителей и жертв. Такие способы построения границ формируются один раз, но воспроизводятся снова и снова в следующих поколениях.

Экзистенциальный вид интерпретации тайны обстоятельно и глубоко анализирует А. А. Пузырей: «Второй, альтернативный способ чтения и понимания, которого предполагает держаться сам Виготский, как раз и ставит феномен тайны “во главу угла”, как раз и пытается брать именно “тайну” в качестве исходной, отправной точки для развертывания работы понимания, но так же, как я уже сказал, и предельной, последней ее точки — точки, в которую понимание должно также снова и снова “возвращаться”, или, быть может, лучше было бы сказать: которой оно снова и снова должно еще достигать — как “последней” и “истинной” реальности. Задача понимания состоит здесь, стало быть, не в том, чтобы разоблачать таинственное, рассеивая его, как только снаружи обволакивающий и скрывающий

3.3. Таинственное

понимаемое “туман”, но, напротив, в том, чтобы утвердить “тайну” как таковую в ее неустранимости и реальности, то есть понять “тайну” не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому присутствием, и больше того — его существом и корнем — тем, в чем или “из чего” понимаемое получает оправдание своего существования, достигает его подлинности» (Пузырей, 2005, с. 310–311).

Применительно к экзистенциальной психологии категория «тайны» не является чем-то основополагающим и сакральным, просто в ней содержится указание на то, что возможное это такое потенциальное, которое для субъекта либо становится, либо не становится действительным. Особенно значимо такое соотношение возможного и действительного для экзистенциально главного в человеке, выражающего его не только индивидуально-личностную, но и общечеловеческую родовую сущность. Именно для психологического анализа такой сущности необходимо использовать экзистенциальную интерпретацию. На существование таких очень значимых в жизни любого человека тайн обращал внимание А. Мень: «Загадка — вещь принципиально разрешимая. Если лохнеского ящера поймают или по-настоящему сфотографируют — конец загадке, она разгадана: вот плезиозавр, который умудрился дожить до наших дней... Но есть вещи, которые являются тайной. Это о них говорил Гёте, что одним рассудком постичь эту вещь до конца нельзя, к этому требуются еще вживание, чувства, интуиция, озарение. Творчество поэта — тайна! Творчество художника, музыканта — тайна! <...> Сколько бы мы ни раскладывали на составные элементы... впечатление, которое мы получаем от картины или симфонии, от нас всегда ускользнет что-то главное. Так вот, тайна — это то, что никогда не может быть полностью исчерпано только рассудочным, аналитическим путем познания. А загадка — только то, что еще не раскрыто, что пока не познано» (Мень, 2013, с. 62–63). В более обобщенном философском смысле на принципиальную неразрешимость тайны и ее отличие от загадки указывает А. Ф. Лосев: «Тайна не есть просто отсутствие, небытие. Она также не есть и то, что может быть раскрыто или разрешено. Тайна, которая может быть раскрыта, вовсе не есть тайна, а только наше временное недомыслие, более или менее случайная загадка и незнание ввиду тех или иных обстоятельств. Тайна есть *то, что по самому существу своему никогда не может быть раскрыто*. Но она

может *являться*. Явление тайны не есть уничтожение и разрешение тайны, но есть только такое ее состояние, когда она ясно ощутима, представима, мыслима и сообщима — притом сообщима именно как *тайна же*» (Лосев, 2016, с. 230).

Экзистенциальная тайна является атрибутом и опыта субъекта, и ситуации, в которую он попадает. Приобщение к таким тайнам позволяет субъекту включиться в какой-то иной, условно говоря, более глубокий и одновременно более возвышенный уровень бытия. Экзистенциальные тайны более значительны, чем неразгаданные загадки внешних событий жизни. Осознание психологом тайны как экзистенциальной ценности означает признание существования иных, неочевидных и более сложных для научного анализа планов бытия. Существование таких тайн ясно осознавал французский экзистенциалист Г. Марсель: «Есть высшие реальности, которые становятся более ясными и определенными лишь благодаря своей причастности тайне. Здесь нет ничего похожего на банальный агностицизм, согласно которому, наоборот, тот факт, что объект познаваем или нет, ничего в нем не меняет. Именно в этом и заключается различие между тайной и невежеством. Тайнственно лишь то, что есть потребность не раскрывать» (Марсель, 2005, с. 281).

А. А. Пузырей, продолжая анализировать работу Л. С. Выготского, отмечает, что тайна внутренне присуща трагедии о Гамлете. Тайна «утверждается при этом не только как исходная, отправная точка понимания трагедии, но также и как последняя, предельная его точка, и далее — как неустранимый пониманием — бытийный — феномен» (Пузырей, 2005, с. 305). Для читателя или зрителя задача понимания состоит не в том, чтобы разоблачать таинственное, неясный и туманный для субъекта контекст понимаемого. Здесь присутствует стремление понять тайну «не как то, что извне скрывает и заслоняет понимаемое, но, напротив, как то, что является внутренне самому понимаемому существу...» (там же, с. 311). На это же указывает и сам Л. С. Выготский: «Не разгадать эту загадку — была цель этих строк, не раскрыть тайну Гамлета, а принять тайну как тайну, ощутить, почувствовать ее. И если загадочность и непостижимость произведения только усилились в этой интерпретации его, то это не прежняя, начальная его загадочность и непонятность, проистекавшие от внешней темноты трагедии и стоявшие помехой на пути к художественному ее восприятию, — а новое, глубокое, глубинное ощущение тайны, создавшееся

3.3. Таинственное

в результате восприятия этой пьесы» (Выготский, 1987, с. 288). В этом случае «“интерпретация” — не замещает собой “интерпретируемое”, не заступает его место, не “упраздняет” его, делая его существование впредь уже избыточным, “излишним”; она — не “вместо него”, но “вместе с ним”; интерпретация есть только “продолжение”, “расширение”, “углубление” понимаемого, читаемого текста; но все же она есть всегда только его “часть”, его — исходного, читаемого, понимаемого текста — “орган”, позволяющий ему “сказаться” — полнее, точнее, членораздельнее» (Пузырей, 2005, с. 314–315). Очевидно, что индивидуальная специфика понимания таинственности как неустранимой составляющей бытия зависит от внутреннего мира реципиента и его активности, направленной на порождение собственного смысла понимаемого. При этом углубление, расширение, полнота интерпретации достигаются за счет объединения содержания текста с личностным знанием понимающего субъекта.

В жизни человека бывают события, причины или последствия которых навсегда остаются для него экзистенциальными тайнами. В тот момент, когда мы страхуем жизнь от несчастных случаев или имущество от стихийных бедствий, мы не имеем никаких шансов точно оценить вероятность наступления таких событий. И если страховая случай так и не произошел, то они так и остаются для нас экзистенциальными тайнами. Для каждого человека тайной является не только дата собственной смерти, но и то, что с ним будет после нее. Люди не могут предсказывать время смерти, они лишь по-разному оценивают, относятся к этому событию. Для одних это безусловная трагедия, неприятные мысли о которой они стараются отодвигать на задний план сознания; для других — размышления об итогах, что удалось сделать, а что нет; у третьих преобладает тревога по поводу семьи (Юревич, 2017). Применительно к таким содержащим тайну экзистенциальным ситуациям невозможно и бессмысленно формулировать конкретные причинные вопросы (почему? зачем? из-за чего?). Например, на протяжении нескольких столетий для человечества тайной остается улыбка Джоконды Леонардо да Винчи, но какие небанальные вопросы здесь уместны, о чем тут спрашивать?

Таким образом, экзистенциальная тайна — это вопрос без ответа. Экзистенциальная тайна по своей природе холистична, нерасчленима на смысловые части, составляющие. В таинственном не может быть противоречий, потому что экзистенциальная тайна бытия по своей

природе не аналитична, а холистична. Это значит, что хотя и на уровне бессознательного, но тайна включает представления субъекта о том, что противоречивые компоненты экзистенциальной ситуации все же неотделимы от нее как целого. Более того, можно найти угол зрения, при котором противоречия не только не устраняются, но и превращаются в свою противоположность. Зачем, имея дело с типичными проявлениями холистического рассудка (к примеру, пиковыми переживаниями, по А. Маслоу, — мгновениями эстетического восторга, творческого озарения и т.п.), вносить в них обманчивую ясность аналитического разума? Разве рефлексивное препарирование своего чувства любви к другому человеку увеличит степень счастья? Скорее, наоборот. В человеческой жизни всегда были и есть события и ситуации, представляющие для каждого из нас непреходящую ценность, изменяющие наш внутренний мир, но остающиеся тайной за семью печатями. По большому счету, такие глубокие тайны не зависят от их осознания, критической оценки, но являются тайнами бытия, имеющими для людей непреходящую экзистенциальную ценность. Тайна есть неустранимый и непроблемный контекст действительности, ее не только нельзя осознать, но обычно и не нужно осознавать. Подлинно экзистенциальное понимание заключается в том, что к непостижимому и таинственному не следует подходить так же, как к анализу решения познавательной задачи, проблемы. Познавательную задачу мы решаем до тех пор, пока аналитическим способом не только находим, но и устраняем скрытое в ее условиях противоречие. Тайна обладает для людей экзистенциальной ценностью, ее нужно не разгадывать, а принимать. Экзистенциальная тайна сложнее для понимания и психологического анализа, чем познавательная. С психологической точки зрения, она обладает, по меньшей мере, четырьмя признаками.

1. Тайна — это такая проблемная ситуация, которую субъект не может преобразовать в задачу. Столкнувшись с чем-то непонятным и неразрешимым, на каком-то этапе осмысления проблемы человек понимает, что у него нет необходимых знаний, умений, навыков, и потому сознательно отказывается от ее решения. Для психологии мышления аксиомой является положение о проблемности этого психического процесса: «Проблемность возникает тогда, когда субъект осознает, что имеющейся у него информации недостаточно для действия в определенной ситуации. Своевременное обнаружение

3.3. Таинственное

проблемности является пусковым моментом для возникновения и разрешения профессиональной проблемной ситуации. У субъекта возникает потребность в преодолении затруднения, которое на момент столкновения с ним представлялось для него неразрешимым» (Кашапов и др., 2019, с. 36).

2. Человек оценивает проблемную ситуацию как жизненно значимую для себя: проблема превращается в незабываемое экзистенциально ценностное событие.

3. Таинственными для нас становятся не все проблемные ситуации, а только редкие, вероятность наступления которых очень мала. Если у меня сломается телевизор и я не смогу его починить, то буду рассматривать эту ситуацию не как тайну, а как отсутствие у меня знаний, которые есть у телемастера.

4. Таинственные явления оставляют неудовлетворенной познавательную мотивацию субъекта, вызывают в его сознании что-то, похожее на «эффект Зейгарник»: они будят воображение, дают волю фантазии, но не приводят к рациональному объяснению произошедшего.

Для психологов важно получить ответ на вопрос: «Тайна — это проблема психологии мышления или психологии понимания?» Ответ на него зависит от направления нашей мысли: от тайны к загадке или от загадки к тайне.

Первый случай соответствует переходу от рубинштейновской проблемной ситуации к леонтьевской задаче. Столкнувшись с чем-то неопределенным и непонятным, например, увидев в небе объект, похожий на НЛО, мы начинаем думать о возможном оптическом обмане, атмосферных явлениях или испытаниях оружия на соседнем военном полигоне. Гипотезы способствуют формулированию условий задачи, запуску мышления и превращению тайны в пока неразгаданную загадку.

Со вторым случаем мы имеем дело тогда, когда осознаем, что тайна не имеет ничего общего с обычной фантазией или мистикой. В русской литературе есть давняя традиция описания подобных нереальных феноменов. «Вий» Гоголя, «Демон» Лермонтова, цикл «таинственных повестей» В. Ф. Одоевского.

Однако для меня более значимыми и интересными являются содержащие тайну описания событий, хотя и иррациональных, но реальных. Я имею в виду то, что есть, бывает, но необъяснимо. В этом смысле бесценным материалом являются «таинственные повести» писателя-реалиста

И. С. Тургенева. Например, в рассказе «Собака», когда герой выключал свет и ложился спать, у него под кроватью начинала ворочаться и издавать характерные звуки не живущая у него собака. При включении света собака пропадала. Это можно было бы приписать слуховым галлюцинациям героя, но когда он пригласил к себе переночевать приятеля, тот услышал то же (Тургенев, 2019). В повестях описываются случаи из жизни, подлинные, но не имеющие рационального объяснения. Когнитивно такие тайны непознаваемы. В экзистенциально-герменевтическом контексте в них проявляется плюралистичность мира, множественность ответов на вопросы (в частности, что скрывает в себе улыбка Джоконды?). Многообразие ответов и вариантов интерпретации таинственного — это не что иное, как разные способы понимания. Следовательно, тайна — это проблема психологии понимания.

Зачем психологам необходимо изучать феномен тайны? Некоторые исследователи высказывают суждение о том, что если тайна непознаваема, то она не может быть предметом научного и, в частности, психологического исследования. Я с этим не согласен. Анализ тайн помогает ученым не только перемещать фокус внимания в поле изучаемых проблем, но и понять иные по сравнению с познанием, более глубокие пласты мира человека. Неудивительно, что одной из ближайших задач психологии понимания следует считать осознание и психологический анализ различных тайн, относящихся к эмпирической реальности (таких, как собака у Тургенева), социокультурной (таких, как символы) и экзистенциальной (таких, как тайна смерти).

На еще один методологический аспект проблемы обратил внимание Н. Н. Талеб: лежащие в основании тайны случайные события могут быть либо «детерминистическим хаосом» (Хакен, 2001, с. 204), либо «истинной случайностью». «Свойства детерминированно-хаотической системы полностью предсказуемы, но предсказать их очень трудно... Истинно случайная система действительно случайна, и свойства ее непредсказуемы» (Талеб, 2016, с. 326). Когда мы сталкиваемся с познавательной тайной, то для нас она представляет собой детерминированно-хаотическую систему до тех пор, пока разгадка не найдена. В основании экзистенциальной тайны находится истинная случайность, и самое разумное для понимающего мир субъекта — как можно раньше понять невозможность и ненужность разгадки.

Таким образом, абстрагируясь от религиозного и мистического контекстов употребления понятия «тайна», в современном научном

3.4. Непостижимое

дискурсе необходимо различать два наиболее распространенных вида тайны — познавательную (когнитивную) и экзистенциальную (бытийную). Главная методологическая проблема при этом заключается в том, что тайна существует в психике субъекта *онтологически*, а попытки сформулировать и разрешить ее как познавательную когнитивную задачу приходят в противоречие с *гносеологической* плоскостью рассмотрения этого феномена. Познание это всегда постижение иного, неподобного и, следовательно, изначально тайного или таинственного, которое субъективно значимо для познающего субъекта: «“Тайна” есть такое *значимое*, которое, сохраняя свою неоспоримую значимость, при этом *не является* известным (познанным) или *даже никогда не может стать* полностью известным (познанным). Тайна, иначе говоря, есть *значимое неизвестное*. С таким значимым неизвестным мы встретились уже дважды, выяснив, что 1) не все постижимо как постижимое, кое-что постижимо как непостижимое, *тайное*; 2) основания рационального познания остаются иррациональными, не поддающимися “объяснению”, *тайными*» (Аванесов, 2010, с. 8–9). Разумное понимание тайны как атрибута экзистенциального опыта заключается в осознании бессмысленности усилий, направленных на ее раскрытие, разоблачение.

3.4. Непостижимое

Описывать непостижимое невозможно без предварительного рассмотрения сущности постижения.

3.4.1. Постижение — один из видов понимания мира

Феномен постижения, если его рассматривать не в религиозном, а в научном значении, так же объективен, как достоверное знание. На это указывает М. Полани. Он пишет: «Постижение не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом; оно — ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей» (Полани, 1985, с. 19).

В основе экзистенциальной точки зрения на постижение лежит неоднократно высказываемая многими мыслителями мысль о трудности

постижения и даже неуловимости истины для разума. Главная причина интеллектуальной непостижимости истины заключается не только в ее неисчерпаемости и бесконечности, но и в несказанности. Истина оказывается гораздо больше, выше, масштабнее всего, что можно поименовать, высказать словами. Неудивительно, что неосознаваемость истины скрывает от познающего субъекта свернутое, неявно выраженное знание о ней. Принципиальная невозможность полного осознания познаваемого мира и себя в мире хорошо известна не только психологам. Как свидетельствует история науки, она проявлялась, например, в «ученом незнании», характеризовавшем гениев (вспомним Ньютона, который сравнивал себя с мальчиком, перебирающим камешки на берегу океана познания). Вследствие этого решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях (необходимость переезда в другую страну, согласие на операцию при тяжелом онкологическом заболевании и т.п.), основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном непонятном постижении.

Понятие «постижение», с одной стороны, по объему и содержанию является более широким, чем категории «познание» и «интерпретация», а с другой — значительно более размытым, трудноуловимым и поддающимся вербальному объяснению. Основная причина этого в том, что феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу. Еще С. Кьеркегор противопоставлял свое мировоззрение картезианской уверенности в том, что бытие пронизуемо для мышления и, следовательно, может быть описано в понятиях. Он утверждал, что экзистенция есть то, что всегда ускользает от рационального понимания.

Человек может понимать или не понимать сложные и простые объекты. Однако если предмет психологического анализа сложен, как, к примеру, самообман, то следует говорить о его таком понимании, в основе которого лежит постижение. Например, неудивительно, что фундаментальный исторический труд британского историка, культуролога, социолога и философа А. Дж. Тойнби в русском переводе называется «Постижение истории» (Тойнби, 2004). На английском языке труд А. Дж. Тойнби называется «A Study of History», т.е. «Изучение истории» или «Исследование истории». «Но с первых же страниц становится ясно, что о каком-либо изучении, основанном на детальном анализе, или об исследовании в привычном смысле можно говорить

3.4. Непостижимое

лишь весьма относительно. Мысли, концепции, определения, факты, страны и народы, прошлое и будущее сливаются в сложнейший узор, скорее указывающий на присутствие тайны, чем придающий четкость и последовательность изложению событий прошлого... Однако чем больше читатель углубляется в него, тем сильнее его охватывает чувство, что в данном случае речь идет не столько о рациональном познании, сколько о постижении, сочетающем логическое осмысление, интуицию и даже прозрение» (Уколова, 2004, с. 8). Постигание в сочинении А. Дж. Тойнби интегрирует его интерпретативную схему анализа исторических фактов, воплощенную в тезаурусном способе понимания цивилизаций. Причем присущая историку тяга к универсализму указывает на показательное для него преобладание синтеза над анализом.

Теперь для расширения контекста применения категории «постижение» обращусь к другой области научного познания. И. А. Бескова, доказывая ограниченную применимость компьютерных метафор для понимания природы естественного интеллекта, обсуждает феномен интегрального постижения. Она говорит о существовании единого целостного пространства человеческой экзистенции, реализующегося в каждом познающем субъекте. По отношению к такому пространству применимо выражение «жизнь как познание». Она пишет: «На мой взгляд, специфика достигаемого в познавательном акте результата (имеется в виду глубина проникновения в существо воспринимаемого) напрямую зависит от того, осуществлялось ли взаимодействие с объектом интереса на интегрально-телесном или “умственном” уровне. Иными словами, от того, какой уровень взаимодействия с привлекающей внимание человека ситуацией был достигнут: состоялось ли понимание, так сказать, всем существом человека или же это было осмысление “на уровне головы”? Первое я назову интегральным постижением, второе — рассудочным пониманием» (Бескова, 2014, с. 175). В творческих процессах, требующих от субъекта проявления интуиции, озарения и т.п., в понимании и осмыслении предмета участвуют не только познавательные процессы, но, по сути, все существо человека. Подлинное творчество характеризуется готовностью и способностью субъекта снять разграничительные барьеры между ним и объектом постижения, как бы стать последним, убрать границы, разделяющие человека и мир. «И поскольку в акте интегрального постижения происходит снятие барьера инаковости по отношению

к воспринимаемому, состояние человека может оказаться весьма дисгармоничным, а в какие-то моменты (например, до достижения озарения) и труднопереносимым» (там же, с. 178).

В социогуманитарных науках постижение бытия человеком рассматривается как такая система, в которой отдельные типы сознания и знания анализируются как формы развивающейся духовной культуры. Согласно С. А. Хмелевской и Н. И. Яблоковой, «постижение бытия осуществляется в определенных устойчивых формах (философия, наука, религия и пр.), которые образуют *постижение-систему*» (Хмелевская, Яблокова, 2013, с. 74). В социокультурном контексте постижение — это «культурно-историческое получение знания, в котором различные типы сознания и знания (обыденное, мифологическое, религиозное, эстетическое, научное, философское) предстают как формы единой, органически развивающейся духовной культуры» (там же).

В психологии постижение трактуется в более узком значении. Психологи фокусируют внимание в основном на двух сторонах постижения.

Постижение представляет собой такой тип понимания, который, во-первых, направлен не на простое, а на сложное: явления и объекты мира, требующие для своего понимания незаурядных усилий. «Употребление прилагательного “постижимый” возможно только в том случае, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Такое понимание может быть достигнуто в результате серьезных творческих усилий, глубокой интуиции, озарения, божественного откровения. Для него недостаточно готовых знаний или чужих объяснений» (Богуславская, 1997, с. 259–260). Во-вторых, постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, директор атомной электростанции ни при каких обстоятельствах не сможет знать о всех процессах, происходящих в данный момент в ядерном реакторе. Следовательно, необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. Решения, принимаемые нами в трудных экзистенциальных ситуациях (например, нравственные сомнения в необходимости обнародования неприглядного поступка друга), основаны как на разуме, рациональных

3.4. Непостижимое

рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении. При этом оказывается, что «из-за доверия к языку наш опыт претерпевает систематические изменения и мир раскалывается на две части: на ту часть, которую мы видим и воспринимаем, принуждаемые языком, и на ту непостижимую реальность как таковую, которая опережает и превосходит мир, данный нам в языке и через язык» (Анкерсмит, 2007, с. 5). Решения, принимаемые нами в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении. Экзистенциальный опыт объединяет в себе и то, что мы можем выразить, описать вербальными средствами, и то неосознаваемое, в существовании чего мы почему-то уверены, но о чем можем только строить интуитивные догадки и понимать на уровне понимания-постижения. Вместе с тем экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области.

Одна плоскость анализа — это соотношение осознаваемого и неосознаваемого, в котором именно бессознательные компоненты определяют успешность или неудачу в понимании-постижении субъектом событий и ситуаций человеческого бытия.

Другой план исследования — сознательный отказ психолога от оценки истинности или ложности знаний о событиях и ситуациях, используемых понимающим субъектом в процессах постижения. Главное как для субъекта, так и для психолога заключается в определении ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда нам не безразлично, оно имеет определенную субъективную ценность.

Итак, в психологии постижение трактуется в более узком, чем в социогуманитарных науках, значении. Кратко опишу ключевые признаки психологического феномена постижения.

Во-первых, постижение представляет собой такой тип понимания, который направлен не на простое, а на сложное. В современном дискурсе употребление прилагательного «постижимый» возможно только тогда, когда речь идет о глубоком понимании сути характеризуемого объекта, о проникновении в его основные, наиболее существенные свойства. Например, в 2001 г. для миллионов людей со всего мира очевидным, когнитивно понятным, но экзистенциально непостижимым, почти «апокалиптическим» событием стала неоднократно повторявшаяся по телевизору картина крушения манхэттенских небоскребов-близнецов.

В научном диалоге, особенно в гуманитарном познании, необходимость в постижении нередко обусловлена отсутствием общепринятых понятий, вследствие чего дискутирующие друг с другом ученые описывают одни и те же феномены и явления разными терминами. Неудивительно, что при этом они испытывают трудности в отчетливом понимании точки зрения собеседника. Приведу типичный пример из одного из самых серьезных и уважаемых в российском психологическом сообществе журналов: «Вероятно, мне не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики, когда выстраиваются разные модели (“внешняя” и “внутренняя”), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием» (Фёдоров, 2014, с. 84). В этом случае предмет обсуждения обладает скрытым, неявным содержанием, которое при включении в личностное знание субъектов общения может приводить к порождению ими неисчерпаемого множества смыслов анализируемой в диалоге проблемы. Такие смыслы недоступны для рационального познания: их можно только постигать. Однако в научной литературе есть и противоположные примеры, указывающие на достаточность для уяснения сути научной позиции партнера понимания-знания или понимания-интерпретации предмета обсуждения, из чего следует избыточность и ненужность его понимания-постижения: «Прекрасная статья Л. А. Марковой порождает так много вопросов, что в качестве комментария к ней можно было бы написать текст раза в три больше, чем ее собственный. К счастью, Маркова обладает способностью очень ясного изложения своих идей и рассуждений. Поэтому с ней приятно спорить — не нужно тратить сил на извлечение мысли из путаницы слов и можно прямо противопоставлять ее утверждениям свои критические замечания» (Никифоров, 2009, с. 56)

Во-вторых, постижение — это такое схватывание целого, части которого мы по тем или иным причинам не можем познать и детально описать. Например, мэр мегаполиса ни при каких обстоятельствах не может знать о состоянии всех коммуникаций в городе, работники спецслужб — о всех готовящихся терактах. Необходимость в постижении возникает тогда, когда невозможно познание, когда у нас нет возможности описать понимаемое с помощью логически обоснованных знаний. И если это схватывание, основанное на понимании-объединении целого из частей, то оно должно отражать превалирование в мышлении понимающего субъекта холистичности

3.4. Непостижимое

над аналитичностью (Nisbett et al., 2001). Постигание направлено на преодоление схематичности знания проблемы, устремленность к ее целостному охвату. Когда понимающий субъект не может найти подходящего для понимания фрейма в своей памяти, внутри себя, то он стремится выйти за свои пределы, осознаваемые границы своего Я. Подобный выход, связанный с экзистенциальным самопониманием, неизбежно влечет такое изменение, саморазвитие самого субъекта, которое по концептуальному содержанию в значительной степени совпадает с феноменом «заботы о себе» (Фуко, 2007).

Таким образом, важнейшим психологическим компонентом постижения является холистическое понимание-объединение частей понимаемого события или ситуации в целостную картину. Феномен постижения является неотъемлемой частью человеческого бытия, экзистенции, не поддающейся рефлексивному анализу: постижение своего истинного Я никогда не может без остатка быть сведено к осознаваемому логически обоснованному знанию. В процессах постижения знание замещается опытом, основанным на интуиции, переживаниях и чувствах.

В-третьих, успешность постижения связана с осознанием человеком того, что он живет в таком мире, в котором существует много событий и ситуаций, которые ему никогда не удастся отчетливо осознать и детально описать. Осознание должно сопровождаться установкой, психологической готовностью эффективно действовать в условиях неопределенности. Именно поэтому необходимость не в познании, а в постижении обычно возникает в маловероятных ситуациях, которые трудно прогнозировать. Например, несмотря на знание поговорки «От тюрьмы и от сумы не зарекайся» обычному человеку очень трудно представить невероятный и потому непостижимый набор обстоятельств, совпадение которых создаст ситуацию, при которой он окажется в тюрьме. Постигать такую действительность можно, только понимая и признавая объективный характер ее неопределенности, препятствующей полному осознанию и объяснению.

Как отмечает Л. И. Анцыферова, которая сама, несомненно, была мудрым человеком, понимание и признание неопределенности человека и мира — один из ключевых признаков мудрости. При этом под неопределенностью она имела в виду относительную индетерминированность и непредсказуемость жизни, порождающей экзистенциальные проблемы, которые не имеют простых однозначных

решений и принципиально не могут быть решены только на основе имеющихся у субъекта знаний, умений и навыков. Мудрый человек хорошо понимает присущую жизни неопределенность и обладает совокупностью эффективных стратегий управления ею (Анцыферова, 2004). И, судя по результатам психологических исследований (Леонтьев, 2011; Baltes, Kunzmann, 2003; Sternberg и др., 2003), постижение — удел не просто умных, а мудрых людей.

В-четвертых, существуют научные основания для утверждения, что в процессах постижения субъектом мира (в частности, себя и других людей) больший «удельный вес» имеют не знание, познание и самопознание, а опыт, понимание и самопонимание. В процессе самопознания мы получаем новую информацию о себе, новые знания (например, на приеме у психолога человек может узнать, какой у него коэффициент интеллекта), но не наделяем их смыслом и не иерархизируем по ценностям. Самопонимание, напротив, не вносит количественных изменений в то, что человек знает о себе, однако изменяет знания на качественном уровне: происходит порождение их смысла, интерпретация, осмысление. Самопонимание возникает как результат ответов самому себе не на констатирующие вопросы (что? как? — это функция самопознания), а на причинные (зачем? почему? отчего?). Смыслообразование возникает вследствие способности субъекта отвечать на вопросы о причинах и следствиях природных явлений, а также своих и чужих чувствах, мыслях, поступках.

Постижение основано на мотивации преобразования себя, самопонимании субъекта, приводящим к соприкосновению его внутреннего мира с чем-то иным, внешним по отношению к нему. Постижение возникает и развивается вследствие взаимодействия внутриличностной, межличностной и метаперсональной самоинтерпретации (DeCicco, Stroink, 2007). Постигая что-либо, человек одновременно и углубляется в себя, и выходит за свои пределы. Такой выход требует от субъекта не только соотнесения понимаемых событий и ситуаций с личностным знанием, но и включения их в более широкий контекст человеческого бытия. Метаперсональная самоинтерпретация представляет собой метасистемный уровень самопонимания. Она направлена на выход за пределы индивидуально-личностного, внутреннего мира и охватывает более широкие стороны человеческого бытия — осознание субъектом себя как частицы человечества, жизни, космоса. Метаперсональный Я-конструкт определяется как такое чувство идентичности,

3.4. Непостижимое

которое простирается дальше индивидуального или межличностного и охватывает более широкие аспекты человечества, жизни, психики или космоса (Mara, DeCicco, Stroink, 2010). В процессе метаперсональной самоинтерпретации субъект осознает, что человеческую сущность можно постичь, обратив взор не только внутрь себя, но и на психологические особенности других людей, общество и универсум. Метаперсональное порождается универсальным фокусом: таким взглядом на себя и мир, который включает всю природу и жизнь в Я-концепцию субъекта (DeCicco, Stroink, 2007).

В-пятых, в каждом человеке есть что-то не выразимое в знании, не поддающееся познанию, а представленное только в жизненном и экзистенциальном опыте. Это «что-то» — потаенная основа бытия, его глубинные основания (Касавина, 2014; Кузьмина, 2014). Согласно М. Полани, это скрытая реальность, область неизвестных и непредставимых подлинных сущностей (Полани, 1985). Неудивительно, что во многих жизненных и экзистенциальных ситуациях неразумно и неправильно надеяться на полное и якобы абсолютно точное понимание фактов, событий, людей. Мудрые люди отличаются от других именно ясным осознанием недостаточности понимания-знания или понимания-интерпретации (Знаков, 2016), они изначально принимают как данность необходимость понимания-постижения партнеров по коммуникации. Мудрец знает, что человек это такое духовное существо, потаенные глубины которого не дано узнать не только другим, но и ему самому. И вследствие непостижимости партнеров субъекты общения вынуждены удовлетворяться пониманием-постижением.

Человеческое бытие по объему и содержанию шире познания, и потому даже о себе современный человек не может знать все — самые глубокие мыслители никогда не смогут понять себя. Это очень точно сформулировал М. Н. Эпштейн, характеризуя Г. В. Иванченко: «Она не знала самой себя, она была много больше того, что понимала о себе; эту аристократическую черту нельзя подделать, — врожденный переизбыток бытия над знанием в существе, которое посвятило жизнь самопознанию себя и человечества» (Эпштейн, 2014, с. 4). Мы можем понять таких уникальных людей только по типу понимания-постижения. Это понимание процессуально, динамично и основано не на знании, а на опыте.

В-шестых, постижение неразрывно связано с обыденным знанием человека, живущего в современном мире. Любому профессиональному

психологу известны результаты исследований Л. С. Выготского о житейских и научных понятиях. Ребенок, овладевший житейскими понятиями, обращает внимание лишь на отраженные в них эмпирические связи, т.е. отношения между предметами. Он еще не способен определить понятие другими словами и установить сложные логические отношения, описать целостную понятийную структуру. В отличие от житейских научные понятия встроены в систему знаний, связаны с другими терминами в иерархической системе логических отношений, в которой представлено множество других понятий разного уровня обобщенности. Однако неправильно было бы считать житейские понятия только более ранней ступенью онтогенетического развития человека: они играют важную роль во многих ситуациях и обстоятельствах жизни взрослых людей. Сегодня, когда ученые ясно осознали многомерность мира человека, на соотношение житейских и научных понятий необходимо посмотреть с иной точки зрения.

Множественность и неоднородность ситуаций человеческого бытия закономерно порождает вопрос: может быть, неразумно стремиться описывать и объяснять абсолютно все события и ситуации с помощью достоверного научного знания? Утвердительный ответ на него очевиден, потому что в психологических исследованиях только небольшую часть суждений мы можем соотносить с критериями истины. В остальных случаях, если стремиться быть научно корректным, при интерпретации результатов исследований нужно говорить не об истинности, а о правильности или правдивости суждений о людях, событиях, ситуациях. Решения моральных дилемм, конфликтов, спорных политических вопросов чаще основываются на чувствах, переживаниях, социальных представлениях, на опыте людей, чем на достоверных научных знаниях. Как можно определить, правильно ли поступило правительство Израиля, обменявшее в конце 2011 г. военнопленного капрала Г. Шалита на 1027 палестинцев, отбывавших наказание в израильских тюрьмах за совершение террористических актов и другие преступления против мирных жителей? Это решение не может быть объяснено никакими логическими рассуждениями, потому что оно основано на повседневном знании и экзистенциальном опыте людей, долгие годы живущих в условиях арабо-израильского конфликта.

Аналогично я не могу постичь мотивы и логику рассуждений французских карикатуристов из журнала «Шарли Эбдо», использовавших

3.4. Непостижимое

в сентябре 2015 г. образ трехлетнего сирийского мальчика, утонувшего вместе с братом и матерью при попытке приплыть в Европу, для высмеивания отношения европейских христиан к мусульманам. Однако то, что это именно логика, не вызывает никаких сомнений. Как известно, этот журнал «прославился» на весь мир карикатурами на пророка Мухаммеда. За этим последовали трагические события с расстрелом журналистов, работающих в «Шарли Эбдо». После этого оставшиеся в живых сотрудники издания снова опубликовали аналогичные карикатуры. Трагическая точка была поставлена в серии чудовищных терактов в Париже 13 ноября 2015 г. Все это свидетельствует о гипертрофированном рационализме мышления французских журналистов. Их логически обоснованные аргументы в пользу защиты слова, в том числе свободы рисовать карикатуры на любые темы, отражают представления о существовании «человека рационального» и игнорировании «человека экзистенциального». Иначе говоря, аргументы обращены к сознанию людей, его вербально выражаемому содержанию. Такие аргументы построены на основе пренебрежения когнитивным и аффективным бессознательным, присущим всем людям независимо от расы и национальности (я детально проанализировал их в книге: Знаков, 2016). В новейшей истории человечества проявления такого бессознательного в массовом поведении учат разумных людей тому, что все-таки есть запретные темы. В частности, к ним относятся религиозные: какими бы логически оправданными соображениями мы ни руководствовались, всегда есть шанс, что невольно будут оскорблены чувства верующих. Однако пока все свидетельствует о том, что кровавые уроки людьми в западной цивилизации усвоены очень плохо. Следовательно, психологам как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях исследования давно известно, что далеко не все события и ситуации можно объяснить рационально, с помощью логических рассуждений.

Как известно еще со времен работы А. Шюца «Чужак», знание человека, думающего и действующего в мире своей повседневной жизни, несвязно, оно обладает лишь частичной ясностью и не свободно от противоречий. Обычно человек довольствуется тем, что в его распоряжении есть исправно функционирующая телефонная служба, но не задается вопросом о том, как работает телефонный аппарат. Он покупает в магазине товар, не зная, как тот изготовлен, и расплачивается деньгами, имея самое смутное представление о том,

что такое деньги. А. Шюц пишет: «В повседневной жизни человек лишь частично — и осмелимся даже сказать: избирательно — заинтересован в ясности своего знания, т.е. полном понимании связей между элементами своего мира и тех общих принципов, которые этими связями управляют. <...> Более того, он вообще не стремится к истине и не требует определенности. Все, что ему нужно, — это информация о вероятности и понимание тех шансов и рисков, которые привносятся наличной ситуацией в будущий результат его действий» (Шюц, 2004, с. 536).

Помимо характеристик, указанных выше, обыденное знание включает *осознание непонимания*, т.е. понимание того, что некоторые виды человеческого опыта выходят за пределы обыденной реальности, которую нетрудно понять. Показательный пример — воспоминания людей, переживших клиническую смерть (Моуди, 2024). При анализе таких ситуаций человеческого бытия мы вынуждены анализировать феномен *постижения*, основанный на экзистенциальном опыте субъекта. Очевидно, что понимание некоторых событий и ситуаций происходит при опоре не на достоверное, допускающее эмпирическую проверку знание, а на личностное. Структура последнего в значительной степени основана на неосознаваемом невербализуемом знании, которое можно только постигать. Постигание основано на экзистенциальном опыте индивидуального или группового субъекта. Доказательства этого можно найти в психологических исследованиях, например, женских автобиографий. Характерной особенностью женской автобиографии является апелляция к личному экзистенциальному опыту прежде всего как *гендерному опыту группы*. Как утверждает Ш. Фелман в известной книге «Чего хочет женщина? Чтение и половые различия», в основе такого опыта находятся представления о травме, подавлении, репрессии в культуре (Felman, 1993). Женщина не может писать собственную историю потому, что она не знает ее, так как нельзя «знать» травму: ее можно *только* переживать и понимать по типу понимания-постижения.

На невозможность когнитивного познания травмы, ее отнесенность к постижению очень точно указывает Е. Трубина: «Событие травматично не столько потому, что оно ужасно, сколько потому, что оно непостижимо, потому, что оно бросает вызов пониманию, встряхивает и разрушает базисные допущения о мире, особенно самые хрупкие из них, согласно которым мир осмыслен, Я — позитивно,

3.4. Непостижимое

а другим можно доверять и сочувствовать. Травма остается в культуре знаком невозможности полного знания, концентрируя в себе истину события, ускользающую от опосредования и ассимиляции коллективным или индивидуальным мировоззрением» (Трубина, 2009, с. 906). Неудивительно, что в автобиографии внутренний приватный мир женского Я сознательно или бессознательно противопоставляется автором биографии миру общепризнанных фактов. Вследствие этого вместо временной нарративной последовательности реализуется эмоциональная последовательность событий. В результате *внешняя событийность* якобы очевидных объективных фактов подменяется женской *внутренней аффектированной* автобиографией (Жеребкина, 2007). Типичным и очень характерным в этом отношении является телеинтервью З. Царнаевой, матери двух братьев, совершивших теракты во время марафона в Бостоне в апреле 2013 г. Уже после обнаружения неопровержимых доказательств того, что взрывы осуществили Тамерлан и Джохар Царнаевы, она сказала: «Я уверена на сто процентов, что их подставили, оба моих сына невиновны». И ее трудно заподозрить во лжи, женщина искренне верила в то, что говорила.

Наконец, *в-седьмых*, некоторые психологи анализируют постижение главным образом как интуитивное чувство (Анцыферова, 2005). При этом они подчеркивают, что в процессах постижения главное как для понимающего мир субъекта, так и для исследующего его психологию ученого заключается в определении не истинностных, а аксиологических, ценностных составляющих знаний. Постигаемое всегда человеку не безразлично, оно имеет для него определенную субъективную ценность. И именно в аксиологической направленности постижения проявляется его внутренняя нерасторжимая связь с феноменом созерцания.

В современной психологии феномен созерцания не только изучается, но и содержательно обогащается. Например, в исследовании Г. В. Аكوпова и Л. С. Акопян выявлены четыре аспекта созерцания. Процессуальный аспект характеризуется «погружением или уходом в себя», «остановкой внутреннего диалога», «спокойствием», «душевной гармонией и т.д. Содержательный аспект определяется такими высказываниями участников экспериментов: «ты думаешь о главном в жизни», «о любви к природе и людям, о судьбе», «ты смотришь на красоту, природу, созерцаешь ее и сразу думаешь о своей жизни,

о прошлом, будущем, настоящем». Ситуативный аспект: «созерцание приходит в естественной среде», «когда находишься один», «когда смотришь или слушаешь что-то красивое или спокойное» и т.д. Функциональный (действенный) аспект: «созерцание помогает правильно проанализировать происходящее», «достигается гармония с самим собой», «переоценка событий без эмоций, без сожаления, как наблюдатель со стороны» (Акопов, Акопян, 2024, с. 6).

Следовательно, в созерцании как составляющей постижения выражается неосознаваемое ценностное отношение субъекта к эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальности человеческого бытия, включающей себя и других людей и регулирующей процессы решения им познавательных и экзистенциальных проблем.

Итак, постижение является сложным и многокомпонентным психологическим феноменом. Оно реализуется только в сложных для познающего субъекта ситуациях, характеризующихся большой степенью неопределенности. Обычно такие экзистенциальные ситуации не выразимы в знании и, следовательно, не поддаются познанию. Они представлены только в экзистенциальном опыте человека. Постижение является психическим процессом схватывания целого, в котором значимую роль играют самопонимание, интуитивное чувство и созерцание понимающего мир субъекта. В жизни любого человека число значимых для него экзистенциальных событий и ситуаций очень велико, и потому психологические исследования феномена постижения, безусловно, нужно продолжать.

3.4.2. Непостижимое как компонент возможностного мышления

При понимании человеком неопределенного мира его возможностное мышление направлено на осмысление невозможного, невыразимого, непостижимого и немислимого. Отношение к «непостижимому» в имплицитном виде проходит по всей истории философской мысли. Проявленность, постановка этой проблемы — заслуга русской философии (Ткачев, 2009). Для психологов сегодня уже совершенно очевидно, что экзистенциальный опыт как компонент человеческого бытия включает и объективно непостижимые для субъекта области. Внепонятийное, иррациональное, бессознательное и надсознательное знание о мире можно характеризовать или как «непостижимое для нас» или как «непостижимое по существу» (Франк, 2007). Непостижи-

3.4. Непостижимое

мость мира человека — это один из атрибутов человеческого бытия, а непостижимое для нас оказывается закономерным следствием человеческого разума, пытающегося разгадать загадки сложного многомерного мира.

Проблема соотношения разума и иррационального всегда занимала ученых. Вот, например, как ее видели в XVIII веке: «Рассмотрев карьеру Карла (*шведского короля и полководца Карла XII. — В. З.*), Вольтер мог бы заключить, что неразумное есть часть мира и человека, такая же неумолимая и неустрашимая, как и сам разум, и что оно есть сила, которая должна быть со временем не столько уничтожена, сколько приручена, возвышена и направлена по творческому и полезному для человечества руслу. Однако Вольтер не допускала такой возможности, поскольку разделял со своим веком чисто механистичное представление о человеческой душе, требовавшее, чтобы последняя рассматривалась как поле битвы, на котором противоположные и взаимно исключающие формы сознания — разум и неразумность — извечно сходятся в бою, пока одна не будет полностью повержена другой» (Уайт, 2023, с. 88).

Одна причина непостижимости некоторых событий и ситуаций заключается в принципиальной невозможности их предсказания, понимания и объяснения в терминах рациональных когнитивных схем. Изучая психику человека, особенно применительно к социокультурной и экзистенциальной реальностям, психологи имеют дело не столько с достоверными знаниями, сколько с ценностями и смыслами. Последние уходят своими корнями в потребностно-мотивационную сферу и глубины бессознательного. И получается, что подлинно научное психологическое исследование начинается с осознания ученым ограниченности и потому непродуктивности многих привычных когнитивных схем и шаблонов для изучения внутреннего мира человека.

Другая причина непостижимости некоторых событий и ситуаций человеческого бытия связана с нередко возникающими у современного человека трудностями определения онтологии социального мира. Такие трудности неизбежны при нарушении наших ожиданий, порождающих невозможность совместить очевидное с, казалось бы, невероятным. Иногда происходящее настолько расходится с привычным для субъекта течением бытия, что его почти невозможно признать реальностью.

С. Л. Франк убедительно показал, что непостижимое следует рассматривать как неведомую глубину действительности, которая лежит в ином измерении бытия, отличного от предметного понимаемого и объясняемого мира. Действительность, даже предметно-объектная, никогда не может быть описана только понятиями, потому что она представляет собой нечто большее, соотносимое с непостижимым. Предвосхищая современную проблематику неявного знания (Полани, 1985), С. Л. Франк писал: «Действительный состав нашего знания и познания заключается, напротив, в том, что все открыто или явно “данное” (в узком, специфическом смысле этого слова) дано лишь на фоне неданного, неявного, неизвестного» (Франк, 2007, с. 37). Всякое знание содержит в себе незнание (и выявление возможного), а познание содержит указание на непознанное, неизвестное, неведомое. «Таким образом, наше знание в любом его состоянии и в любой области, к которой оно относится, не только сопровождается незнанием, но и внутренне с ним смешано. Следовательно, бытие всегда и во всяком своем отрезке познаваемо и одновременно непостижимо. *Все познанное, знакомое, известное не перестает оставаться для нас непостижимой тайной*» (там же, с. 51). С. Л. Франк подчеркивает, что непостижимое для нас определяется существованием не только предметного знания, но и некой скрытой от познающего субъекта действительности, которая, как сказал бы М. Фуко, может быть описана только на основе духовного знания: «Мы формулируем это общее положение так: *всякая вещь и всякое существо в мире есть нечто большее и иное, чем все, что мы о нем знаем и за что мы его принимаем, — более того, есть нечто большее и иное, чем все, что мы когда-либо сможем о нем узнать; а что оно подлинно есть во всей своей полноте и глубине — это и остается для нас непостижимым*» (там же, с. 55).

Непостижимое по существу возникает как отражение объективных характеристик самого бытия. В мире человека это такое представление о действительности, которая имеет для людей значение не только чувственно воспринимаемой среды, но и нечто большее. Человеческое бытие всегда есть нечто большее и иное, чем все мыслимое и тем более описываемое в понятиях.

Во-первых, потому, что в любой момент времени бытие уже потенциально содержит то, чем оно станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не является. В этом ракурсе размышления о

3.4. Непостижимое

возможном актуальны по отношению не только к эмпирической реальности, но и к социокультурной. В диалоге смысловая наполненность событий оказывается тем выше, чем с большим числом возможностей их развития они сопоставляются. В психологии понимания это соответствует полноте понимания, прямо зависящей от количества интерпретаций, включенности понимаемого в разные контексты. И это относится не только к тому, что может быть, но и тому, что, безусловно, существует сейчас или было в прошлом. Парадоксально, но наше понимание исторических фактов, прошлых событий определяется сегодняшним их осмыслением. Бытие человека как осознание собственных возможностей, условно говоря, осуществляется, по крайней мере, в двух основных направлениях. Я мыслю, но осознаю реальные возможности и ограничения своего физического тела: я могу пройти пешком десять километров, но не смогу пробежать 42 км марафонской дистанции. Вместе с тем я мыслю и в своем творческом мышлении свободен, например, осознаю множество возможных вариантов написания этого текста (напомню современную модификацию знаменитого тезиса Декарта: «Существовать — значит мыслить возможное»).

Во-вторых, бытие больше мышления потому, что в человеческом бытии немало событий и ситуаций, количество сведений о которых явно превышает возможности оперативной памяти и мышления познающего мир субъекта. В контексте психологии человеческого бытия, основанием которой является психология субъекта, уместно заметить, что «непостижимое по существу» С. Л. Франка как скрытое, недостижимое, лишь искомое субъектом явным образом переключается с искомым, неизвестным в процессе мышления, которое, по А. В. Брушлинскому, изначально никогда не совпадает с заданным требованием задачи (Брушлинский, 2006). Непостижимость для человека многих событий и ситуаций определяется невозможностью определения их причин или последствий. Иначе говоря, причины непознаваемы. Непостижимость определяется неразрывной связью прошлого и будущего не только в индивидуальной жизни, но и в целостном человеческом бытии, понимающем или не способном понять себя.

Согласно Франку, «всякая реальность в ее конкретности металогична и потому сверхрациональна, непостижима по своему существу. Поэтому и все ведомое нам и нам знакомое остается лишь ведомой и знакомой *стороной* реальности, ведомым и знакомым ее "явлением" или

“отображением”, тогда как сам источник и носитель всего ведомого — сама реальность как таковая, — *будучи открыта нашему созерцанию*, именно в этом созерцании усматривается как *по существу непостижимое*. Она непостижима, таинственна и чудесна в этом смысле, повторяем, не по слабости наших познавательных способностей, не потому, что скрыта от нашего взора, а потому, что ее явно нам *предстоящий состав сам по себе, по своему существу превосходит все выразимое в понятиях и есть в отношении содержания знания нечто безусловно инородное*. Именно в этом смысле оно непостижимо *по существу»* (Франк, 2007, с. 71).

Следует уточнить: непостижимость не означает принципиальной невозможности понимания. Непостижимость человеком некоторых событий и ситуаций возникает вследствие трудностей концептуализации. Другими словами, объединения в целостную схему, структуру осознаваемых и неосознаваемых, но все-таки интуитивно понятных категориальных знаний о понимаемом. Познавательное состояние осознания трудностей концептуализации нередко возникает во время психологического исследования. Такое интеллектуальное состояние хорошо известно, например, тем из нас, кто занимался проблемой самопонимания субъекта. Исследования высших уровней самопонимания взрослых людей (Cook-Greuter, 1994) свидетельствуют о том, что они достигаются тогда, когда субъект понимает ограниченность когнитивных, рациональных способов объяснения стабильности своего внутреннего мира и начинает осознавать динамику изменяющихся, временных ценностно-смысловых образований внутренней реальности. На высшем автономном уровне самопонимания рациональные мысли и рефлексия перестают восприниматься как данность и становятся объектами сомнения и исследования. У субъекта появляется понимание непрерывности процесса реструктурирования взгляда на мир. Такие люди хотят освободиться от рабства рациональной мысли и быть свободными от ограничивающих самоопределений. Они стремятся увидеть жизнь заново, без предвзятых идей и сформированных в течение жизни мыслительных навыков. И это при том, что они отчетливо понимают, насколько трудно выйти за пределы автоматизированного рационального поведения. В этом новом переживании собственного Я становится возможным понять ограничения самоидентификации посредством ее категоричного и конкретного определения. Субъект переживает свое Я в его постоянной трансфор-

3.4. Непостижимое

мации и сознательно отказывается от объективной идентификации. Он понимает, что вследствие переживания непрерывного потока изменения состояний сознания стремление к постоянству собственной индивидуальности — это невозможная и ненужная мечта.

В разных областях научного познания можно найти исследования непостижимого. В частности, интересными являются анализ непостижимой эффективности математики в естественных науках (Вигнер, 1971; Хайтун, 2016), а также интеграции рационального и интуитивного опыта как средства понимания математики (Брейтгаг, 2013). Очень важен проделанный Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдером анализ понимания как абсурда (Мухелишвили, Шрейдер, 1998). Точнее говоря, парадигматического понимания ситуаций на основании выявления причинно-следственных связей (например, воздание каждому по его заслугам) и ценностного постижения таких ситуаций человеческого бытия, которые в принципе нельзя непротиворечиво описать средствами логического мышления. Их осмысленность, преодоление кажущейся абсурдности достигается соотношением не с познанием, а с аксиологическими структурами, ценностями.

Понимание непостижимого характеризуется тем, что оно может основываться даже на неосознаваемых и неизвестных сторонах понимаемого. «Можно понимать что-то, не осознавая, что понимаешь, и даже не будучи знакомым с предметом. Возможно, это звучит парадоксально, но весь смысл глубоких, общих объяснений состоит в том, что они охватывают не только знакомые ситуации, но и незнакомые. Если бы вы были современным математиком и впервые столкнулись с римскими цифрами, возможно, вы бы сразу не осознали, что уже понимаете их. Сначала вам бы пришлось узнать определенные факты о том, что это такое, а потом поразмышлять над этими фактами в свете имеющегося у вас понимания математики. Но сделав это, вы могли бы, оглядываясь, сказать: “Да, в римской системе цифр для меня нет ничего нового, кроме фактов”» (Дойч, 2015, с. 22–23).

Современные психологи активно анализируют конкретные способы «перехода от поверхности в глубину» предметов и явлений и соответственно причины их непостижимости. При этом важное значение придается анализу знаково-символических средств. При дифференциации психологических механизмов понимания фактов и событий эмпирической, социокультурной, экзистенциальной реальностей надо различать знаки, когнитивные и экзистенциальные символы.

В психологических механизмах понимания-постижения ключевую роль играют экзистенциальные символы. С психологической точки зрения, в отличие от когнитивного экзистенциальный символ выражает нечто субъективно значимое для человека. Различие между когнитивными и экзистенциальными символами восходит к античным мыслителям: «У Аристотеля символы понимаются как знаки, значение которых может быть легко угадано и узнано. У Платона символы воспринимаются как образы, содержание которых раскрыть непросто. Здесь в силу вступает интуиция или прозрение» (Спирова, 2011, с. 20). Экзистенциальные символы обладают свойством трансцендентности, выхода за пределы наличного перцептивно воспринимаемого бытия — выражением чего-то неявного, не лежащего на поверхности. Кроме того, в таких символах проявляется закодированность, зашифрованность глубинного смысла, таинственность и мистичность понимаемого субъектом мира. Наконец, «важнейшими отличительными характеристиками символа выступают признаки, связанные с многозначностью, неопределенностью и даже противоречивостью символизируемого содержания. Это и расплывчатость, и зыбкость его семантических границ, и многослойность, и глубина, и в конечном итоге неисчерпаемость заключенных в нем смыслов» (Воркачев, 2021, с. 7).

Типичным экзистенциальным символом для человека становится могила умершего близкого: при неоднократном посещении кладбища она постепенно превращается в поливалентный личный символ, воплощающий смысл жизни и смерти, объединяющий прошлое, настоящее и будущее. Привязанность, психологическая близость с умершим способствуют формированию понимания могилы как неотъемлемой составляющей субъективного Я. Символическое изображение другого в виде памятника или надгробной плиты порождает ощущение присутствия умершего. Человек вступает в диалог: стоя у могилы, он не только реконструирует прошлую жизнь с ушедшим близким, но и строит свое воображаемое будущее. «Формирование символа подразумевает трансцендентность реального мира “как есть” путем построения воображаемого мира “как будто”». Поливалентные символы представляют собой конструкции “как если бы”: к могиле приближаются так, как если бы мертвый все еще присутствовал каким-то образом, как будто диалог мог происходить конкретно, как если бы его усилия по украшению могилы могли быть признаны

3.4. Непостижимое

умершим и т.д.» (Josephs, 1998, p. 183). Конструктивная ассимиляция, создание «как будто», обращение человека к умершему, как к живому, не только порождает «дополнительную» реальность, но и делает диалог личностно значимым, преобразующим его самого. И. Е. Джозефс демонстрирует это на примере пожилой женщины Лены, год назад потерявшей мужа Макса. Посредством реальности «как будто» женщина поддерживает связь с ее реальной жизненной ситуацией, она трансформирует свой мир и себя. Надгробие идентифицируется у нее с Максом, но не только оно: постепенно образ мужа связывается у нее, например, с камнями в саду у дома: «Лена построила сложную сеть значений: могила как поливалентный символ стала мостом, который связывал ее прошлое, настоящее и будущее, и она была тесно связана с социальным миром (через конструирование голоса покойного). Могила стала частью ее самости в ожидании будущего, создавая чувства надежды и безнадежности (потеря индивидуальности). Эта символическая сеть динамична и ориентирована на будущее, так как социальные перспективы и время динамически переплетаются» (Josephs, 1998, p. 192).

В современных российских психологических исследованиях можно выделить два подхода к пониманию символа. «В первом случае представление о символе неразрывно связано с предположением скрытого бессознательного измерения психики, символ выражает постоянное соотношение между чувственно осязаемым явлением, которое представлено в сознании, и его бессознательным значением; во втором примере понимание специфики символа детерминировано представлением о способности психики к прямому отражению реальности, поэтому символ — это своего рода уменьшенная копия реальных объектов; в последнем примере определение символа также содержит имплицитное предположение об ином, скрытом измерении психики, однако соотношение между осознаваемым, чувственно осязаемым явлением и бессознательным смыслом постоянно преобразуется, форма символа, так же как и его смысл, способны трансформироваться и развиваться, как живое существо» (Цыбуля, 2014, с. 114–115).

В психотерапии символы изучаются как средства экспликации альтернативных пространств внутреннего мира пациента, выявления его альтернативных содержаний: «Внимательное рассмотрение существующих способов терапевтического применения символа и

его функций в основных школах психотерапии позволяет увидеть, что им соответствует характерное представление об “альтернативном пространстве” внутреннего мира клиента (его жизненного мира в целом) или “альтернативных психологических содержаниях”, которые противопоставлены актуальному состоянию сознания и бытия клиента: “бессознательное” (психоанализ), “бессознательная часть души” (К. Юнг), “измерения бессознательного” (Р. Ассаджиоли), “сокрытое” (М. Босс), “неосознаваемое в данный момент” (гештальт-терапия), “сверхъестественные силы” (прототипы психотерапии), “потенциал” или “ресурс развития личности” (клиент-центрированная терапия) и др. Применение символа как психологического средства в психотерапии обеспечивает “выход” в пространство альтернативных смыслов и значений, позволяющих клиенту осмыслить и преодолеть его проблемную ситуацию; а также организует или порождает значимый, событийный опыт, приводящий клиента к переосмыслению своей проблемы» (Цыбуля, 2012, с. 169).

Мы живем в среде, содержащей множество символов (веры, духовности, государственной власти и др.), имеющих в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Мировоззрение россиян всегда в значительной степени было символичным. Символы, как известно, имеют в мире человека важное историческое, религиозное, культурное, научное и социальное значение. Символы содержательно неразрывны с экзистенциальными тайнами бытия. В самом полном и глубоком смысле «символ только тогда истинный символ, когда он неисчерпаем и беспределен в своем значении, когда он изрекает на своем сокровенном (иератическом и магическом) языке намека и внушения нечто неизглагоемое, неадекватное внешнему слову. Он многолик, многосмыслен и всегда темен в последней глубине... Символы несказанны и неизъяснимы, и мы беспомощны перед их целостным тайным смыслом» (Иванов, 1994, с. 141). Символ по своей сути — это знак, обозначающий что-то скрытое, тайное, нередко понимаемое людьми как сверхъестественное. Символ указывает на существование иной, не воспринимаемой органами чувств действительности, которую некоторые ученые называют «скрытой предметностью»: «Другими словами, мы можем говорить о продуктивности символа только тогда, когда его внешняя предметность постоянно соотносится со скрытой предметностью, т.е. с той реальностью, познавательным средством которой он выступает»

3.4. Непостижимое

(Веракса, 2016, с. 57). Понимание значений знаков и смыслов символов происходит во время взаимодействия субъекта с объектом, в процессе умственной деятельности. Причем из сказанного выше следует, что «смысл символа нельзя разъяснить с помощью однозначной формулы, как в случае знака, его можно только пояснить определенным ассоциативным рядом. Таким образом, смысл выступает как тенденция, он не дан, а задан, и требуется усилие — сознательное и личностное одновременно, чтобы его раскрыть» (Белановская, Грицовец, 2020, с. 45).

Психологические исследования обнаруживают многослойность содержания символов, направленность субъекта, понимающего символические структуры, на целостное постижение, преодолевающее фрагментарное познание мира. Теоретический анализ психологических потенциалов символов позволяет констатировать, что они обладают экзистенциальной событийностью, направленной на преодоление обыденности. Интеграционные возможности любого экзистенциального символа проявляются в сочетании «очевидного, явного и скрытого, латентного; в пластичности символа, выражающейся в возможности вместить смысловую бесконечность в замкнутую форму; в заданности смыслов символа как динамической тенденции (а не как наличности в готовом виде), которая актуализирует понимание, постижение символа через развертывание своей идентичности» (Федоров, 2012, с. 29). Трансцендентно-смысловые ресурсы символа позволяют человеку «преодолевать зависимость от наличной ситуации, выходя в пространство индивидуальных и надиндивидуальных бытийных смыслов и осуществляя собственно человеческую идентичность» (там же). В социокультурной реальности символический характер для людей могут иметь не только отдельные предметы (памятники и т.п.), но и целые социальные и мировоззренческие системы. Примерами могут быть советская власть и религия (Сухачев, 1997).

Одной из причин непостижимости символов понимающим мир субъектом является существование в его психике не только бессознательного личностного знания. Не меньшую роль в понимании-постижении символов играет осознание пределов познавательной деятельности, влекущее признание человеком объективно неизбежного незнания полной картины действительности, имеющей символическое обозначение. Глубокий анализ незнания как составляющей понимания символа дан в лекциях М. К. Мамардашвили об эстетике мышления. Он говорил о том, что «символы есть символы

сознания, которые одновременно незнание. Это — со-знание. То есть мы в нем знаем что-то другое, не зная того, в чем мы это знаем. Как бы нечто сопровождает сознание, и в нем будет знание, а в другом месте не будет, но что это такое, мы не знаем. Мы не можем со-знание, то есть вот эту частицу "со-", превратить в объект. Это и есть то самое дополнительное измерение незнаемого, невидимого, ибо мы не видим сознания. Мы видим содержание сознания, но никогда не видим сознание» (Мамардашвили, 2001, с. 53).

Обсуждая проблему незнания, нужно иметь в виду его разновидности, о которых говорил Д. Рамсфельд: «Есть известные известные — вещи, о которых мы знаем, что знаем их. Есть также известные неизвестные — вещи, о которых мы знаем, что не знаем. Но еще есть неизвестные неизвестные — это вещи, о которых мы не знаем, что не знаем их» (цит. по: Стюарт, 2022, с. 317).

Феномен незнания играет существенную роль в разных областях человеческой деятельности, в том числе в образовании. При обучении у творческих заинтересованных в овладении профессией студентов знание о своем незнании становится источником вдохновения, поиска нового и в конечном счете — стимулом для интеллектуального саморазвития личности. «Неизвестное всегда интереснее, чем изведенное, знакомое, известное. Конечно, это и труднее. Приходится добывать знание методом проб и ошибок. Недостаточность наличного знания или незнание чего-то конкретного порождает проблемную ситуацию, а вместе с ней и качественно новое состояние субъекта познания. В процессе деятельности по разрешению проблемной ситуации происходит прирост знания, что, конечно же, способствует развитию личности» (Чарикова, Каргапольцев, Лихненко, 2019, с. 77).

3.5. Немыслимое

3.5.1. Понятие «немыслимое» в социогуманитарном познании

Проблема понимания немыслимого — новая для российской психологической науки. В недавно проведенных исследованиях проанализирована семантика понятия «немыслимое». Показано, что когнитивные составляющие феномена сводятся или к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить, или к чрезвычайному, исключительному по степени проявления. Экзистенциальное

3.5. Немыслимое

значение «немыслимого» связано с принятием или отвержением моральных и социальных норм поведения человека в обществе, с недопустимостью ситуаций, которые понимаются большинством людей как немыслимые. Немыслимое (Холокост, теракты, зло) порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить.

Начиная исследовать проблему, сначала нужно определить семантику этого феномена, хотя бы приблизительно очертить его содержательные контуры. Наиболее очевидными являются три значения «немыслимого».

Во-первых, немыслимым мы называем непонимаемое, то, что сначала кажется понимающему субъекту невозможным, невероятным, недопустимым, но потом может оказаться понимаемым и даже вполне приемлемым. Немыслимое превращается в мыслимое, непонимаемое становится понимаемым. К примеру, для обычного человека немыслимым является сознательное и рациональное детоубийство. Такой поступок немыслим, непонятен потому, что барьером для понимания оказываются ценностные ориентации цивилизованных людей, для которых на вершине иерархии находится ценность человеческой жизни. До исследований Р. Моуди (2024), Э. Кюблер-Росс (2023) и других ученых немыслимым был выход человека за пределы своего физического тела и видение себя со стороны: оказалось, что при кратковременной клинической смерти это возможно. Еще один пример: «Когда в недавнем прошлом в Государственном архиве Великобритании был открыт доступ к документам, относящимся к операции "Немыслимое", газета, которая первой широко осветила их появление, вышла с заголовком на первой странице: "План Черчилля по развязыванию третьей мировой войны против Сталина". Далее в статье речь шла о том, что в мае 1945 г. Черчилль приказал "Военному кабинету составить планы возможного наступления против Сталина, которое должно было привести к уничтожению России"» (Дилкс, 2002, с. 126). Неудивительно, что эта операция получила название «Немыслимое»: в это время СССР и Великобритания были союзниками в войне против фашистской Германии, и потому никто не мог и допустить мысли о том, что британцы замыслили боевые действия против русских.

Во-вторых, немыслимым для нас навсегда остается и принципиально непонятное, в частности ответы на вопросы: «Почему именно

я заболел ковидом?», «За что мне это?». Они невысказаны потому, что мы не знаем и никогда не узнаем конкретные причины болезни. Бессмысленно искать ответы на вопросы, на которые нет ответов, просто надо осознать, что тайны — неотъемлемая составляющая человеческого бытия.

В-третьих, невысказанными нередко называют известные, понятные сами по себе факты, но анализируемые в редком, неожиданном контексте: «Четверть века огромные просторы Предуралья защищала и преумножала — невысказанное для Московской Руси образование — частная армия Строгановых» (Абрамова, Трапезников, 2021).

Обычно словарные определения «невысказанного» сводятся либо к «невероятному», «невозможному», тому, что трудно представить (ядерная война в современном мире), либо к чрезвычайному, исключительному по степени проявления (запредельно высокая цена товара или очень красивая женщина). Однако это только когнитивное содержание феномена, для психологов гораздо более значимым и интересным является его экзистенциальное значение, связанное с принятием или отвержением морально-нравственных норм. Показательным примером может служить фильм режиссера Г. Джордана «Невысказанное». До какой степени физических и моральных истязаний могут доходить представители спецслужб по отношению к террористу, готовому выдержать любые пытки, но не сказать, в каком из многомиллионных городов должна взорваться ядерная бомба? Как и в случае других моральных дилемм, на этот вопрос нет однозначного ответа, соответствующего общепринятым нормам поведения.

Научно значимая проблема осознания и определения феномена невысказанного давно обсуждается, в частности философами, и это неудивительно. «В современной философии “невысказанное” выступает в самых различных обликах (например, как “бессознательное” или как “отчужденный человек”), но выполняет сходную роль: исподволь влияя на человека, оно побуждает его к знанию и действию. Внедряясь в бытие, мысль приводит его в движение, она не скользит по объекту, но становится реальной силой, действием, практикой» (Автономова, 1994, с. 18). М. Н. Эпштейн развивает эту мысль с точки зрения философии возможного: «Можно представить философию в совершенно другой роли, чем принятые сейчас дискурсивно-дискуссионные формы изоляции ее от единичного: как мышление, вписанное в круг своих предметов, взаимодействующее именно с чуждостью невысказанного,

3.5. Немыслимое

в той странной связи с референтами мысли, когда философия не отстраняется от них и не растворяет их в себе, а соприсутствует с ними в одном метатекстуальном пространстве. Мышление само указывает на немыслимое и полагает себя рядом с ним, как неотделимое от него и к нему несводимое» (Эпштейн, 2001, с. 158).

Проблема соотношения когнитивных и экзистенциальных составляющих немыслимого была предметом размышлений М. Фуко. В напряженных интеллектуальных поисках онтологии немыслимого он пришел к выводу, что сегодня декартовское «я мыслю» уже не приводит с очевидностью к «я существую». *Cogito* не приводит к утверждению бытия, зато оно открывает возможность целого ряда вопросов о способе бытия человека и его отношении к немыслимому. Это происходит потому, что «в современном *cogito* речь идет о том, чтобы понять все значение того промежутка, который одновременно и отделяет, и вновь соединяет сознающую себя мысль и ту ее часть, которая укореняется в немыслимом» (Фуко, 1994, с. 345). Немыслимое противостоит рефлексивному познавательному знанию как нечеткая проекция человека с его истиной. В то же время такая проекция играет роль основы, позволяющей человеку вернуться к своей истине: «Это темное место, в котором столь часто видят глубинную область природы человека или же неприступный оплот его истории, на деле связано с ним совсем иначе: одновременно и чуждо, и необходимо для него — это и тень, отбрасываемая человеком, вступающим в область познания, это и слепое пятно, вокруг которого только и можно строить познание» (там же, с. 347).

С. Л. Франк, рассуждая о немыслимом, ставил сразу две проблемы. Во-первых, прежде чем говорить о немыслимом, нужно знать содержание мыслимого. Во-вторых, познающий субъект должен ясно осознать, что познанию доступно не только данное в опыте, но и далеко выходящее за его пределы: «Воспрещать же немыслимое не только бессмысленно, но и немыслимо: чтобы выразить запрещение, надо уже мыслить то, что запрещается. Мы видим: даже само допущение невозможности выйти за пределы опыта предполагает эти пределы, которые сами немыслимы вне допущения чего-то запредельного; даже убеждение, что нам доступно только данное в опыте, предполагает непосредственную мыслимость чего-то иного» (Франк, 1995, с. 123–124).

Мыслимость соотносится с логически возможным и невозможным, при этом подчеркивается, что мыслимое нуждается в немыслимом

в качестве фона и условия его возможности (Анкин, 2016). Невозможное рассматривается как предел, до которого может доходить человеческая деятельность, а немислимое — как предел понимания: «Невозможное — это, в отличие от немислимого, предел деятельности. Несовпадение пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как: 1) нечто мыслимое и одновременно возможное; 2) нечто мыслимое, но невозможное; 3) нечто немислимое, но возможное; 4) нечто немислимое и одновременно невозможное. Такого рода схема описывает соотношение рецепции в целом как совокупности процедур познания и понимания с проекцией как совокупностью процедур деятельности. По ней можно проанализировать любого рода “природу”, на фоне которой выстраивается культура как человеческое в человеке» (Нестеров, 2017, с. 63). Фантастические романы, а также развитие новой техники позволяют современному человеку раздвинуть границы немислимого, увидеть новые грани возможного и невозможного.

В социогуманитарных науках понятие «немислимое» впервые использовал Г. Кан, ведущий аналитик RAND Corporation в период холодной войны. Анализируя возможные сценарии развития человечества после ограниченной термоядерной войны, в которой погибнет около 25–50% мирового населения, он отстаивал принцип «мыслить немислимое». Академические ученые, не обладавшие интеллектуальной смелостью, закрывали глаза на такого рода проблемы и указывали на очевидное, а не на возможное — неприемлемость ядерной войны. Сегодня, в 2025 г., возможность ограниченной термоядерной войны уже не воспринимается как немислимое событие. Кан считал, что нужно анализировать все возможные варианты будущего развития, в том числе кажущиеся сегодня невероятными и немислимыми. Он справедливо полагал, что история часто оказывается намного более многообразной, чем это представляется возможным даже незаурядным мыслителям. В качестве примера он приводил Первую мировую войну. До ее начала возможный сценарий войны мог восприниматься только как дурной сон, совершенно невероятное событие. Тем не менее зигзаги исторических событий привели к тому, что война произошла, в результате чего пострадали миллионы людей. По Кану, принцип «мыслить немислимое» заключался в необходимости поиска

3.5. Немыслимое

максимального результата с помощью инноваций, которые были бы полезны для мира, в котором уничтожены фундаментальные составляющие современной инфраструктуры. «Мыслить немыслимое» — значит сегодня думать над созданием технологий, необходимых на следующий день после конца света (Kahn, 1962).

Сегодня с легкой руки Г. Кана понятие «немыслимое» активно используется учеными при обсуждении сценариев возможного развития террористической угрозы, пандемии, изменений климата и т.д. Вот только один пример: «После террористических атак 11 сентября 2001 года то, что когда-то было почти немыслимыми ситуациями в Северной Америке, теперь кажется возможным, даже вероятным развитием событий. Риск новых атак реален, хотя в Канаде не было серьезной общенациональной дискуссии о том, какие угрозы безопасности влекут за собой для государственной политики во все более интегрированной Северной Америке и мире» (Goldfarb, 2004, p. 3).

В XXI веке сценарии немыслимого (на примерах фармацевтических компаний, недооценивающих последствия продвижения некоторых лекарств; отказа католической церкви от борьбы с систематическими злоупотреблениями в отношении священников-педофилов; предположений японских инженеров и ученых о том, что их реакторы могут выдержать землетрясения, и др.) продуктивно продолжают анализировать Ф. Е. Тетлок с коллегами (Tetlock et al., 2000; Schoemaker, Tetlock, 2012). Он полагает, что табу (неявные ограничения, запреты на то, что можно сказать и даже подумать) являются универсальной чертой социальных систем. Проследив постфактум любую катастрофу до ее первопричин, практически всегда можно найти предупреждающие сигналы, предвещавшие гибель. Вместе с тем оказывается, что лидеры игнорировали сигналы, к которым им следовало прислушаться. В таких ситуациях корень проблемы — не в отсутствии доказательств, а в нежелании руководителей противостоять «отвратительным» идеям, потому что сигналы противоречили существовавшим у них ментальным моделям и ценностям. Вследствие этого они переходили в область «невыразимого» или «немыслимого». В современных теориях управления и менеджменте проблеме немыслимого уделяется все возрастающее значение. «Думать о немыслимом» стало предметом обсуждения на нескольких крупных международных конференциях и интерактивных панельных сессиях. На них констатировалось, что немыслимые события (появление Эболы в Западной Африке,

пандемии COVID-19 и т.п.) вызывали в правительствах разных стран чувство удивления, замешательства, бессилия и беспокойства, которое иногда переходило в страх. Однако не было ни политического желания, ни исполнительного императива предпринять какие-либо упреждающие действия. По какой-то причине перспектива была «неприятной». Проблема заключается в неприятии риска, восприятии его не с комфортом, а с тревогой. Очевидно, что в этих условиях очень полезными оказываются психологические исследования, позволяющие выдвигать на руководящие должности людей, не только принимающих риск, но и испытывающих удовлетворенность от действий в неопределенной среде (Корнилова и др., 2010). Таких людей, как И. Маск, который не избегает риска, а стремится к нему и считает, что прогресс человечества без этого невозможен: «Вот так и происходит упадок цивилизаций. Они перестают рисковать. А когда они перестают рисковать, их артерии затвердевают. С каждым годом судей становится больше, а дел — меньше. Вот почему Америка больше не может строить такие вещи, как высокоскоростные железные дороги или ракеты, отправляющиеся на Луну. Когда вы слишком долго добиваетесь успеха, у вас пропадает желание рисковать» (Айзексон, 2024, с. 661). Еще один сценарий «Думать о невысказанном» связан с анализом логической противоположности серендипности возможностного мышления — зембантностью, т.е. сознательным стремлением создавать неудачи или подавлять любые хорошие результаты, вызванные счастливой случайностью. Цель анализа — обогатить понимание того, почему некоторые фирмы не могут воспользоваться многообещающими возможностями или активируют порочные круги, ведущие к непреднамеренным негативным последствиям в работе фирмы. В результате должен появиться «потенциал для обогащения литературы по управлению кризисами путем изучения того, в каких обстоятельствах “невезение” не является чисто случайным, поскольку оно может в значительной степени зависеть от того, как менеджеры реагируют на неблагоприятные события» (Balzano, 2022, p. 143). Следовательно, менеджеры должны быть обучены и готовы справляться с кризисами.

Ф. Е. Тетлок называет ситуации невысказанного «сценариями табу», потому что идеи, рассматриваемые правящим большинством как табу, не привлекают того внимания, которого они заслуживают. Из-за этого табуированные сценарии представляют собой пагубные риски для организаций. Табу (например, торговлю человеческими

3.5. Немыслимое

органами) называют немислимыми действиями: «Табу иногда называют совершением “немислимого”. Даже мысль о нарушении табу проблематична. Связанные с этим санкции относятся не только к поведению, которое противоречит табу, но и просто к размышлениям или рассмотрению такого поведения. Согласно этой интерпретации, табу является формой “полиции мысли”, которая управляет не только поведением человека, но и его мыслями» (Fershtman, Gneezy, Hoffman, 2011, p. 140).

Мы все придерживаемся убеждений и ценностей, которые считаем универсальными и отказываемся подвергать сомнению, пока не столкнемся с обстоятельствами, которые их нарушают. Причем некоторые ценности кажутся священными — их нельзя нарушать. К ним относятся неприкосновенность человеческой жизни, необходимость защиты детей и сохранения окружающей среды для будущих поколений. Предложения, связывающие эти ценности с компромиссами или подрывающие их моральную значимость, как правило, вызывают яростный протест. Однако прогресс человечества требует осмысления новых возможностей: «Давние табу, возможно, придется пересмотреть из-за инноваций, технического прогресса или просто нового образа мышления. Лидерам, возможно, потребуется подвергнуть сомнению табу организации, чтобы увидеть новые возможности, или предупредить друг друга о надвигающейся угрозе, которая, возможно, слишком ужасна, чтобы ее можно было даже рассматривать. Это могут быть неконтролируемые расходы на периферии зоны евро; риски, связанные с чрезвычайно прибыльным, широко используемым лекарством; опасности устоявшейся технологии, такой как ядерная энергетика в Японии; или новая технология, такая как геновая инженерия» (Schoemaker, Tetlock, 2012, p. 12). Для переоценки и устранения табу авторы рекомендуют руководителям развивать организационную культуру, которая поощряет интеллектуальное любопытство. Неудобные возможности надо исследовать именно потому, что они разрабатываются как предварительные гипотезы. В этом случае, рассматривая альтернативные точки зрения, изложенные в конструктивном духе, руководители с меньшей вероятностью будут ошеломлены сценариями, которые были невидимы из-за табу на высказывание правды. Это может быть сделано посредством поощрения всех, кто откровенно выступает против преобладающих норм. При этом отмечается, что при рассмотрении табуированных

сценариев эмоциональные барьеры часто даже более сложны, чем когнитивные. «Понимая это, лидеры должны поощрять культурное разнообразие, терпимость к двусмысленности и уважение к различиям» (там же, р. 20).

Есть публикации, авторы которых исследуют, как немислимое сказывается на формировании идентичности личности. В этом контексте даже мысль о нарушении табу считается немислимым действием, влекущим наказание. Анализируется модель, в которой табу являются частью определения личности. Отмечается, что нарушения табу изменяют набор индивидуальных предпочтений и указывают на информацию о возможных личных выгодах. Однако поскольку нарушения табу требуют больших затрат, то они противоречат идентичности человека (Fershtman, Gneezy, Hoffman, 2008).

Категория «немислимое» применяется и в других гуманитарных и социальных науках (Gowing, Langdon, 2018; Thomson, 2018). Один из примеров изучения немислимого в исторической науке — статья, посвященная гаитянской революции (единственному в истории успешному восстанию рабов, произошедшему во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг., в результате которого колония получила независимость). Гаитянская революция была немислива в то время, когда она произошла, потому что европейцы XVIII века мыслили по-расистски. Однако она немислива и для многих современных историков, которые не могут примириться с историей, какой она была на самом деле (Sepinwall, 2013).

3.5.2. Психология понимания немислимого

В психологии задача изучения немислимого также уже давно оценивается учеными как очень значимая. Исследования детерминации понимания экзистенциальной реальности свидетельствуют о том, что наряду с возможным в психологической науке, например в психологии личности, психологии мышления очень важно изучать не только невозможное, но и немислимое. В этом плане «остается актуальной постановка вопросов о тех психологических процессах, посредством которых человек в своих предвосхищениях или прогнозах выходит из области возможного в мышлении на основе доступной ориентировки в область прогнозов “немислимого”, соотносит их рефлекслируемые и интуитивные основания» (Корнилова, 2016, с. 22).

3.5. Немыслимое

В роли психологического механизма осознания границ между мыслимым и немыслимым, непознанным и потому невозможным выступает понимание: «Например, человек смог исследовать материальную природу только тогда, когда отделил ее от нематериальной и очертил ее область. Изучение расширенной области познаваемого требует изменения методов анализа. Важно показать недопустимость применения выводов при исследовании одной области мыслимого к другой области. Человек осознает смещение границ мыслимого как непонимание. Понимание и непонимание взаимопредполагаемы» (Маслова, 2007, с. 11). При этом «возможные варианты понимания являются реализацией рационального осознания в пределах определенных границ. Сознание человека формирует обратную связь между достигнутым пониманием и его границей, за которой обнаруживается новая область непонятого» (там же).

Важным психологически значимым проявлением немыслимого является соотношение сознательного и бессознательного. Иногда немыслимое так глубоко запрятано в сознании понимающего мир субъекта, что его нельзя «извлечь» и объяснить с помощью фреймов, когнитивных схем, вообще на основе рациональных знаний. И тогда для объяснения обсуждаемого феномена полезно вспомнить мысль, сформулированную индийским мыслителем Д. Кришнамурти: «Понимание не приходит со знанием. Оно приходит в интервале между словами, между мыслями, этот интервал — безмолвие, не нарушенное знанием; оно открыто, неуловимо, внутренне полно» (цит. по: Налимов, 1979, с. 112).

Вероятно, наиболее известными примерами немыслимого в истории человечества можно считать теракты и Холокост — планомерное убийство миллионов людей по этническому признаку. Нормальному человеку трудно понять мотивацию и логику мышления нацистов и террористов, потому что «нормальность» основана на представлении об абсолютном приоритете ценности человеческой жизни. Однако с приоритетом ценности человеческой жизни у человечества всегда были проблемы: моральная заповедь «Не убий» — это запрет убийства одного человека, а за истребление врагов во время войны людей не наказывают, а награждают. Пример — советский пропагандистский лозунг «Убей немца!» (не одного, а многих), стихийно появившийся в июле 1942 г. и поддержанный советской пропагандой для активизации ненависти к главному противнику СССР во Второй мировой войне.

Другой пример — смертные казни, законодательно разрешенные в некоторых странах. Таким образом, убийство человека не разрешено в качестве морального запрета, а правовой закон запрещает только незаконное убийство, совершающееся по чьему-либо произволу.

Многовековые противоречия между правовыми и моральными нормами, относящимися к индивидуальному или массовому убийствам, особенно отчетливо проявились во время Нюрнбергского процесса, суда над нацистами, причастными к массовому истреблению людей. Подавляющее большинство подсудимых были осуждены как преступники, но сам процесс вскрыл множество изъянов правовой системы, породивших мнение о его глобальном провале: «Нигде это озадачивающее положение не проявилось нагляднее, чем в ужасном провале Нюрнбергского процесса. Попытка свести демографическую политику нацизма к понятиям уголовного права о преследовании и убийстве привела к тому, что, с одной стороны, сама чудовищность преступлений сделала любое мыслимое наказание смехотворным, а с другой стороны, никакое наказание не могло даже быть признано “правовым”, поскольку это предполагало, вместе с повиновением заповеди “не убий”, возможный ряд мотивов, качеств, которые заставляют людей становиться убийцами и делают их убийцами и которые совершенно очевидным образом абсолютно отсутствовали у обвиняемых» (Арендт, 2018, с. 513). Главная проблема обвинителей — использование ими рациональных аргументов, зафиксированных в правовых документах, которыми невозможно объяснить интуитивные, иногда совершенно бессознательные основания человеческого поведения. Немыслимость — производная от расхождения сознательного и бессознательного.

Обсуждаемый феномен глубоко и содержательно проанализирован в статье О. П. Зубец «Как мыслить совершившему немислимое?» (Зубец, 2020). Ее название отражает связь понимания и самопонимания, оно указывает на два значения «немислимого»: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного и почему сами субъекты действия не осознают и потому не признают немислимыми поступки, которые другие люди расценивают как ужасающие, не укладывающиеся в рамки человеческой логики и морали?

Психологически приемлемый ответ на второй вопрос, по-видимому, заключается в подавлении нравственного рациональным: скрупулезное выполнение правил, указаний начальства не дает пробудиться

3.5. Немыслимое

угрызениям совести за совершенное (геноцид, убийство тысяч людей в концлагерях и т.п.). Рационально обоснованным, в частности, является такое суждение: умерщвляя неизлечимо больных, выполняя программу оздоровления населения Германии, нацисты давали шанс другим пациентам, потому что высвобождались финансы. В концлагерях страх ответственности перед властями у служителей чудовищной машины смерти оказывался сильнее совести. Х. Арендт отмечает, что управляющие лагерями люди из СС были совершенно нормальны и, казалось бы, в психологическом отношении ничем не отличались от других людей. Она пишет о представителе лагерной администрации: «Он развел частные и общественные функции, семью и работу настолько далеко, что больше не может найти в себе самом какую-либо связь между ними. Когда его профессия заставляет убивать людей, он не считает себя убийцей, потому что он сделал это не из предрасположенности, а в силу своей профессии. Просто так он и мухи не обидит. Если сказать члену этого нового профессионального класса, созданного нашим временем, что его призовут к ответу за то, что он сделал, он не почувствует ничего, кроме того, что его предали. Но если в шоке катастрофы он действительно осознает, что на самом деле он был не только функционером, но и убийцей, то выходом для него будет не бунт, а самоубийство — точно так же, как многие уже выбрали путь самоубийства в Германии, где волны самоубийств идут одна за другой. И от этого никому из нас пользы тоже не будет» (Арендт, 2018, с. 248–249).

Чудовищные преступления нацистов в большинстве случаев не выводимы из их онтогенеза и личных качеств: «Как свидетельствует Лоренц Риз о Менгеле, “ничто в его предыдущем опыте до Аушвица не указывало на то, что он способен на садизм в гигантских масштабах”. Более того: люди, совершавшие немыслимое зло, во всех остальных отношениях отличались множеством моральных добродетелей: Менгеле был явно мужественным человеком, получившим железный крест за спасение двух танкистов. Грюнинг говорит, что работа в Аушвице вела к возникновению дружеских связей, о которых он намного позже вспоминает с радостью, Гесс в дневнике предстает ответственным, жаждущим правдивости человеком, симпатизирующим цыганам, но выполняющим свой долг по их уничтожению» (Зубец, 2020, с. 30).

Однако главное, что объединяло подсудимых нацистских преступников, — вытеснение из сознания морально-нравственных аспектов вменяемой им вины, подмена их вербально-рациональными

рассуждениями. Подмена приводила к тому, что они не понимали, за что их судят. А. Эйхман, ответственный за депортацию и убийство почти шести миллионов евреев, на суде в Иерусалиме говорил, что чувствует свою вину перед Богом, но не перед законом: «Я был всего лишь верным, аккуратным, корректным, прилежным исполнителем. Был вдохновлен чувствами к своей родине... Внутренне я никогда не был ни подлецом, ни изменником... Я... если стану строго и беспощадно судить себя сам, то должен буду обвинить себя в содействии убийствам. Но я еще не вижу ясно, имею ли я на это право по отношению к моим непосредственным подчиненным... я с чистой совестью и верой в сердце исполнял приказы и следовал долгу» (Зубец, 2019, с. 56). Если так рассуждал один из высших чинов нацистской Германии, то неудивительно, что такими же рациональными убеждениями руководствовались рядовые исполнители: «Курт Франц, до войны служивший в Бухенвальде, был убежденным нацистом и принимал участие в программе Т-4, то есть уже несколько лет жил в атмосфере ненависти к евреям. Он и ему подобные полагали, что тех, кого Третий рейх считает недостойными жизни, убивать не просто можно — нужно. Очевидно, при этом Франц полагал, что люди, которых он унижает, мучает и убивает, на самом деле вообще не люди, но это не может быть единственным объяснением его садизма» (Рис, 2018, с. 332).

Фактически суды над нацистскими преступниками выявили новый вид «немотивированных» преступлений: «Юридический процесс учитывает намерение и ситуативные обстоятельства, но процесс над Эйхманом обозначил преступление совершенно иного рода — без намерения и даже иногда понимания, что совершается зло, с убеждением в законности совершаемого» (Зубец, 2019, с. 52).

Перейдем теперь к анализу первого значения «немыслимого», представленного в статье О. П. Зубец: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного? Корни ответа на этот вопрос следует искать в расхождении права и морали, отраженном в ироническом высказывании, что успешным результатом деятельности адвоката является победа разума над справедливостью. В противоположность этому экзистенциальная реальность, в частности, жизни в концлагере несводима к познаваемым рассудком ее фрагментам, она больше, чем сумма фактических элементов: «Апория Освенцима, по сути, является апорией исторического познания вообще: она заключается в несовпадении фактов и правды, несовпадении констатации и

3.5. Немыслимое

понимания» (Агамбен, 2012, с. 9). Включение в анализ немыслимого категории «правды» сразу же обозначает выход за узкие пределы когнитивной сферы. Правда в отличие от истины всегда становится предметом личностного отношения, субъективной оценки поступка, зависящим от моральных ценностей и мировоззрения понимающего мир субъекта. Одним из главных компонентов правды является представление о справедливости.

Для выживших узников, свидетельствующих об ужасах лагерного существования, правда означает нечто, невыразимое в словах, потому что для них она заключается не в конкретных описываемых фактах, а в том целом, которым они порождены. Здесь отчетливо проявляется разница между знанием и экзистенциальным опытом: бывшие узники свидетельствуют о чем-то таком, о чем слушатели не могут даже помыслить, потому что подобных фактов нет и не может быть в их экзистенциальном опыте: «Правда свидетелей не выразима в цифрах и эмпирически не схватываема. Она оказывается чем-то недостижимым, а клятва бессмысленной, так как донести правду есть главный смысл жизни этих выживших» (Зубец, 2019, с. 56). Вместе с тем если нет отрешенной правды, справедливости, то нет и осознанного морального выбора.

Невозможность морального выбора, к примеру, для матери, принуждаемой нацистами сказать, кому из двух сыновей отправиться в газовую камеру, сразу же переводит ситуацию в разряд немыслимых. Такой выбор не может быть нравственным, потому что он не укладывается в нормы человеческой морали: «Моральный выбор становится невозможностью, недопустимостью выбора» (Зубец, 2020, с. 27). Ситуацию нельзя понять просто как факт: она отсылает к глубинным представлениям о справедливости, человеческом достоинстве и даже чувству вины за бессилие и соучастие в немыслимом. Такая вина основана на горечи осознания выжившим заключенным того, что его бессилие способствует превращению немыслимого в норму, определяющую правила существования в концлагере. Другой совершенно иррациональный источник вины — я жив, потому что другой умер вместо меня: «Человек не способен выжить в концентрационном лагере, не почувствовав себя виноватым за то, что ему так невообразимо повезло, в то время как миллионы погибли и многие погибли у него на глазах... В лагерях он был вынужден годами, день за днем наблюдать уничтожение других, чувствуя — наперекор логике, — что

он должен помешать этому, испытывая вину за то, что часто бывал рад, что погиб не он» (Агамбен, 2012, с. 95).

Обобщая, можно утверждать, что невысказанное порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить. Д. Агамбен пытается объяснить причины возникновения невысказанного, используя древнегреческую метафору Горгоны — лица, на которое запрещено смотреть, лица, несущего смерть тому, кто осмелится взглянуть на него. В то же время это притягивающее взор человека зрелище, которого невозможно избежать. Применительно к Освенциму «увидеть Горгону» значит осознать невозможность видения: «Образ Горгоны, вид которой обращает человека в нечеловека, означает, что “в глубине” человеческого находится не что иное, как невозможность лицемерия. Однако именно то, что эта уже нечеловеческая невозможность лицемерия вызывает к человечности — как апострофа, которую невозможно игнорировать, — именно это и ничто другое является свидетельством. Горгона и тот, кто взглянул ей в лицо, мусульманин, и тот, кто свидетельствует о нем, сливаются в единый взгляд, в единую невозможность видения» (там же, с. 57).

Научное объяснение социально-психологических механизмов понимания невысказанного содержится в потрясающих по силе воздействия рассуждениях З. Баумана о человеческой природе и *современном*, а не семидесяти-восьмидесятилетней давности общественном устройстве (Бауман, 2010). По его обоснованному и убедительному мнению, Холокост стал итогом уникального сочетания факторов, которые сами по себе были совершенно банальными и обычными: «Самой пугающей в Холокосте, а также в том, что мы узнали о его исполнителях, была не вероятность того, что с нами могли сделать “такое”, но понимание того, что это могли бы сделать мы» (там же, с. 181). Рассуждения Баумана потрясают воображение психолога потому, что из них следует, что невысказанное зло могут совершать не какие-то киношные выдуманные злодеи, а обычные рядовые люди: «Участники операций по умерщвлению и легионы ученых и инженеров, поставляющих им орудия и разрабатывающих процедуры этих операций, люди не злые. Злые люди совершают свои злые действия во все времена. Но таких людей немного, они неуправляемы, они — по современным стандартам — “безумны”» (там же, с. 291).

Книга Баумана не случайно называется «Актуальность холокоста»: в истории человечества нацистское государство — это не прошлое,

3.5. Немыслимое

не дикое, не поддающееся осмыслению исключение. В современном обществе его причины не только не изжиты, но и продолжают жить и оказывать влияние на людей. Основной способ понимания того, как немыслимое превращается в понимаемое, — осознание доминирования в мышлении современного человека рационального над моральным. Доминирование неизбежно вытекает из развития науки и техники: усвоение правил пользования машинами, компьютерами, домашними приборами требует от человека «включения» рационального мышления. Рационализация отодвигает моральные аспекты очень многих проблем в сферу малозначимого, а затем и неосознаваемого. Так происходит сегодня, но так же было в нацистской Германии: «Ни на одном из этапов своего долгого и сложного осуществления Холокост не вступал в конфликт с принципами рациональности. “Окончательное решение еврейского вопроса” никогда не противоречило рациональным методам эффективного и оптимального достижения цели. Напротив, оно возникло из поистине рационального подхода к решению проблемы и было рождено бюрократией, преданной своим принципам и целям» (там же, с. 34). В современном технологическом обществе рациональные действия, их оценка с точки зрения полезного результата, во-первых, приводят к тому, что большинство функционеров бюрократической иерархии могут отдавать команды, не имея полного представления о том, каковы будут их последствия. Во-вторых, физическая и ментальная дистанция от конечного продукта устраняет необходимость морального выбора, подменяя его рассуждениями о технической целесообразности. Появляющиеся в технологическом процессе проблемы стимулируют людей к лучшему, более рациональному планированию, а не к рефлексии и моральной самооценке. С этой точки зрения эффективность заключается в выполнении рациональной задачи поиска лучших средств для достижения цели, а не ее моральной оценки. Характеризуя эту общественную ситуацию, Бауман пишет: «Среди социальных достижений в сфере управления нравственностью следует назвать следующие: социальное производство дистанции, которая либо аннулирует, либо ослабляет давление моральной ответственности; замена моральной ответственности на техническую, эффективно скрывающую моральную значимость действия; и технология сегрегации и отдаления, вызывающая равнодушие к положению Другого, которое в ином случае стало бы предметом моральной оценки и морально мотивированной

реакции» (там же, с. 235). Последовательная реализация «социальных достижений» напоминает психологу стадии трансформации идей в «окнах Овертона».

3.5.3. Зло: *немыслимое или поддающееся рациональному осмыслению?*

Как немыслимые, непонятные, иррациональные обычно воспринимаются не только действия, направленные на массовое уничтожение людей. Для большинства из нас неведомыми, непонятными, немыслимыми являются также мотивы поведения и ценностные ориентации модераторов социальных сетей, ведущих планомерную работу по подталкиванию подростков к совершению суицидов. Такими же немыслимыми в обыденном сознании выглядят любые проявления несправедливой агрессии и насилия, в широком смысле называемые «злом»: «Определяя что-то как зло, предполагают, что обсуждаемые действия или события не подвластны обычному человеческому пониманию и располагаются вне границ этики и даже нормального человеческого поведения. Однако зло — результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении» (Ениколопов, 2011, с. 309). Психологический анализ причин зла вскрывает его множественную детерминацию. Каждая из перечисленных ниже причин отражает точку зрения людей, понимающих ситуацию как немыслимую.

Во-первых, очевидны различия в *социальных позициях*, определяющих специфику интерпретации преступления. Жертва, например, ограбления с применением насилия воспринимает его как шокирующее и отвратительное. Преступник может понимать ситуацию иначе: «ничего личного», он всего лишь хотел завладеть ценностями жертвы. В результате жертва может испытывать гораздо большие страдания, чем мыслил и предполагал преступник. В этом проявляется феномен несовпадения оценки масштабов случившегося жертвой и преступником, обычно не способным посмотреть на ситуацию глазами пострадавшего (Baumeister, Campbell, 1999). Неудивительно, что жертвы часто описывают поведение преступников как проявление чрезмерной беспричинной жестокости, а преступники указывают на провоцирование со стороны жертв: «Она сама этого хотела, иначе для чего надела такую короткую юбку?» Жертвы категорически осуждают преступников, объясняя произошедшее их негативными моральными качествами. В то же время

3.5. Немыслимое

преступившие закон, признавая свой проступок, обычно указывают на оправдывающие их обстоятельства.

Во-вторых, значимую роль играют *ситуационные факторы* возникновения немыслимой жестокости. Важнейший среди них — коллективная ответственность (точнее, коллективная безответственность), способствующая возникновению новых социальных и моральных норм, допускающих поведение, ранее считавшееся немыслимым. Детальный психологический анализ действия ситуационных факторов на примере жестоких пыток американских надзирателей в иракской тюрьме Абу-Грейб осуществил Ф. Зимбардо. Там триггером, пусковым механизмом действия ситуационных составляющих взаимодействия с заключенными послужила инструкция, которую начальство давало подчиненным: «Используйте свое воображение. Сломайте их. Надо, чтобы вы их сломали, когда мы вернемся» (Зимбардо, 2020, с. 544).

В-третьих, то, что одним кажется немыслимым, другие могут совершать во имя вполне *социально приемлемых целей*: «В некоторых случаях люди могут совершать чудовищные преступления и даже массовые убийства для реализации своих положительных идеалов, ценностей группы или утопических проектов. Например, самое большое число жертв в истории было в период сталинских и маоистских чисток. Эти смертельные кампании, однако, были реализацией идеалистических проектов создания утопического общества, основанного на равенстве, разделенном богатстве и достоинстве для всех» (Ениколопов, 2011, с. 322).

Перечисленные три причины жестокости как немыслимого не исчерпывают основания его возникновения: психология агрессии — огромная область психологической науки. Однако они немного проясняют психологию возможного перехода от немыслимого к вербально объяснимому.

3.5.4. «Окна Овертона» и теракты: от немыслимого к допустимому

Главный вопрос, возникающий при психологическом анализе обсуждаемого феномена: как в цивилизованном обществе возможно то, что подавляющему большинству людей кажется немыслимым и недопустимым? Частичный ответ на него можно получить при обращении к технологии окон возможностей Овертона. Американский политолог Дж. П. Овертон, вице-президент Макинакского центра

публичной политики (Mackinac Center for Public Policy), погибший в 2003 г. в авиакатастрофе, описал пять стадий трансформации идей, сначала воспринимающихся большинством людей как шокирующие, разрушительные, антиобщественные. В результате многочисленных обсуждений идеи понимаются уже как приемлемые и нормативно заданные. Основная гипотеза Овертона состояла в предположении, что для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы, рамки, называемые им «окном возможностей». На каждой стадии понимания проблемы границы можно изменять, преобразуя область невозможного в сферу обычного и потому морально приемлемого.

Сегодня метод «окон Овертона» применяется в самых разных сферах общественной жизни: общественных трансформаций, выраженных в изменениях социальных норм под влиянием массовых коммуникаций (Парма, 2024); объяснений глобального изменения мирового политического порядка (Громыко, 2022), обсуждении проблем переброски ресурсов пресных вод, способных при дальнейшем развитии парникового эффекта предотвратить аномальные наводнения и засухи (Суздалева, Горюнова, 2015), инцеста, гомосексуализма (Володенков, Федорченко, 2015), каннибализма (Каткова, 2020) и др. При этом всегда сохраняется пятизвенная структура рассуждений.

Стадия 1 — от немыслимого к радикальному. Отвергаемую, казавшуюся абсурдной идею надо начать публично обсуждать. «Организация ЛГБТ христиан еще в 2011 г. опубликовала скандальную статью «Педофилия: смесь гомосексуализма и ювенальной юстиции» с «Манифестом “бойлаверов”», которая пропагандирует педофилию и настаивает на легализации сексуальных отношений с детьми» (Григорян, 2017, с. 25). Хотя тема и вызывает со стороны общества преимущественно негативную реакцию, ее обсуждение подтверждает факт существования данного явления и его претензии на особое место в публичном пространстве.

Стадия 2 — от радикального к приемлемому. Осуществляется целенаправленное воздействие на массовое или групповое сознание с целью создания определенной установки. В результате немыслимая ранее идея воспринимается как нечто, уже присутствующее в жизни и потому допустимое (хотя пока еще нежелательное). Для утверждения допустимости обсуждаемого явления приводятся различные доказательства, тщательно подбираются выражения: каннибализм может быть заменен на антропофагию или антропофилию.

3.5. Немыслимое

Стадия 3 — от приемлемого к разумному. На третьем шаге обсуждений проблемы в общественном сознании формируется установка на необходимость непродвзятого отношения к немыслимой неприемлемой ранее идее. Происходит формирование отношения к ней как к такой данности, с которой нельзя не считаться.

Стадия 4 — от разумного к популярному. В сознании людей формируется такое стремление поддержать идею, при котором ее приверженцы уже не воспринимаются как противники. Обращается внимание на тех, для кого решение этой проблемы является важным и актуальным. «Например, сорокапятилетняя лесбиянка, воспитательница детского сада, подала иск против Франции в Страсбургский суд после того, как ей не разрешили усыновить ребенка в 1998 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге постановил, что действия властей Франции являлись незаконными, в результате чего Франция должна была выплатить денежную компенсацию в размере 10 тыс. евро» (там же, с. 25–26). О теме пишут и говорят, и люди всерьез начинают задумываться, не стоит ли им поменять свое отношение к обсуждаемой проблеме.

Стадия 5 — от популярного к норме. Превращение ранее немыслимой идеи в стереотип мышления и поведения большей части общества. На этом шаге обсуждений идея может быть закреплена в законодательных актах или стать незыблемой нормой общественной морали. В западном мире это происходит с легализацией однополых браков.

Приведу пример того, как универсальные «окна Овертона» реализуются в науке, какие стадии мышления приводят к принятию ранее отвергаемых идей.

«— 1-й шаг *“от немыслимого до радикального”* — информирование широких научных кругов о возникновении новой идеи, противоречащей сложившимся представлениям или существующим парадигмам;

— 2-й шаг *“от радикального до приемлемого”* — активное формирование в ходе организуемых дискуссий психологической установки, согласно которой новая идея воспринимается как уже признанная некоторой частью научных сообществ;

— 3-й шаг *“от приемлемого до разумного”* — формирование отношения к данной идее как к одному из развивающихся направлений;

— 4-й шаг *“от разумного до популярного”* — включение идеи в состав приоритетных путей решения проблемы;

— 5-й шаг *“от популярного до нормы”* — превращение ранее *“немыслимой идеи”* в парадигму» (Суздалева, 2015, с. 17).

По существу, Овертон указал на универсальные закономерности превращения немыслимого в допустимое. Эти закономерности, начиная с античности, всегда существовали в человеческом обществе (Володенков, Федорченко, 2015). В современных публикациях упоминания об окнах Овертона чаще всего встречаются в контексте политических манипуляций общественным сознанием (Szalek, 2013). При этом подразумевается, что массовое сознание целенаправленно, сознательно изменяется какими-то социальными группами или партиями. Однако общественная значимость «Окон Овертона» заключается не только и не столько в их целенаправленности: их стадии отражают постепенные сдвиги в сознании больших групп людей, возможно, даже не осознающих постепенно происходящих изменений. Вот пример о переговорах американского президента Л. Джонсона с правительством Вьетнама, с которым США вели войну: «Чтобы успокоить надвигающийся вал, Джонсон постепенно менял переговорные позиции, переходя от требования вывода северовьетнамских войск еще до прекращения Америкой боевых действий к “формуле Сан-Антонио” относительно прекращения бомбардировок до начала переговоров; от отказа иметь дело с ханойским прикрытием на Юге — Фронтом национального освобождения (ФНО) до согласия вести беседы с конкретными его представителями и, наконец, к согласию на участие ФНО в переговорах как самостоятельной политической единицы. Он также пытался соблазнить Ханой программой экономической помощи для всего Индокитая. Каждый из этих шагов отвергался Ханоем как недостаточный, а большинством критикующих внутри США — как неискренний. Произошла поляризация предмета внутринационального спора: от победы, для которой отсутствовала стратегия, до ухода, не подкрепленного политически» (Киссинджер, 1997, с. 607).

Меня, как психолога, интересует не «для чего», а «как»: почему человек начинает понимать как допустимое, оправданное и даже нормативно заданное то, что раньше ему казалось невозможным и немыслимым?

Самым общеизвестным примером такого немыслимого являются теракты: как, по каким причинам люди могут уничтожить других людей, в том числе невинных детей и женщин? Первоначальный наиболее распространенный ответ на этот вопрос заключался в негативной характеристике террористов: ими становятся молодые

3.5. Немыслимое

люди из бедных семей с низким уровнем образования, психически неустойчивые и т.п. Последующие научные исследования все это опровергли. У исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они психически нормальны (Crenshaw, 2000), религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Не подтверждается также и гипотеза о происхождении террористов только из бедных семей и их низком уровне образования. Такой психологический портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста, и напрашивается вывод, что они такие же люди, как все. Следовательно, причины немыслимого надо искать в чем-то другом.

Превращение человека в террориста происходит в течение нескольких стадий трансформации Я и становления новой идентичности. В исламском фундаментализме будущие террористы проходят несколько ступеней изменения своей идентичности, которую Ф. Мохаддам называет «лестницей терроризма». На высшей ее ступени террорист начинает считать, что «другие» (американцы, христиане и т.п.) настолько виноваты в разрушении традиционных мусульманских ценностей, что их жизнь, даже жизнь женщин и детей, ничего не стоит: «Лестница по пути к терроризму включает в себя трансформации идентичности, когда личность продвигается от одного уровня осознания себя и окружающего мира к другому. Со временем индивид продвигается от “основания к вершине здания”: он или она изменили свою идентичность таким образом, чтобы допустить возможность разрушения и уничтожения других людей» (Мохаддам, 2011, с. 66).

Как и в соответствии с реализацией метода «окон Овертона», подчеркивается, что последовательность стадий не обязательно должна жестко выдерживаться, некоторые из них могут быть пропущены, но общая структура соблюдается. Вот пример формирования экстремистских установок у арабских террористов: «Израильский психолог Ариэль Мерари (Ariel Merari) изучала этот феномен в течение многих лет и обрисовала общие шаги по пути к смертельному взрыву в Израиле. Сначала старшие члены экстремистской группировки ищут людей с сильным патриотическим порывом. Как правило, это проявляется в публичных заявлениях против Израиля или в поддержке мусульманских и палестинских действий. Затем потенциальных новобранцев вовлекают в разговор о том, как сильно они любят свою страну

и насколько ненавидят Израиль. Потом им предлагают посвятить себя обучению. Те, кто берет на себя подобное обязательство, становится частью маленькой секретной ячейки, состоящей из трех-пяти молодых людей. Старшие учат их ремеслу: как собрать бомбу, как маскироваться, как выбирать цель и рассчитать время. Наконец, они делают видеозапись, в которой заявляют о своем решении стать “живыми мучениками” Ислама (“аль шахид аль-хай”). В одной руке они держат Коран, в другой винтовку; на их головах повязки с орденом, что свидетельствует об их новом статусе. Поскольку видео посылается их родственникам, то оно прочно связывает их обязательством совершить финальный шаг. Новобранцам говорят, что своим мученичеством они заработают место подле Аллаха после жизни не только себе, но и своим родственникам. Кроме того, их семьи иногда снабжают немалыми финансовыми средствами или назначают им ежемесячную пенсию» (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 171).

Самый общий вывод западных психологов заключается в том, что корни терроризма следует искать в социальных условиях жизни людей, а не в их индивидуальных характеристиках. Ф. Зимбардо и Дж. Бойд полагают, что кажущееся иррациональным поведение террористов, их немислимые поступки можно рассматривать как допустимую данной культурой попытку получить вознаграждение или избежать наказания в трансцендентном будущем: «С позиции, которую открывает нам Трансцендентное будущее, действия террористов-смертников — не сумасшедшие, фанатические, пропитанные ненавистью или отчаянием. Скорее, это действия, совершенные религиозными людьми, которые не имеют возможности надеяться на хорошее будущее в этой жизни, но питают сильную надежду на Трансцендентное будущее» (там же, с. 181).

Таким образом, события и ситуации, которые люди оценивают как немислимые, характеризуются, во-первых, подавлением иррационального рациональным; во-вторых, выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; в-третьих, таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть немислимое. В целом изложенные научные точки зрения отражают способы рассуждений ученых о том, что первоначально кажется не только морально неприемлемым, но и рационально немислимым. Именно описанными выше способами

3.5. Немыслимое

происходит рационализация немыслимого, способствующая его понятной интерпретации. Постепенно становится очевидно, как чудовищные преступления могут совершать не только отъявленные садисты, но и вполне обычные нормальные люди.

Итак, в главе сформулирована новая для российской психологической науки проблема понимания немыслимого. Проанализирована семантика понятия «немыслимое». Показано, что когнитивные составляющие феномена сводятся или к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить, или к чрезвычайному, исключительному по степени проявления. Экзистенциальное значение «немыслимого» связано с принятием или отвержением моральных и социальных норм поведения человека в обществе, с недопустимостью ситуаций, которые понимаются большинством людей как немыслимые. Немыслимое (Холокост, теракты, зло) порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить. Непонимание — следствие расхождения экзистенциального опыта субъекта и применяемых им для понимания рациональных схем рассуждений, шаблонов, фреймов. Когда люди имеют дело с немыслимым, во-первых, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений: они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом; во-вторых, немыслимыми оказываются иррациональные по своей сути события и явления, понять которые люди пытаются с помощью рациональных когнитивных способов рассуждений.

В целом психологический анализ показал, что можно выделить три главные характеристики немыслимого. События и ситуации, которые люди оценивают как немыслимые, характеризуются подавлением иррационального рациональным; выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть немыслимое. Для субъекта немыслимое — источник умственного напряжения и внутреннего конфликта: есть задача понимания смысла феномена, но нет знаний, умений и навыков для ее решения. Одним из способов их получения является использование техники «окон возможностей Овертона», позволяющей найти правдоподобные интерпретации немыслимого в многообразии противоположных точек зрения и позиций.

Заключение

Почему в познании и общении существуют невозможное, невыразимое, таинственное, непостижимое и невысказанное, оставляющие для человека скрытыми некоторые стороны коммуникативных и познавательных ситуаций? При ответе на этот вопрос наиболее очевидными являются две причины. Первая заключается в онтологической и гносеологической неопределенности, случайности мира человека. Вторая причина — недетерминированность, принципиальная непредсказуемость психических процессов познающего и общающегося субъекта. Прошлое и будущее, понимание которых требует от человека применения возможностного мышления, очень часто непохожи на настоящее, онтологически отличны от него. Это одно из психологических оснований того, что никто не мог предсказать начала Первой мировой войны, распада СССР, пандемии COVID-19 и других значимых вех в истории человечества. Невозможное, невыразимое, таинственное, непостижимое и невысказанное объединяет то, что их понимание требует от познающего субъекта выявления или порождения необычного смысла посредством применения возможностного мышления.

Важную роль в осмыслении необычного играют единицы анализа бессознательного — невербализованные операциональные смыслы (Тихомиров, 1984). При понимании прошлого и будущего они возникают в мыслительной деятельности понимающего субъекта. Анализируя понимаемую ситуацию, проигрывая ее возможные изменения, субъект выявляет реальные возможности определенных элементов ситуации и ищет возможный смысл решения задачи. «Вслед за установлением взаимодействия, практически возможного лишь при определенных изменениях в позиции, осуществляются поисковые движения, ведущие к нахождению элемента, который может в случае, если он будет обладать определенными свойствами, делать требуемое изменение ситуации возможным. И лишь на заключительном этапе мы обнаруживаем в деятельности непосредственное проигрывание определенной возможности конечного элемента —

заключительное звено некоторого этапа деятельности, означающее возникновение того или иного смысла решения» (Тихомиров, 1984, с. 53). Для понимания и прошлого, и будущего большое значение имеет сравнение понимающим субъектом настоящей наличной ситуации с предвосхищаемой возможной. Понимание происходит не по индуктивной, а по дедуктивной мыслительной схеме: «Решение задачи, т.е. выбор будущего практического действия (хода), строится не путем непосредственного опробования различных возможностей определенной фигуры и затем рассмотрения удачных или неудачных последствий этого опробования (метод проб и ошибок), напротив, поиск строится как бы “от результата к ходу”»: сначала испытуемый оперирует с элементом ситуации как уже обладающим некоторыми свойствами и лишь затем осуществляет проигрывание возможного преобразования ситуации (хода), обеспечивающего ему эти свойства (метод антиципации). Этот механизм предвосхищения свойств элементов является не только средством нахождения определенного хода (смысла), но и средством быстрого отказа от некоторого хода, что также сокращает поиск в целом» (там же, с. 55). Именно таким образом, путем предвосхищения возможного, в процессе понимания происходит соотнесение настоящего с прошлым и будущим.

В этом контексте вполне уместно еще раз упомянуть о том, что для российской психологической науки новым, непривычным и даже необычным является ключевое для этой монографии понятие — «возможностное мышление». Его описание подходит под категорию «остранение» (см. ниже), а психологические механизмы основаны на порождении необычных смыслов. Ключевую роль в понимании необычного играют невербализованные операциональные смыслы.

Одной из научно значимых психологических причин формирования и развития возможностного мышления является его направленность, мотивация. Она двойственна: условно говоря, «внешняя» и «внутренняя». Объективные основания развертывания, актуализации возможностного мышления следует искать в обстоятельствах, в которые попадает познающий субъект. Когда он сталкивается с невозможным, невыразимым, таинственным, непостижимым и немислимым, то должен порождать необычные отличающиеся от привычных, известных ему смыслы. Они необычные потому, что характеризуют маловероятные события, выходящие за рамки часто повторяющегося и потому привычного. Психологическому анализу

содержания таких феноменов (невозможного, невыразимого, таинственного, непостижимого, немислимого) посвящена третья глава монографии. «Внутренняя» мотивация зависит от познавательной активности и свойств личности познающего субъекта. И в этом большую роль играет направленность человека, его возможностного мышления на познание мира не таким, какой он есть, а на то, каким он может быть. Американский политический и государственный деятель Р. Ф. Кеннеди говорил: «Некоторые видят вещи, как они есть, и говорят: почему? Я мечтаю о том, чего никогда не было, и говорю: почему нет?» Иначе говоря, есть люди, ориентированные на новизну, обращающие внимание прежде всего на то, каким может быть мир, а не на то, какой он сейчас. К ним принадлежит М. Н. Эпштейн, который писал: «Однако для меня высшую интеллектуальную ценность имеют не самоочевидные, а наименее очевидные, "странные" утверждения и вообще категория "странного" (ее можно связать с "остранением" В. Шкловского и тезисом Аристотеля, что философия рождается из удивления). Ее можно определить как "наименее вероятное суждение". Для меня важно писать, думать и говорить вещи, которые кажутся наименее вероятными, и при этом как можно более строго их обосновывать. Выявлять логику их "странности". Делать очевидным далеко не очевидное» (Homo scriptor, 2020, с. 565). Вот как М. Эпштейн интерпретирует этот феномен: «Остранение — это представление привычного предмета в качестве незнакомого, необычного, странного, что позволяет нам воспринимать его заново, как бы впервые» (Эпштейн, 2004, с. 412). Невозможное, невыразимое, таинственное, непостижимое, мыслимое — все эти феномены требуют для своего понимания остранения. Литературный прием «остранения», направленный на выведение читателя «из автоматизма восприятия», на поиск неожиданного свежего взгляда на уже ставшее привычным впервые описал В. Шкловский в 1916 г. (Шкловский, 1929). По Шкловскому, подлинные смыслы литературного произведения следует искать не в привычном, а в странном, непривычном. «Мы можем хоть что-то понять в художественной ценности и усмотреть ее смысл, когда мы способны увидеть в привычности, в обычном — нечто необычное, нечто странное, неизвестное и непонятное» (Круликов, 2001, с. 171). В течение XX века понятие «остранение» далеко вышло за пределы содержания литературы и искусства, сегодня его используют ученые практически во всех социогуманитарных науках.

Заключение

В этом заключительном разделе книги я считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что возможностное мышление не универсально, оно актуализуется у человека не всегда, а только в таких ситуациях, которые требуют от познающего субъекта анализа наряду с действительным и возможным — иными словами, не только того, что есть, но и того, что может быть, а может и не быть. И это такие ситуации, понимая которые познающий субъект должен порождать их нетрадиционный оригинальный смысл. Возможностное мышление основано на прогнозах, направленных либо в прошлое, либо в будущее, и соответственно подразделяется на два вида. Одна разновидность возможностного мышления — контрфактическое мышление — ретроспективна и направлена на осмысление прошлого, другая — прогностическое мышление — ориентирована на понимание будущего. Исследование этих двух видов возможностного мышления, несомненно, представляет большой интерес для современной психологической науки.

Литература

- Абрамова Т. А., Трапезников Д. А. Армия Строгановых — первая частная армия Российского государства // Огарёв-Online. 2021. № 4 (157). <http://journal.mrsu.ru/arts/armiya-stroganovyx-pervaya-chastnaya-armiya-rossijskogo-gosudarstva>*
- Аванесов С. С. Проблема и тайна // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2010. № 2 (10). С. 7–11.*
- Аванесян М. О. Альтернативная автобиографическая история как составляющая возможного «я» // Психологические исследования. 2018. № 11 (61). <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1619-avanesyan61>*
- Аванесян М. О. Возможные я: на пути от прошлого к будущему // Психология личности: Пребывание в изменении / Под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. С. 283–282.*
- Аванесян М. О., Денисенко К. Г. Потерянные возможные Я как присутствие прошлого в настоящем // Вестник СПбГУ. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2. С. 204–218.*
- Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Фуко М. Слова и вещи. СПб.: А-сэд, 1994. С. 5–23.*
- Агамбен Д. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.*
- Айзексон У. Илон Маск. М.: Акт, 2024.*
- Акопов Г. В., Акопян Л. С. Общее и особенное в явлениях: «созерцание», «уход в свои мысли», «полная осознанность» и «внутренняя коммуникация личности» // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024. Т. 4. № 2. С. 4–15.*
- Александров И. О., Максимова Н. Е. Закономерности формирования нового компонента структуры индивидуального знания // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 6. С. 55–76.*
- Александров Ю. И. От теории функциональных систем к системной психофизиологии // Психология сегодня: теория, образование, практика. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 13–56.*
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Комплементарность культур // От события к бытию: грани творчества Галины Иванченко /*

Литература

- Сост. М. А. Козлова. М.: Изд. дом гос. ун-та Высшей школы экономики, 2010. С. 298–335.
- Александров Ю. И., Александрова Н. Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Александров Ю. И., Кирдина С. Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования (СОЦИС). Теория. Методология. 2012. № 8. С. 3–12.
- Алексеев Н. А. Созерцание — метод и цель // Искусство и образование. 2013. № 1 (81). С. 111–125.
- Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
- Анкин Д. В. Мыслимое и возможное в свете конечности интеллекта // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 20–27.
- Антоний Сурожский. О созерцании и подвиге // Вестник Русского Западно-европейского патриаршего экзархата. 1953. № 15. С. 138–155.
- Анцыферова Л. И. Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 17–24.
- Анцыферова Л. И. Гуманистически-экзистенциальный подход к мудрости: способы постижения истинного Я и призвания человека // Психологический журнал. 2005. № 3. С. 5–14.
- Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Апанович В. В., Александров Ю. И. Системное значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Вестник психофизиологии. № 1. 2021. С. 24–35.
- Апанович В. В., Знаков В. В., Александров Ю. И. Апробация шкалы аналитичности-холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
- Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Арутюнова К. Р., Александров Ю. И. Мораль и субъективный опыт. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2019.
- Асеев В. Г. О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии / Отв. ред. Л. И. Анцыферова. М.: Наука, 1978. С. 21–38.

Литература

- Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018.
- Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014.
- Ахматова А. А. Гибель Пушкина. М.: Проспект, 2019.
- Баркалов С. А., Чернов И. В., Фейзов В. Р. Сценарное моделирование протестного потенциала на основе событийной идентификации динамики факторов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. 2024. Т. 24. № 3. С. 67–81.
- Бауман З. Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010.
- Белановская О. В., Грицовец А. Н. Проблема знака в психологии // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2020. № 20–3. С. 41–49.
- Бернштейн У. Манифест инвестора: Готовимся к потрясениям, процветанию и всему остальному. М.: Альпина Диджитал, 2010.
- Бескова И. А. Естественный интеллект, междисциплинарность и феномен интегрального постижения // Философия науки. Вып. 19. Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 163–172.
- Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
- Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973.
- Богуславская О. Н. Понятный, ясный, доступный, постижимый, внятный // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 258–262.
- Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было. М.: РИПОЛ-классик, 2017.
- Большов О. Ф. Экзистенциальная философия. СПб.: Лань, 1999.
- Большев А. О. Альтернативность или неизбежность? (К вопросу об историософии А. Солженицына) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 50–57.
- Большой психологический словарь / Под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
- Бом Д. Развертывающееся значение // Три дня диалогов с Дэвидом Бомом. М.; 1992. https://vladivostok.com/speaking_in_tongues/bohm/bohm.htm

Литература

- Бом Д. Причинность и случайность в современной физике. М.: КРАСАНД, 2010.
- Бомар Ф. Подразумеваемые знания. Интуиция против неопределенности. Харьков: Гуманитарный Центр, 2014.
- Борзова Т. В., Мосунова Л. А. Условия развития смыслового понимания информации в процессе обучения // *Science for Education Today*. 2020. Т. 10. № 1. С. 7–24.
- Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Брейтигам Э. К. Интеграция рационального и интуитивного опыта как средство обеспечения понимания учебного материала по математике // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1. <http://www.scienceeducation.ru/121-17971>
- Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979.
- Брушлинский А. В. Интеллектуальные процессы: мышление // *Психология: Учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений* / Отв. ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: Академия, 1998. С. 430–475.
- Брушлинский А. В. Психология субъекта. М.: Изд-во «Институт психологии РАН» — СПб.: Алетейя, 2003.
- Брушлинский А. В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Буров А. Посмертное интервью Карла Поппера // <http://www.snob.ru/profile/27355/blog/8098>. 2014.
- Буш К. Неслучайная случайность: Как управлять удачей и что такое серендипность. М.: Альпина Паблишер, 2022.
- Быховец Ю. В. К вопросу о концептуализации понятия «переживание невидимой угрозы» // *Человек, субъект, личность: перспективы психологических исследований: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. В. Брушлинского и 300-летию основания Российской академии наук, 12–14 октября 2023 г., Москва* / Отв. ред. Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев, Н. Е. Харламенкова, А. В. Махнач, Г. А. Виленская, Н. Н. Казымова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С. 160–164.
- Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Литература

- Василюк Ф. Е. Понимающая психотерапия как психотехническая система: Дис. ... докт. психол. наук. М.: ПИ РАО, 2007.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003.
- Веракса А. Н. Символ и знак: диалектика символического познания // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 51–58.
- Веракса Н. Е. Диалектическое мышление дошкольника (возможности и культурные контексты). М.: Издательство Московского университета, 2021.
- Веракса Н. Е., Веракса А. Н., Айрапетян З. В., Крашенинников Е. Е. Развитие диалектического мышления: роль структурированности и организованности повседневной жизни ребенка в дошкольном детстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 979–996.
- Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988.
- Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Вигнер Е. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. С. 182–198.
- Винер Н. Я — математик. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001.
- Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
- Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона — манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
- Воркачев С. Г. Семиотика символа по данным российского научного дискурса // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2021. Т. 7. № 3. С. 3–14.
- Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 5–90.
- Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.
- Гатауллина Д. Н. Невыразимое, непостижимое и непередаваемое в словах: парадокс существования поэтической речи // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 1. С. 70–77.
- Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М.: Наука, 1989.
- Гильберт Г. Нюрнбергский процесс глазами психолога. М.: Родина, 2021.
- Гильмутдинова Н. А. Осознать тайну: опыт цивилизационной и исторической компаративистики // Сознание как феномен бытия

Литература

- человека и общества: сборник научных трудов VII Всероссийской научно-теоретической конференции с международным участием, посвященной памяти доктора философских наук, профессора Т. Н. Брысиной (Россия, г. Ульяновск, 23–24 апреля 2020 г.) / Под ред. М. П. Волкова. Ульяновск: УлГТУ, 2020. С. 127–135.
- Гиренок Ф. И. Удовольствие мыслить иначе. М.: Проспект, 2021.
- Голубева О. С., Голубев И. А. Ситуация постановки диагноза «онкология» как психотравмирующее событие // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. 2018. Т. 2. № 1 (20). С. 33–35.
- Граница А. С. Взаимосвязь антиципационной состоятельности и интуитивности при невротических расстройствах (клинико–психологические аспекты): Дис. ... канд. мед. наук. Казань, 2018.
- Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. Харьков: Гуманитарный центр, 2020.
- Григорьева И. В. Аспекты теории глубинных структур в работах Н. Хомского // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–14.
- Григорян А. А. Окно Овертона. Политическая концепция Джозефа Овертона // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2017. № 1 (17). С. 24–28.
- Гринева Т. В. Различные подходы к определению категории «Математическое мышление» // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 1. С. 163–167.
- Гришина Н. В., Костромина С. Н. Процессуальный подход: устойчивость и изменчивость как основания целостности личности // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 3. С. 39–51.
- Гришутина М. М., Костенко В. Ю. Возможное и невозможное «Я»: уточнение конструктов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 268–279.
- Громыко А. А. От невероятного к «новой норме»: заблуждения и реалии в мировой политике // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 15–21.
- Гуревич А. Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501–541.
- Гуревич И. И., Фейгенберг И. М. Какие вероятности работают в психологии? М.: Наука, 1977. С. 9–21.

Литература

- Гуревич П. С. Тайна человека — вечная проблема // Философская школа. 2018. № 3. С. 42–52.
- Гурочкина А. Г. Скрытые формы речевого воздействия в непрямой коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 46–52.
- Гусев С. С. «Культура невозможного»: смена познавательных ориентаций // Философские науки. 2014. № 6. С. 81–91.
- Гутнер Г. В. Ноосфера // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 107–108.
- Давыдов Д. Дневник партизанских действий 1812 года. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1941.
- Дащинский В. В. Невопрошающее молчание студентов как коммуникативная неудача: причины явления и способы преодоления // Logos et Praxis. 2024. Т. 23. № 2. С. 59–68.
- Дегтяренко К. А., Ермаков Т. К. Авангард и техника: художественное конструирование возможного будущего // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. 17 (8). С. 1454–1464.
- Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое», 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 3. С. 126–142.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н. Д. Павловой и И. А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Дойч Д. Структура реальности: Наука параллельных вселенных. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / Отв. ред. М. А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.
- Донских О. А. Почему студенты перестали задавать вопросы? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 110–117.
- Достоевский Ф. М. О русской литературе. М.: Современник, 1987.
- Дремова Е. Н. Проблема репрезентации травмы и роль искусства в свидетельстве невыразимого опыта // Художественная культура. 2021. № 3. С. 220–240.
- Дружинин А. С., Лаврова Н. А. Почему прошлое ирреально и что ирреального в прошлом: когнитивный аспект типологической

Литература

- взаимосвязи категорий ирреалиса и прошедшего времени глагола // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 87. С. 23–54.
- Емелин В. А., Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Разработка и апробация методики оценки изменения психологических границ при пользовании техническими средствами (МИГ-ТС) // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 2 (22). <http://psystudy.ru>
- Ениколопов С. Н. Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Ин-т психологии РАН. 2011. С. 308–335.
- Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. СПб.: Алетейя, 2007.
- Завьялова Н. А., Савиновских В. В. Политический контрфактуальный нарратив как загадка из прошлого // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 139–146.
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
- Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
- Зиновьева Е. В., Костромина С. Н. Интеграция опыта: между прошлым и будущим // Вестник Санкт-Петербургского университета. Т. 12. Вып. 2. Психология. 2022. С. 186–203.
- Знаков В. В. Психология понимания: Проблемы и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Знаков В. В. Психология понимания мира человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Знаков В. В. Психология возможного: Новое направление исследований понимания. 3-е издание, исправленное и дополненное. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2022.
- Золотарев А. В. Василий Розанов и Вернер Гейзенберг о понимании природы // Вестник Московского гос. областного ун-та. Сер. Филос. науки. 2020. № 4. С. 46–54.
- Золян С. О непредсказуемости прошлого: Ю. М. Лотман об истории и историках // Случайность и непредсказуемость в истории культуры. Материалы Вторых Лотмановских дней в Таллиннском университете (4–6 июня 2010 г.). Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2013. С. 31–77.
- Зубец О. П. Суд над Эйхманом: этический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 51–61.

Литература

- Зубец О. П. Как мыслить совершившему немислимое? // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2020. Т. 13. № 2. С. 19–34.
- Зубец О. П. От понятия путешествия к идее практической природы философии // *Этическая мысль*. 2023. Т. 23. № 1. С. 27–50.
- Зуев В. В. На пути к теории биологической таксономии // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 1. С. 36–54.
- Иванов В. И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
- Иванченко Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999.
- Иосифян М. А., Арина Г. А., Николаева В. В. Ценности и страхи: связь между ценностными предпочтениями и страхом перед нарушениями здоровья // *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 1. С. 103–117.
- Каку М. Физика невозможного. М.: Альпина нон-фикшн, 2019.
- Карпенко А. С. В поисках реальности: Исчезновение // *Философия науки*. 2015. Вып. 20. С. 36–72.
- Карпенко А. С. Контрфактуальное мышление // *Логические исследования* 2017. Т. 23. № 2. С. 98–122.
- Карпинский К. В. Развитие личности как агентивный процесс: формы и уровни субъектной детерминации // *Психологические проблемы смысла жизни и акме* / Отв. ред.: Г. А. Вайзер, Т. А. Попова, Н. В. Кисельникова. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 16–20.
- Карпович В. Н. Рациональные основания, контрфактические высказывания и «невозможные миры» в философском обосновании мысленных экспериментов // *Сибирский философский журнал*. 2021. Т. 19, № 3. С. 33–43.
- Касавина Н. А. Экзистенциальный опыт как феномен культуры // *Вопросы философии*. 2014. № 10. С. 46–56.
- Каткова М. М. Развитие субкультуры каннибализма в условиях политической трансформации информационного общества // *Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Мат-лы XIV науч. конф. с междунар. участием (24 октября 2019 г.)*. М.: Изд. дом «ИМЦ», 2020. С. 263–270.
- Кашатов М. М. Связь педагогического мышления с личностными характеристиками учителя // *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*. 2023. № 3. С. 141–154.

Литература

- Кашапов М. М., Перевозкина Ю. М., Кашапов А. С., Перевозкин С. Б.* Профессионализация мышления преподавателя в контексте современных проблем педагогического образования // Ярославский психологический вестник. 2019. Вып. 3 (45). С. 35–40.
- Квавилашвили Л. Дж.* Вспоминание намерения как особая форма памяти // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 142–147.
- Кимберг А. Н., Улько Е. В.* Большие системы и неявные опасности: проблема посредников // Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков: Материалы X Всероссийской научной конференции (г. Сочи, 09–10 октября 2020 г.) / Под ред. Ю. Э. Макаревой, З. И. Рябикиной, Т. Д. Дубовицкой, И. Г. Макаревой, А. В. Шашкова, Л. В. Кравченко, Л. А. Базалевой, С. В. Воронина. М.: Мир науки, 2020. С. 49–57.
- Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- Киссинджер Г.* Мировой порядок. М.: АСТ, 2015.
- Кияткина А. Д., Шадриков В. Д.* Понимание как преодоление неопределенности // Вестник ЯрГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2021. Т. 15. № 3. С. 435–443.
- Клейменова В. Ю., Щирова И. А., Сергаева Ю. В.* Лингвистическое моделирование возможных миров в англоязычной интернет-дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2. С. 147–157.
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры. Электронная библиотека Международного Центра Рерихов. Режим доступа: <http://lib.icr.su/node/1247>
- Козеллек Р.* Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 171–184.
- Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
- Колениченко Н. В., Калинина Г. Н.* Человек как тайна (аксиологический дискурс) // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 1 (21). С. 155–159.
- Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1985.
- Копылова Т. Р.* Молчание как лингвокогнитивная категория // Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2022.

Литература

- Кордас О. М., Николаева Ю. А. Отношение к тайне в религиозном и философском мировоззрении // Религиозная ситуация в российских регионах: тезисы докладов и сообщений Пятой всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. за выпуск Л. В. Денисова, А. А. Морозов. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 103–105.
- Корнилова Т. В. Прогнозирование и «образ мира» в актуалгенезе динамического контроля неопределенности // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Мат-лы Третьего междунар. симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М. А. Холодная, Г. В. Ожиганова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 21–25.
- Корнилова Т. В. Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в психологии // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 368–384.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А., Корнилов С. А., Новикова М. А. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
- Король А. Д. Молчание в обучении: методологические и дидактические основы // Педагогика. 2019. № 4. С. 5–15.
- Косилова Е. В. Пространственно-временная природа музыкального понимания // Вестник РГГУ. Сер. Философия. Социология. Искусствоведение. 2024. № 2. С. 12–28.
- Костенко В. Ю., Гришутина М. М. Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1. С. 126–148.
- Костромина С. Н. Классический «парадокс личности»: есть ли теоретические и методологические основания для решения? // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 7–30.
- Костромина С. Н., Гришина Н. В. Возникающее как предмет исследования в психологии личности // Вопросы психологии. 2021. № 4. С. 21–37.
- Кром М. М. Загадка каузальности: что побуждает историков искать причины важных событий и что мешает им однозначно их установить? // Новое прошлое • The new past. 2023. № 4. С. 106–124.

Литература

- Кругликов В. А. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В. С. Степин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. М.: Мысль, 2001. Т. 3. С. 171.
- Крюкова Г. В. Тайна и ремесло в поэтической концепции Анны Ахматовой // Русский язык и литература в учебных заведениях. 1998. № 2–3. С. 18–21.
- Кузанский Н. Об ученом незнании. О предположениях. Сретенск: МЦИ-ФИ, 2000.
- Кузьмина Т. А. Экзистенциальная философия. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.
- Кузнецов О. П. О машинном обучении, мифах о сильном искусственном интеллекте и о том, что такое понимание // Онтология проектирования. 2024. Т. 14. № 4 (54). С. 466–482.
- Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. М.: АКТ, 2023.
- Лаврентьева С. В. Контрфактуальное мышление и проблема идентичности: казус коммуникации о генетических рисках // Философская мысль. 2022. № 12. С. 10–22.
- Лазарева К. В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И. С. Тургенева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005.
- Левитин Д. Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху пост-правды. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.
- Лем С. Философия случая. М.: АСТ, 2023.
- Леонтьев Д. А. Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.
- Леонтьев Д. А. Грани возможностного // Homo scriptor: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020. С. 384–404.
- Литов А. Н. Павел Филонов — «Очевидец незримого» (из истории художественного авангарда в России // Przegład Wschodnioeuropejski. 2013. № 4. С. 351–363.
- Лобанов А. П., Певнева А. Н. ИмPLICITный и эксплицитный подходы к исследованию когнитивных стилей // Вопросы психологии. 2023. № 4. С. 75–85.
- Лосев А. Ф. История античной эстетики. М.: Искусство, 1979.
- Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2016.
- Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992.

Литература

- Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Макиавелли Н.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
- Максимова Н. Е., Александров И. О.* Психологические структуры: системно-эволюционная парадигма. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
- Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001.
- Мамчур Е. А.* Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 106–123.
- Манин Ю. И.* Математика как метафора. М.: МЦНМО, 2008.
- Марков А. В.* Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. М.: Corpus (АСТ), 2015.
- Марсель Г.* Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
- Марсель Г.* Метафизический дневник. СПб.: Наука, 2005.
- Мартынова В. В.* «Возможности» как конститутивный момент художественного повествования // Литературоведческий сборник. 2004. № 17–18. С. 35–41.
- Маслова И. В.* Понимание как осознание границ мыслимого: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Мелик-Пашаев А. А.* Хаос и творчество // Психологические проблемы смысла жизни и акме. М.: ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2020. С. 25–30.
- Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания — из квантовой реальности). Фрязино: Век 2, 2011.
- Мень А.* Тайна жизни и смерти. Брюссель: Жизнь с Богом, 2013.
- Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
- Микиртумов И. Б., Фролов К. Г.* Споры о невозможном: прагматические пресуппозиции и цели // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 17–31.
- Минкс Э., Бельке Э.* Мыслить категориями многовариантного будущего // Форсайт. 2008. Т. 2. № 4. С. 4–8.

Литература

- Михайлова М. Ю. Репрезентация невыразимого в лингвокреативной деятельности // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 340–343.
- Михайлова О., Снигирева Т. Тайна Анны Ахматовой: слово и образ // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 2. С. 576–590.
- Моисеева А. Ю. Невозможные миры в моделировании убеждений // Analytica. 2022. Том 7. С. 23–57.
- Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955.
- Моуди Р. Жизнь после жизни. Исследование феномена продолжения жизни после смерти тела. М.: Колибри, 2024.
- Мохаддам Ф. М. Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
- Мулюкова Л. Ф. Специфика смысловых коннотаций категории «возможное» // Вестник Оренбургск. гос. ун-та. 2014. № 7 (168). С. 17–22.
- Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Понимаю, ибо абсурдно. К эвристике абсурда // Человек. 1998. № 6. С. 23–32.
- Налимов В. В. Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979.
- Нестеров А. Ю. Границы технического сознания: немислимое vs. невозможное // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12. № 3. С. 60–66.
- Нестик Т. А. Социальное воображение как психологический феномен // Вопросы психологии. 2023. № 5. С. 3–15.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Групповая рефлексивность // Разработка понятий в современной психологии: в 3 т. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 400–418.
- Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102–120.
- Никитина Д. А. Посттравматический стресс у людей разного возраста с угрожающим жизни заболеванием // Дис. ... канд. психол. наук. М.: Институт психологии РАН, 2021.
- Никитин И., Чернова В. А., Чернов А. В. Методологический хаос сценарного планирования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2024. Т. 3. № 3. С. 124–138.

Литература

- Никифоров А. Л.* Смысл или бессмыслица? // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 58–62.
- Новиков Д. Н.* Контрфактивные конструкции в современном английском языке: от биосемиотики к прагматике // Магия ИННО. 2024. Т. 6. № 1. С. 363–376.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
- Ожиганова Г. В.* Психология молчания и высшие способности: ресурсный подход // Амеология. 2016. № 4 (60). С. 190–195.
- Ожиганова Г. В.* Духовная личность. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Олифиорович Н. И.* Семейные тайны: хранить нельзя открыть. СПб.: Питер, 2016.
- Орланов Г. Б.* «Смерть детерминизма» в социологии: есть ли альтернатива? // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 265–270.
- Осипова Д. С., Воронина И. А., Савощикова Е. В.* К вопросу о тайне исповеди // Eurasia Science. Сборник статей XXV международной научно-практической конференции, часть II. М.: «Научно-издательский центр «Актуальность. РФ», 2019. С. 151–157.
- Панарин А. С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998.
- Панов В. И.* Психика как форма бытия — парадигмальное расширение предмета ее исследования // Методология современной психологии. 2023. № 18. С. 303–313.
- Парма Р. В.* Расширение поля применения технологии «Окно политических возможностей» // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 43–51.
- Пенроуз Р.* Тени разума. В поисках науки о сознании. Москва — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2005.
- Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: Психосемантическая парадигма. М.: Новый хронограф, 2010.
- Петровский А. В., Ярошевский М. Г.* Основы теоретической психологии. М.: Инфра-М, 1998.
- Петровский В. А.* Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010.
- Пешкова Н. П.* Имплицитность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 219–231.

Литература

- Пирожкова С. В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21. № 2. С. 111–129.
- Плунгян В. А. О контрфактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики: Ирреалис и ирреальность* / Под ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. М.: Гнозис. 2004. С. 273–291.
- Погожина И. Н. Детерминация развития познавательных структур: постнеклассическая теоретическая модель // *Национальный психологический журнал*. 2015. № 3 (19). С. 35–45.
- Поддьяков А. Н. Актуализация и развитие человеческих возможностей // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2005. Т. 2. № 3. С. 130–136.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Полонников А. А. «Скрытая программа» как предмет образовательных исследований и практик // *Научно-культурологический журнал*. 2011. № 6. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu>
- Пономарев Я. А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Пономарев Я. А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- Поппер К. Р. Мир предрасположенностей // *Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики* / Сост. Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 176–194.
- Постовалова В. И. Ментальность как глубинная антропологическая реальность и пути ее постижения в гуманитарном познании (опыт эпистемологического рассмотрения) // *Метафизика*. 2021. № 1 (39). С. 8–30.
- Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления. М.: Правда, 1989.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Время, хаос, квант: к решению парадокса времени*. М.: Прогресс, 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И. *Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой*. М.: Едиториал УРСС, 2014.
- Про А. *Двенадцать уроков по истории*. М.: РГГУ, 2000.
- Прохоров А. О. *Психология неравновесных состояний*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.

Литература

- Пряжников Н. С. Метафора «после того, как...» в осмыслении проблемы «запретного» и «невозможного» // Мир образования — образование в мире. 2021. № 1. С. 67–93.
- Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: Педагогика-Пресс, 1997.
- Пузырей А. А. Психология. Психотехника. Психагогика. М.: Смысл, 2005.
- Пушкин А. С. О втором томе «Истории русского народа» Н. А. Полевого // Полное собр. соч.: в 6 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 6.
- Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Емелин В. А. Субъективная оценка скрываемых и явных идентификаций: взаимосвязь с психологической саморегуляцией и благополучием // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 115–123.
- Рёзе Н. Контрфактуальное мышление // Горизонты когнитивной психологии: Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова, М. В. Фаликман. М.: Яз. славян. культур: Рос. гос. гуманитарный ун-т (РГГУ), 2012. С. 243–254.
- Рис Л. Холокост: Новая история. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018.
- Розанов В. В. Сочинения. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М.; Танаис, 1995.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Рубинштейн С. Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Рубинштейн С. Л. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира // Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АПН СССР, 1959. С. 7–22.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
- Сапогова Е. Е. Неопределенность и кризис: опыт поиска смысловых ресурсов совладания с ними // Актуальные проблемы кризисной психологии: материалы II Международной научно-практической конференции; г. Минск, 9–10 декабря 2021 года, Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка / редкол.: С. И. Коптева [и др.], Н. Л. Пузыревич (отв. ред.). Минск: БГПУ, 2021. С. 41–55.

- Селезнёва С. Г. Понятие тайны в уголовном праве // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 5 (296). Право. Вып. 35. С. 95–98.
- Сенькина Ю. Н. К истории изучения «таинственных повестей» И. С. Тургенева // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 61. С. 230–233.
- Сергиенко Е. А. Реализация принципа развития в исследованиях психологии субъекта // Психологический журнал. 2017. № 2. С. 5–18.
- Сергиенко Е. А. Современные тенденции в психологии развития // Новые тенденции и перспективы психологической науки / Отв. ред. А. А. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 341–377.
- Сергиенко Е. А., Уланова А. Ю., Лебедева Е. И. Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020.
- Серигов В. Н. К вопросу о тайнах государственных и не государственных // Право и безопасность. 2011. № 3–4 (40). С. 122–126.
- Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
- Смирнова Н. Ю. Символизм как текст культуры в творческом сознании Анны Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново: ИВГУ, 2004.
- Собельман И. И. Еще раз о возможном и невозможном в оптике // Успехи физических наук. 1974. Т. 113. № 8. С. 701–705.
- Спирова Э. М. Символ как понятие философской антропологии: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2011.
- Старикова М. А., Маничев С. А. Проактивное поведение в профессиональной карьере // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта. 2019. № 7 (173). С. 267–272.
- Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Стюарт И. Случайный Бог или божественная случайность? Математика неопределенности. М.: Лаборатория знаний, 2022.
- Субботский Е. В. Строящееся сознание. М.: Смысл, 2007.
- Субботский Е. В. Научиться у Гарри Поттера // Психолог. 2014. № 2. С. 52–93. https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=12159

Литература

- Суздалева А. Л. Окна Овертона в сфере естественных и технических наук: мониторинг, информационно-аналитическое сопровождение и возможные сценарии // *Естественные и технические науки*. 2015. № 8. С. 17–18.
- Суздалева А. Л., Горюнова С. В. Окна Овертона в развитии современной концепции биосферы и решении глобальных экологических проблем // *Биосфера*. 2015. Т. 7. № 4. С. 429–449.
- Суров И. А. Квантовая концепция свободы выбора // *Ученые записки Института психологии Российской академии наук*. 2023. Т. 3. № 4. С. 68–82.
- Сухачев В. Ю. История без субъекта // *Метафизические исследования*. Вып. 3. История. Альманах лаборатории метафизических исследований при философском факультете Санкт-Петербургского гос. ун-та. СПб.: Алетейя, 1997. С. 28–42.
- Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // *Славянские языки в современном мире*. М.: МГУ, 2009. С. 294–295.
- Талев Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.
- Талев Н. Н. Одураченные случайностью: О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022.
- Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961.
- Тихомиров О. К. Психология мышления. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984.
- Тихомиров О. К. Понятия и принципы общей психологии: учебное пособие для слушателей ФПК факультетов психологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1992.
- Ткачев А. Н. Значение проблемы «непостижимого» С. Л. Франка в логике развития русской философии // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского*. Сер. Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 220–224.
- Ткаченко Н. А. История в сослагательном наклонении: опыт альтернативной истории // *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского*. Сер. Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27 (66). № 1–2. С. 167–174.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Литература

- Токарева Г. В., Дорфман Л. Я. ИмPLICITные процессы и их исследование в западной психологии // Вестник ЮУрГУ. Сер. Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 17–27.
- Толочек В. А. Латентные социальные группы как феномен // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 4. С. 5–19.
- Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
- Трофимова В. Е. Понятие и содержание личной и семейной тайны // Молодой ученый. 2013. № 12 (59). С. 682–685.
- Трубина Е. Множественная травма // Травма: пункты / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 901–911.
- Тургенев И. С. Таинственные повести и рассказы. М.: ООО «Роузбад Интерэкстив», 2019.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2023.
- Уколова В. И. Историк в поисках ответа на вызов // Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2004. С. 5–17.
- Ушаков Д. В. Анатомия психологического знания // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 71–114.
- Ушаков Д. В. Искусственный интеллект как инструмент психологического исследования // Сибирский психологический журнал. 2024. № 90. С. 188–200.
- Фёдоров А. А. Уловки интеллектуальной эквилибристики // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 83–93.
- Фёдоров Н. А. Психологические потенциалы символа // Вестник Омск. ун-та. Сер. Психология. 2012. № 1. С. 24–30.
- Финогентов В. Н. О возможном и невозможном // Научные ведомости. Сер. Философия. Социология. Право. 2010. № 2 (73). Вып. 11. С. 52–62.
- Франк С. Л. Предмет знания. Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека. Опыт введения в философскую психологию. СПб.: Наука, 1995.
- Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ Москва Хранитель, 2007.
- Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994.

Литература

- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2. СПб.: Академический проект, 2004.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1983–1984 учебном году. СПб.: Наука, 2014.
- Фуллер С. Постправа: Знание как борьба за власть. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.
- Хайтун С. Д. Доминирование человеческого фактора в феномене «непостижимой эффективности» математики // Человек. 2016. № 1. С. 164–172.
- Хакен Г. Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
- Харламенкова Н. Е. Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни // Психология субъекта и психология человеческого бытия: монография / под ред. В. В. Знакова, З. И. Рябикиной, Е. А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. С. 40–69.
- Харламенкова Н. Е. Научные основания и теоретико-эмпирическое переосмысление принципа детерминизма в субъектно-деятельностном подходе // Психологический журнал. 2013. № 2. С. 17–28.
- Харламенкова Н. Е. Жизнь и научная деятельность Л. И. Анцыферовой: поиск и открытие неявного знания в явном (к юбилею учителя) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 6. С. 5–17.
- Харламенкова Н. Е., Никитина Д. А. Психологические последствия влияния стихийных бедствий: экология внутренней среды человека // Экопсихологические исследования-6: Экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей / Отв. ред. В. И. Панов. М.: «Психологический институт РАО» — Курск: Университетская книга, 2020. С. 275–279.
- Хинтиikka Я. В защиту невозможных возможных миров // Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс. 1980. С. 228–242.
- Хмелевская С. А., Яблокова Н. И. Система форм постижения бытия в контексте современной культуры // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. 2013. № 2. С. 74–78.

Литература

- Холодная М. А. Психология понятийного мышления: От концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Царева Н. А. Проблема понимания другого в контексте размышлений Вяч. Иванова о природе искусства // *Libri Magistri*. 2019. № 2 (8). С. 68–75.
- Цибизова И. М. *Копривица Ч. Д.* «Что такое тайна?» Рассмотрение платоновой и просветительской конфигурации таинственности // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3: Философия. Реферативный журнал*. 2019. № 3. С. 127–148.
- Цыбуля В. И. Функции символа в психотерапии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2012. № 2. С. 158–173.
- Цыбуля В. И. К проблеме психологического понимания и исследования символа в психотерапии // *Культурно-историческая психология*. 2014. Т. 10. № 3. С. 114–122.
- Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013.
- Чарикова И. Н., Каргапольцев С. М., Лихненко Е. В. Деятельностный потенциал категории «незнание» в эпистемологическом пространстве образовательной парадигмы // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. № 11. С. 77–86.
- Чиксентмихайи М. Поток: Психология оптимального переживания. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.
- Чулков Г. Анна Ахматова // Анна Ахматова. Pro et contra: антология. В 2 т. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. Т. 1. С. 401–407.
- Чулкова В. А., Моисеенко В. М. Психологические проблемы в онкологии // *Практическая онкология*. 2009. Т. 10. № 3. С. 151–157.
- Шаповал И. А. Прочность границ личности: Я-концепция и онтологическая уверенность // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. № 3. С. 48.
- Шевченко С. Ю. Этика неопределенности как продолжение эпистемологии добродетелей: пример генетических рисков // *Эпистемология и философия науки*. 2021. Т. 58. № 1. С. 161–177.
- Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929.
- Шиян О. А. Смена альтернативы как механизм понимания диалогических отношений в пространстве научных текстов // *Филология и культура*. 2013. № 3 (33). С. 333–338.

Литература

- Шкуратов В. А.* От Манхеттена до «Норд-Оста». Психология масс-медиа, политика после 11 сентября 2001 года. Самара: СамИКП-СНЦ РАН, 2002.
- Шулятьева Д. В.* Миры с непредсказуемым прошлым: обратимость события в разветвленном повествовании // *Новый филологический вестник*. 2024. № 2 (69). С. 46–58.
- Шюц А.* Чужак. Социально-психологический очерк // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 533–549.
- Щербаков С. В., Хабиров И. Н.* Основные концепции контфактуального мышления // *Мир педагогики и психологии*. 2018. № 12 (29). С. 128–133.
- Эко У.* Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006.
- Экштут С. А.* «Несбывшееся — воплотить!» Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории // *Россия и современный мир*. 2001. № 1. С. 134–156.
- Эпштейн М. Н.* Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001.
- Эпштейн М. Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- Эпштейн М. Н.* Галина Владимировна Иванченко, 4 июня 1965 – 4 августа 2009 // Иванченко Г. В. Я не искала образов и слов. Избранные стихотворения. Таганрог: Издатель А. Н. Ступин, 2014. С. 4.
- Эпштейн М. Н.* От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М. — СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М.: URSS, 2006.
- Юнг К. Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991.
- Юнг К. Г.* Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
- Юревич А. В.* Отношение к смерти как психологическая проблема // *Вопросы психологии*. 2017. № 4. С. 76–86.
- Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999.
- Abbey E., Valsiner J.* Emergence of meanings through ambivalence // *Forum Qualitative Social Research Sozialforschung*. 2005. V. 6 (1). <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/515>
- Abbott H. P.* Real Mysteries: Narrative and the Unknowable. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2013.

- Abdullah N. A., Cruz J. F.B., Arrazola S.* Imagining Possible Futures: A Comparative Analysis // *Journal of Futures Studies*. 2024. V. 29 (1). P. 21—39.
- Acierno J., Mischel S., Phillips J.* Moral judgements reflect default representations of possibility // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2022. V. 377. No. 1866. P. 20210341. [http:// doi.org/10.1098/rstb.2021.0341](http://doi.org/10.1098/rstb.2021.0341)
- Addis D. R., Pan L., Vu M. A., Laiser N., Schacter D.* Constructive episodic simulation of the future and the past: Distinct subsystems of a core brain network mediate imagining and remembering // *Neuropsychologia*. 2009. V. 47. P. 2222—2238.
- Ahvenharju S., Minkinen M., Lalot F.* The five dimensions of Futures Consciousness // *Futures*. 2018. V. 104. P. 1—13.
- Airaksinen T.* Conspiracy as a Dirty Secret: The Case of 9/11 // *Homo Economicus*. 2009. No. 1. P. 123—141.
- Al-Aghberi M. A.* Telling the Untellable: Dialectic of Silence in Jewish–American and Arab–American Holocaust Discourse // *The Southeast Asian Journal of English Language Studies*. 2015. V. 21. No. 1. P. 61—69.
- Albright C. L.* Harnessing Students’ Competitive Spirit: Using Reacting to the Past to Structure the Introductory Greek Culture Class // *The Classical Journal*. 2017. V. 112 (3). P. 364—379.
- Asada S.* The shock of the atomic bomb and Japan’s decision to surrender: a reconsideration // *Pacific Historical Review*. 1998. V. 67. No. 4. P. 477—512.
- Austin R. D., Devin L., Sullivan E. E.* Accidental innovation: Supporting valuable unpredictability in the creative process // *Organization Science*. 2012. V. 23. No. 5. P. 1505—1522.
- Babrow A. S., Kline K. N.* From “reducing” to “coping with” uncertainty: Reconceptualizing the central challenge in breast self-exams // *Social Science and Medicine*. 2000. V. 51. No. 12. P. 1805—1816.
- Baltes P., Kunzmann U.* Wisdom // *The Psychologist*. 2003. V. 16. No. 3. P. 131—132.
- Balzano M.* Serendipity in management studies: a literature review and future research directions // *Management Decision*. 2022. V. 60. No. 13. P. 130—152.
- Bandura A.* The Psychology of Chance Encounters and Life Paths // *American Psychologist*. 1982 V. 37. No. 7. P. 747—755.

- Baroni R.* Tellability. Handbook of Narratology. Ed. by Peter Hühn, Jan Christoph Meister, John Pier and Wolf Schmid. Berlin, München, Boston: De Gruyter. 2014. P. 836—845.
- Baumeister R. F., Alquist J. L.* The pragmatic structure of indeterminacy: Mapping possibilities as context for action // *Possibility Studies & Society*. 2023. V. 1 (1–2). P. 15—20.
- Baumeister R. F., Campbell W. K.* The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egotism // *Pers. and Soc. Psychol. Rev.* 1999. V. 3. No. 3. P. 210—221.
- Baumeister R. F., Clark C. J.* An agent in a world of possibilities: Introductory overview of the special issue // *Possibility Studies & Society*. 2024. V. 2. No. 3. C. 267—271.
- Baumeister R. F., Lau S.* Why psychological scientists should disdain determinism // *Possibility Studies & Society*. 2024. V. 2 (3). P. 282—302.
- Baumeister R. F., Maranges H. M., Sjästad H.* Consciousness of the Future as a Matrix of Maybe: Pragmatic Prospection and the Simulation of Alternative Possibilities // *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*. 2018. V. 5. No. 3. P. 223—238.
- Bear A., Knobe J.* What Do People Find Incompatible With Causal Determinism? // *Cognitive Science*. 2016. V. 40. P. 2025—2049.
- Beck A. T., Emery G., Greenberg R. L.* Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective. N.Y.: Basic Books, 2005.
- Beck S. R., Robinson E. J., Carroll D. J., Apperly I. A.* Children’s Thinking About Counterfactuals and Future Hypotheticals as Possibilities // *Child Development*. 2006. V. 77 (2). P. 413—426.
- Beghetto R. A.* A new horizon for possibility thinking: A conceptual case study of Human & AI collaboration // *Possibility Studies & Society*. 2023. V.1. No. 3. P. 324—341.
- Bell J. S.* Speakable and unspeakable in quantum mechanics: Collected papers on quantum philosophy. Cambridge, New York: Cambridge university press, 2004.
- Berto F.* Impossible Worlds and the Logic of Imagination // *Erkenntnis*. 2017. V. 82. No. 6. P. 1277—1297.
- Bloch C., Sørensen M. P., Young M.* Tales of serendipity in highly cited research: An explorative study // *Journal of the Knowledge Economy*. 2020. V. 11. P. 1596—1613.
- Bohm D.* Wholeness and the implicate order. London: Routledge, 1980.

- Bowen B., Campbell L., Green J., Phillips E. A.* Possibility Thinking in the Community-Engaged Classroom: Uniting Hope and Imagination towards Anti-Racist Action // *Jesuit Higher Education: A Journal*. 2023. V. 12. No. 2. P. 213—227.
- Brown A. D., Root J. C., Romano T. A., Chang L. J., Bryant R. A., Hirst W.* Over-generalized autobiographical memory and future thinking in combat veterans with posttraumatic stress disorder // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 2013. V. 44. P. 129—134.
- Byrne R. M.* Counterfactual thinking: From logic to morality // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. V. 26 (4). P. 314—322.
- Cattani G.* Technological pre-adaptation, speciation, and emergence of new technologies: how Corning invented and developed fiber optics // *Industrial and Corporate Change*. 2006. V. 15. No. 2. P. 285—318.
- Celar L., Byrne R. M.J.* How people reason with counterfactual and causal explanations for artificial intelligence decisions in familiar and unfamiliar domains // *Memory & Cognition*. 2023. P. 1—16.
- Cepelewicz J.* New Proof Finds the ‘Ultimate Instability’ in a Solar System Model. *Quanta*, 2023. <http://www.quantamagazine.org/new-math-shows-when-solar-systems-become-unstable-20230516/>
- Chen, J., Chiu, C.Y., Roese, N.J., Tam, K., Lau, I. Y.* Culture and counterfactuals: On the importance of life domains // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2006. V. 37. P. 75—84.
- Clark A.* Whatever next? Predictive brains, situated agents and the future of cognitive science // *Behavioral and brain sciences*. 2013. V. 36. P. 181—204.
- Cona G., Santacesaria P., Scarpazza C.* Envisioning the future: An ALE meta-analysis on neural correlates of future thinking, prospective memory and delay discounting // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2023. V. P. 105355. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2023.105355>
- Cook-Greuter S. R.* Rare Forms of Self-Understanding in Mature Adults // *Transcendence and Mature Thought in Adulthood. The Further Reaches of Adult Development* / Ed. by M. E. Miller, S. R. Cook-Greuter. London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc. 1994. P. 119—143.
- Craft A.* Possibility thinking: From what is to what might be // *The Routledge international handbook of research on teaching thinking* / Ed. by R. Wegerif, L. Li, J. C. Kaufman. London: Routledge. 2015. P. 177—191.

- Craft A., Cremin T., Burnard P., Dragovic T., Chappell K.* Possibility thinking: culminative studies of an evidence-based concept driving creativity? // *International Journal of Primary, Elementary and Early Years Education*. 2013. V. 41 (5). P. 538—556.
- Crenshaw M.* The psychology of terrorism: An agenda for the 21st century // *Political psychology*. 2000. V. 21. No. 2. P. 405—420.
- Cunha M. P., Rego A., Clegg S., Lindsay G.* The dialectics of serendipity // *European Management Journal*. 2015. V. 33. No. 1. P. 9—18.
- Damhof L., Gulmans J.* Imagining the impossible: An act of radical hope // *Possibility Studies & Society* // 2023. V. 1. No. 1–2. P. 51—55.
- Darbellay F., Moody Z., Sedooka A., Steffen G.* Interdisciplinary research boosted by serendipity // *Creativity research journal*. 2014. V. 26. No. 1. P. 1–10.
- DeCicco T. L., Stroink M. L.* A Third Model of Self-Construal: The Metapersonal Self // *International Journal of Transpersonal Studies*. 2007. V. 26. Iss. 1. P. 82—104.
- Deng W., Rosenblatt A. K., Talhelm T., Putnam A. L.* People from the U.S. and China think about their personal and collective future differently // *Memory & Cognition*. 2023. V. 51. Iss. 1. P. 87—100.
- Dew N.* Serendipity in entrepreneurship // *Organization studies*. 2009. V. 30. No. 7. P. 735—753.
- Elster J.* *Alchemies of mind*. Cambridge University Press, 1999.
- Engelmann N., Hannikainen I. R.* Does moral valence influence the construal of alternative possibilities? // *Possibility Studies & Society*. 2024. V. 2. Iss. P. 318—331.
- Epstude K., Efron D. A., Roese N. J.* 2022. Polarized imagination: partisanship influences the direction and consequences of counterfactual thinking // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 377 (1866). <http://doi.org/10.1098/rstb.2021.0342>
- Epstude K., Roese N. J.* The functional theory of counterfactual thinking // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. V. 12. No. 2. P. 168—192.
- Fakruddin M., Mazumder R. M., Mannan K. S.B.* Predictive microbiology: Modeling microbial responses in food // *Ceylon Journal of Science (Bio. Sci.)*. 2011. V. 40. No. 2. P. 121—131.
- Felman S.* *What does a woman want? Reading and sexual difference*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1993.
- Ferrante D., Giroto V., Straga M., Walsh C.* Improving the past and the future: a temporal asymmetry in hypothetical thinking // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2013. V. 142. No. 1. P.23—27.

- Fershtman C., Gneezy U., Hoffman M.* Taboos and identity: Considering the unthinkable // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2011. V. 3. No. 2. P. 139—164.
- Fitzgibbon L., Murayama K.* Counterfactual curiosity: motivated thinking about what might have been // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2022. 377 (1866). <http://doi.org/10.1098/rstb.2021.0340>
- Friedel R.* Serendipity is no accident // *The Kenyon Review*. 2001. V. 23. No. 2. P. 36—47.
- Gambetti E., Nori R., Marinello F., Zucchelli M. M., Giusberti F.* Decisions about a crime: Downward and upward counterfactuals // *Journal of Cognitive Psychology*. 2017. V. 29. No. 3. C. 352—363.
- Gautam S., Hall O. R., Suddendorf T., Redshaw J.* Counterfactual choices and moral judgments in children // *Child Development*. 2023. V. 94. No. 5. P. 296—307.
- Gergen K. J.* From mirroring to world-making: Research as future forming // *Journal for the theory of social behaviour*. 2015. V. 45. No. 3. P. 287—310.
- Gergen K. J.* The social sciences as future forming // *Possibility Studies & Society*. 2023. V. 1. No. 1—2. P. 81—86.
- Gerstenberg T.* What would have happened? Counterfactuals, hypotheticals and causal judgements // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. 2022. 377: 20210339. <http://doi.org/10.1098/rstb.2021.0339>
- Giroto V., Ferrante D., Pighin S., Gonzalez M.* Postdecisional counterfactual thinking by actors and readers // *Psychological Science*. 2007. V. 18. No. 6. P. 510—515.
- Glăveanu V. P.* The possible as a Field of Inquiry // *Europe's Journal of Psychology*. 2018. V. 14. No. 3. P. 519—530.
- Glăveanu V. P.* What's 'inside' the prepared mind? Not things, but relations // *The art of serendipity* / Ed. by W. Ross, S. Copeland. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 23—39.
- Glăveanu V. P.* Possibility studies: A manifesto // *Possibility Studies and Society*. 2023. V. 1. Iss. 1—2. P. 1—6.
- Glăveanu V. P., Karwowski M., Ross W., Beghetto R. A.* Possibility Thinking Scale: An initial psychometric exploration // *Possibility Studies & Society*. 2024. V. 2. Iss. 1. P. 125—147.
- Goldfarb D.* Thinking the Unthinkable // *Backgrounder: The Border Papers*. 2004. No. 77. P. 1—19.
- Goulding B. W., Friedman O.* A Similarity Heuristic in Children's Possibility Judgments // *Child Development*. 2021. V. 92. No. 2. P.662—671.

- Goulding B. W., Stonehouse E. E., Friedman O. Anchored in the present: preschoolers more accurately infer their futures when confronted with their pasts // *Transactions of the Royal Society B*. 2022. V. 377. Iss. 1866. <http://doi.org/10.1098/rstb.2021.0344>
- Gowing N., Langdon C. Thinking the unthinkable: A new imperative for leadership in the digital age. Suffolk, UK: John Catt Educational Ltd., 2018.
- Grant, A.M., Ashford S.J. The dynamics of proactivity at work // *Research in Organizational Behavior*. 2008. V. 28. P. 3—34.
- Grimland M., Apter A., Kerkhof A. The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // *Crisis*. 2006. V. 27. No. 3. P. 107—118.
- Han P. K., Klein W. M., Arora N. K. Varieties of uncertainty in health care: A conceptual taxonomy // *Medical Decision Making*. 2011. V. 31. No. 6. P. 828—838.
- Hanson M. H. Reality studies: Reflections on the possible and actual // *Possibility Studies & Society*. 2023. V. 1. No. 1—2. P. 87—98.
- Hauser M. D. The possibility of impossible cultures // *Nature*. 2009. V. 460. No. 9. P. 190—196.
- Номо скриптор: Сборник статей и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / Под ред. М. Липовецкого. М.: Новое литературное обозрение, 2020.*
- Hough A. R., Gluck K. A. The understanding problem in cognitive science // *Advances in Cognitive Systems*. 2019. No. 8. P. 13—32.
- Johnson-Laird P. N., Byrne R. M. J., Khemlani S. S. Models of Possibilities Instead of Logic as the Basis of Human Reasoning // *Minds and Machines*. 2024. V. 34. No. 3. P. 19.
- Johnson-Laird P. N., Ragni M. Reasoning about possibilities: Modal logics, possible worlds, and mental models // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2024. P. 1—28.
- Jeong T. When to Use Counterfactuals in Causal Historiography: Methods for Semantics and Inference // *Sociological Methods & Research*. 2025. Iss. 1. P. 1—30.
- Josephs I. E. Constructing one's Self in the city of the silent: Dialogue, symbols, and the role of 'as-If' in Self-development // *Human Development*. 1998. V. 41. No. 3. P. 180—195.
- Kahn H. Thinking about the unthinkable. N.Y.: Horizon Press, 1962.
- Kamprath M., Henike T. Serendipity and innovation: Beyond planning and experimental-driven exploration // *The Routledge Companion to Innovation*

- Management / Ed. by J. Chen, A. Brem, E. Viardot, P. K. Wong. London: Routledge, 2019. P. 343—360.
- Kentli F. D.* Comparison of hidden curriculum theories // *European Journal of Educational Studies*. 2009. No. 1 (2). P. 83—88.
- Kray L. J., Galinsky A. D., Wong E. M.* Thinking Within the Box: The Relational Processing Style Elicited by Counterfactual Mind-Sets // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. V. 91. No. 1. P. 33—48
- Kray L. J., George L. G., Liljenquist K. A., Galinsky A. D., Tetlock Ph.E., Roese N. J.* From What Might Have Been to What Must Have Been: Counterfactual Thinking Creates Meaning // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2010. V. 98. No. 1. P. 106—118.
- Kusch M.* Das Zeugnis der Holocaustüberlebenden: Gewissheit, Skeptizismus, Relativismus // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2019. V. 67. Iss. 6. S. 979—991.
- Lane J. D., Ronfard S., El-Sherif D.* The influence of first-hand testimony and hearsay on children’s belief in the improbable // *Child Development*. 2018. V. 89. No. 4. P. 1133—1140.
- Levy J. S.* Counterfactuals, causal inference, and historical analysis // *Security Studies*. 2015. V. 24. No. 3. P. 378—402.
- Lewis D. K.* On the plurality of worlds. Oxford: Blackwell, 1986.
- Li-Chay-Chung A., Starrs F., Ryan J. D., Barensse M., Olsen R. K., Addis R. D.* Integrity of autobiographical memory and episodic future thinking in older adults varies with cognitive functioning // *Neuropsychologia*. 2024. V. 201. [http:// doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2024.108943](http://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2024.108943)
- Liu J. H., Paez D., Slawuta P., Cabecinhas R., Techio E., Kokdemir D., Sen R., Vincze O., Muluk H., Wang F., Zlobina, A.* Representing world history in the 21st century: The impact of 9/11, the Iraq war, and the nation-state on dynamics of collective remembering // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2009. V. 40. No. 4. P. 667—692.
- Lo Giacco L.* Giving meaning to the past: historical and legal modes of thinking // *Jus Gentium*. 2024. V. 9. No. 2. P. 371—400.
- Lopatkin A. J., Collins J. J.* Predictive biology: modelling, understanding and harnessing microbial complexity // *Nature Reviews Microbiology*. 2020. V. 18. No. 9. P.507—520.
- Luczak A., McNaughton B. L., Kubo Y.* Neurons learn by predicting future activity // *Nature Machine Intelligence*. 2022. V. 4. Iss. 1. P. 62—72.
- Ludolph P.* Measuring Critical Thinking in Reacting to the Past // *Teaching History*. 2023. V. 48. No. 1. P. 91—105.

- MacKay R., McKiernan P.* Scenario thinking: A historical evolution of strategic foresight (elements in business strategy). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Mangion M.* Creativity and Innovation 4.0. Fostering Renewal Through Possibility Thinking // *Farol*. 2024. P. 37—49.
- Mara C. A., DeCicco T. L., Stroink M. L.* An Investigation of the Relationships Among Self-Construal, Emotional Intelligence, and Well-Being // *The International Journal of Transpersonal Studies*. 2010. V. 29. Iss. 1, P. 1—11.
- Markmana K. D., Mizoguchia N., McMullen M. N.* “It would have been worse under Saddam:” Implications of counterfactual thinking for beliefs regarding the ethical treatment of prisoners of war // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2008. V. 44. P. 650—654.
- Markus H., Nurius P.* Possible selves // *American Psychologist*, 1986. V. 41. No. 9. P. 954—969.
- McCay-Peet L., Toms E. G.* Investigating serendipity: How it unfolds and what may influence it // *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 2015. V. 66. Iss. 7. P. 1463—1476.
- McKiernan P.* Prospective thinking: scenario planning meets neuroscience // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. V. 124. P. 66—76.
- Mei-Hua L.* Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during un-folding events // A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Wright State University, 2008.
- Merton R. K., Barber E.* *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. Princeton N.J.: Princeton University Press, 2004.
- Milyavskaya M., Saffran M., Hope N., Koestner R.* Fear of missing out: prevalence, dynamics, and consequences of experiencing FOMO // *Motivation and emotion*. 2018. V. 42. No. 5. P. 725—737.
- Mirvahedi S.* The role of serendipity in opportunity exploration // *Journal of Research in Marketing and Entrepreneurship*. 2017. V. 19. No. 2. P. 182—200.
- Moghaddam F. M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // *American Psychologist*. 2005. V. 60. No. 2. P. 161—169.
- Newson A. J., Leonard S. J., Hall A., Gaff C. L.* Known unknowns: building an ethics of uncertainty into genomic medicine // *BMC Medical Genomic*. 2016. V. 9. No. 1. P. 1—8.
- Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. V. 108. No. 2. P. 291—310.

- Norrick N. R. The dark side of tellability // *Narrative Inquiry*. 2005. V. 15. No. 2. P. 323—343.
- Ochs E., Capps L. *Living narrative: Creating lives in everyday storytelling*. Cambridge: Harvard University Press. 2001.
- Parker S. K., Williams H. M., Turner N. Modeling the antecedents of proactive behavior at work // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. No. 3. P. 636—652.
- Pearl J. The seven tools of causal inference with reflections on machine learning // *Communications of the ACM*. 2019. V. 62. No. 3. P. 54—60.
- Pennebaker J. W., Banasik B. L. On the Creation and Maintenance of Collective Memory // *Collective Memory of Political Events* / Ed. by J. W. Pennebaker, D. Paez, B. Rime, Mahwah N. J.: Lawrence Erlbaum, 1997. P. 3—20.
- Phillips J., Cushman F. Morality constrains the default representation of what is possible // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2017. V. 114. No. 18. P. 4649—4654.
- Pierce M. E. Individual and holistic information processing // Thesis submitted to the Faculty of the Virginia Polytechnic Institute and State University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Science. 2007. Blacksburg, VA. P. 1—24.
- Poli R. Basic understandings of possibility // *Possibility Studies & Society*. 2023. V. 1. Iss. 1—2. P. 194—197.
- Powers R. G., Burney J. M., Carnes M. C., Braun M., Carver L., Coby J. P., Pettersen M. S. Reacting to the past: A new approach to student engagement and to enhancing general education // White paper report submitted to the Teagle Foundation. 2010.
- Rafetseder E., Perner J. Counterfactual reasoning: Sharpening conceptual distinctions in developmental studies // *Child Development. Perspectives*. 2014. V. 8. No. 1. P. 54—58.
- Redshaw J., Ganea P. A. Thinking about possibilities: mechanisms, ontogeny, functions and phylogeny // *Transactions of the Royal Society B*. 2022. V. 377. No. 1866. P. 3—33.
- Ross W. Embracing difference and cultivating hope: The transformative potential of Possibility Studies // *Possibility Studies & Society*. 2023. V. 1. Iss. 1—2. P. 243—259.
- Routledge, C., Arndt, J., Wildschut, T., Sedikides, C., Hart, C. M., Juhl J., Schlotz W. The past makes the present meaningful: Nostalgia as an existential resource // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. V. 101. Iss. 3. P. 638—652.

- Saint-Jean P. S.J.* The Crucible of Racism: Ignatian Spirituality and the Power of Hope. NY: Orbis Books, 2022.
- Schacter D.L., Addis D. R., Buckner R. L.* Remembering the past to imagine the future: the prospective brain // *Nature reviews neuroscience*. 2007. V. 8. P. 657—661.
- Schacter D. L., Benoit R. G., Brigard F. D., Szpunar K. K.* Episodic future thinking and episodic counterfactual thinking: Intersections between memory and decisions // *Neurobiology of Learning and Memory*. 2015. V. 117. P. 14—21.
- Schoemaker P. J.H., Tetlock Ph. E.* Taboo scenarios: How to think about the unthinkable // *California Management Review*. 2012. V. 54. No. 2. P. 5—24.
- Seljamaa E. H., Siim P. M.* Where silence takes us, if we listen to it // *Ethnologia Europaea*. 2016. V. 46. No. 2. P. 5—13.
- Sepinwall A. G.* Still unthinkable? The Haitian revolution and the reception of Michel-Rolph Trouillot's silencing the past // *Journal of Haitian Studies*. 2013. V. 19. No. 2. P. 75—103.
- Shtulman A.* The development of possibility judgment within and across domains // *Cognitive Development*. 2009. V. 24. No. 3. P. 293—309.
- Sloman A.* Some (possibly) new considerations regarding impossible objects. The University of Birmingham, 2015. <http://www.cs.bham.ac.uk/~axs>
- Sloman S. A.* The Empirical Case for Two Systems of Reasoning // *Psychological Bulletin*. 1996. V. 119. No. 1. P. 3—22.
- Stanciu O.* Narrativity, experience, and meaning // *History and Theory*. 2024. V. 63, Iss. 3. P. 452—460.
- Sternberg R.* *Wisdom, Intelligence and Creativity Synthesized*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Stockwell P.* *Cognitive Stylistics* // *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. L.: Routledge. 2016. P. 240—252.
- Sullivan G. B.* The future of psychology, theoretical psychology and the global society: Beyond prediction in imagining humanity challenges // *Resistance and renewal in theoretical psychology* / Eds. by G. B. Sullivan, J. Creswell, B. Ellis, M. Morgan, E. Schraube. Captus Press. 2017. P. 265—276.
- Summerville A.* Counterfactual seeking: The scenic overlook of the road not taken // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011. V. 37. No. 11. P. 1522—1533.

- Szalek B. Z. Some praxiological reflections on the so-called «Overton window of political possibilities», «Framing» and related problems // *Reality of Politics. Estimates — Comments — Forecasts*. 2013. No. 4. P. 237—258.
- Tetlock P. E., Gardner D. *Superforecasting: The art and science of prediction*. Random House, 2016.
- Tetlock P. E., Belkin A. Counterfactual thought experiments in world politics: Logical, methodological, and psychological perspectives // *Thought experiments in world politics* / Eds. P. E. Tetlock & A. Belkin. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 3—38.
- Tetlock Ph.E., Kristel O. V., Elson S. B., Green M. C. Lerner J. S. The psychology of the unthinkable: Taboo trade-offs, forbidden base rates, and heretical counterfactuals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. V. 78. No. 5. P. 853—870.
- Thomson H. *Unthinkable. An extraordinary journey through the world's strangest brains*. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2018.
- Trezise T. Unspeakable // *The Yale Journal of Criticism*. 2001. V. 14. P. 39—66.
- Tsai C. G. Anticipating the main theme: A model for understanding prospective memory and reward learning in sonata-form listening // *Musicae Scientiae*. 2024. V. 28. No. 3. P. 436—450.
- Von Hippel E., von Krogh G. CROSSROADS-Identifying viable «Need-solution pairs»: Problem solving without problem formulation // *Organization Science*. 2016. V. 27. No. 1. P. 207—221.
- Wieviorka M. Priorities. Sociology on the move // XVII ISA World Congress of Sociology Sociology on the Move Gothenburg, Sweden. 2010. P. 11—17.
- Woo G. Downward counterfactual search for extreme events // *Frontiers in Earth Science*. 2019. V. 7. Article 340. doi: 10.3389/feart.2019.00340
- Yaqub O. Serendipity: Towards a taxonomy and a theory // *Research Policy*. 2018. V. 47. No. 1. P. 169—179.
- Youvan D. C. *The Geometry of Absurdity: Mathematical Explorations of the Impossible*. 2024. <https://www.researchgate.net/publication/384068177>
- Zeelenberg M. Anticipated regret, expected feedback and behavioral decision making // *Journal of behavioral decision making*. 1999. V. 12. No. 2. P. 93—106.
- Zhang L. F. Thinking styles: their relationships with modes of thinking and academic performance // *Educational Psychology*. 2002. V. 22. No. 3. P. 331—348.
- Zhihong L. The role of secrets in Self-development and exploration // *Creativity and Innovation*. 2020. V. 4. No. 3. P. 53—56.

Научное издание

Знаков Виктор Владимирович

**ВОЗМОЖНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ
ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО**

Редактор – Знаков В. В.

Корректор – Козлова М. В.

Оригинал макет, верстка – Малинина Е. К.

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1.

Сдано в набор 28.04.2025. Подписано в печать 15.05.2025
Гарнитура Palatino Linotype Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 18,5.

Формат 60 × 90/16. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль,
ул. Полушкина Роща, д. 16, стр. 66а.